Елена Немых
Обер-провиантмейстер: 1757

часть 1

Елена Немых

Обер-провиантмейстер:1757, часть 1

«Автор»
2026

Немых Е.

Обер-провиантмейстер:1757, часть 1 / Е. Немых — «Автор», 2026

Казалось бы про Суворова Александра Васильевича известно все. Так нет же! Даже по поводу даты его рождения до сих пор спорят историки, в тумане прошлого тонут и первые годы службы. В Семёновском Лейб-гвардии полку, куда отдали Сашу Суворова в 12 лет, причем с преобладанием по началу домашнего обучения, хотя бы вели учетные журналы. По этим записям легко восстановить атмосферу полковой школы. А вот жизнь поручика Суворова после выпуска до первого появления «сказках» Елизаветы Петровны на военном марше в Восточную Пруссию - загадка. Да и кому нужен был премьер-майор в должности обер-провиантмейстера? Маленький винтик большой военной машины, на месте которого мог бы оказаться, кто угодно? Как все эти факты сочетаются с нашим легендарным фельдмаршалом, о котором знают все в России?!

© Немых Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 145

Елена Немых
Обер-провиантмейстер:1757, часть 1

Предисловие: Суворов Саша в юные годы мог бы сделать карьеру военного юриста, как мечтал его отец. Бывший денщик Петра первого, старший Суворов, сделал головокружительную карьеру, став сначала военным прокурором, а потом членом Военной коллеги, а позже и главным снабженцем русской армии. Именно его мечту об интендантской доле по началу исполнял Суворов-младший. И Саша Суворов, рядовой обер-провиантмейстер в какой-то далекой Либаве, был абсолютно никому не известен. Он вполне мог бы затеряться в толпе почти стотысячного войска императрицы Елизаветы Петровны, которая еще что-то слышал про отца Суворова-старшего, военного прокурора, но ничегошеньки не знала про скромного юноша, поскакавшего вдруг на Прусскую войну, позже названную Семилетней. Так что за первая должность была у Александра Васильевича в первой год его реальной службы на первой его войне? Нравилось ли ему сушить сухари на целую армию в допотопных земляных печах, заведовать бочками с пивом до охочих до выпивки солдат и фуражом для лошадей?

Что чувствовал он, когда его ровесники, бывшие слушатели юношеской полковой школы, стали получать ранения и гибнуть на полях сражений, при этом стремительно двигаясь по военной лестнице к новым чинам, получая ордена? Как случилось его первое сражение? Характер или судьба привели его в итоге к головокружительной воинской славе? Кто стоит за движением этой маленькой военной пешки на гигантской шахматной доске, разложенной самой императрицей Елизаветой Петровной и ее Военным Советом в виде Конференции при Высочайшем дворе в Восточной Пруссии?

Книга «Обер-провиантмейстер:1757» 1 часть посвящена этой метаморфозе: превращения маленького человечка в нужного, важного Человека, в нашу Славу и Гордость. В ней реальные факты из жизни легендарного полководца Александра Суворова переплетаются с художественным вымыслом, опирающемся на реальные исторические факты .

Краткая биография автора:

Елена Немых- автор и режиссер кино и ТВ, член Гильдии режиссеров России. Окончила: ВГИК им. Сергея Герасимова, режиссура художественного фильма (мастерская режиссера Евгения Ташкова, выпуск 1996), а так же NYFA,New York film academy Moscow (сертификат продюсера, выпуск - 2013). В 2025 Елена окончила Курсы Литературного Мастерства при Литинституте им.Горького. (мастерская А.Ю. Сегеня). В кино и ТВ с 1992, автор, режиссер-постановщик, продюсер ТВ программ, клипов, рекламных и документальных фильмов, художественных сериалов и художественных фильмов

1.Глава. Варвары.

Из протокола Конференции при Высочайшем дворе[1]:

Проект плана операций на 1757 год, выработанный 8 февраля 1757 г. за N39.

«Учиненное королем прусским на области короля польского, яко курфюрста саксонского и ее величества императрицы королевы нападение, так вероломно и так неоправдаемо пред всем светом, что дабы вывести себя хотя некоторым образом с благопристойностью и честью из сего трудного дела, не остается ему иного способа, как все силы к тому употребить, чтоб победителем быть и силою оружия пред светом оправдаться и мир без раздробления своих областей получить, толь наипаче, что учиненные им о мире и медиации предложении везде с презрением отвергнуты...Одним словом дело на обе стороны в таком состоянии, что от успеху зависит безопасность и честь, а в противном случае можно сказать все погублено».

Граф Алексей Бестужев-Рюмин. Князь Никита Трубецкой. Александр Бутурлин. Князь Михайло Голицын. Граф Михайло Воронцов. Граф Петр Шувалов.

Писк - еле уловимый монотонный звук - усиливался, приближаясь. Дождь закончился, и лишь редкие капли падали с ветвей деревьев на самодельные солдатские укрытия. В белую палатку из парусины прямо через приоткрытую дверь влетел шальной комар.

- З-з-з-з, - зажужжав противно, он сначала ударился об стену, потом о другую. Его сородичи услышали призыв, дружной вереницей в палатку влетело их с десяток.

- Ззз-ззз-ззз, - и вот все пространство уже наполнилось противным писком жаждущей крови комариной стаи.

Человек, лежавший справа, предусмотрительно укрылся плащом, от него разило табаком, и комары им не заинтересовались. А вот человек слева показался отличной добычей. Во-первых, он лежал не на раскладной походной кровати, а прямо на сене, в нем можно было спрятаться в случае чего. Во-вторых, жертва забыла прикрыть лицо полой своего длинного кафтана. Темные брови над сомкнутыми веками придавали ему немного грозный вид, а большой рот с выпяченной вперед губой, делал лицо слегка обиженным. Десятки насекомых стали пикировать прямо на его щеку. Почувствовав, как комары впились в него своими острыми хоботками, человек подскочил на ложе из сена, сел и ударил себя по щеке. Одет он был в красный камзол, и привычка спать в походе в одежде отчасти спасла его от этой внезапной атаки насекомых. У входа в палатку висел фонарь, дававший тусклый свет от маленького огонька фитиля свечи, и молодой человек лет тридцати разглядел у себя на руке трех убитых комаров. Он сверкнул голубыми глазами, посмотрев в сторону соседа, но тот все также храпел. Остальные кровопийцы испуганно взмыли вверх, часть нырнула в сено, но всей толпой они встревоженно зажужжали.

- Фу ты, напасть-то какая!- прошептал он и сбросил с себя кафтан окончательно, присмотрелся и понял, что нужно срочно бежать из палатки. Комаров летало тьма-тьмущая, целое войско! Он с минуту раздумывал, куда бы деться, как вдруг услышал вдалеке протяжный крик. Он прислушался. Лесное эхо умножало эффект, но слов было не разобрать. Мужчина сунул

[1] Конференция при Высочайшем дворе (Конференция министров) — высшее государственное и совещательное учреждение Российской империи, существовавшее в 1756–1762 годах, фактически Военный Совет при Елизавете Петровне.

руку в солому, нащупал свой парик с косой, потом что-то твердое и достал горжет[2]. Золотистая бляха с ликом российской императрицы Елизаветы Петровны[3] словила блик от фонаря в просвете палатки, и уже не было сомнений, что держал ее в руках офицер российской армии. Он подумал с минуту, поглядел на валяющийся зеленый кафтан, и понял, что крепить к нему горжет будет долго. Однако его опять отвлек громкий, протяжный звук за тонкой стеной палатки:

- Намо Гурубья! Намо Буддая[4]!

Офицер испуганно схватился за шпагу, стоявшую у изголовья походного ложа, сунул горжет в солому, быстро надел поверх плотных белых чулок черные узкие сапоги, доходившие почти до колена. Оттянув книзу белые же узкие штаны-колоты, так чтобы они сравнялись с краем сапог, подхватил пояс-шарф и вскочил. Он решил не надевать парик, а лишь пригладил свои редкие светло-каштановые волосы. Залысины уже появились, делая лоб его еще выше.

- Намо Гурубья! Намо Буддая! – заорал кто-то опять в лесу.

Надлежало немедленно выяснить, что означал этот звук. Молодой человек сделал шаг вперед, когда заворочался его сосед. Его тоже, видимо, кусали комары, потому что послышалось чертыханье. Второй офицер с черной, вихрастой головой приподнялся на локте, недовольно раскрыв глаза:

- Чёрт бы их побрал! Кровопийцы окаянные! И ночью покою нет!

Он прищурился, присматриваясь к вставшему:

- Суворов[5]? Вы ли это? Неужто полог шатра не затворили? Что за небрежение?

- Не припомню за собою сего, - отвечал Суворов. - Извольте почивать, майор Гак6!

- А сами отчего поднялись? - проворчал майор. - Али комары и вас донимают?

Он хлопнул себя по шее, убив двоих комаров сразу.

- Послышался мне какой-то звук неподалёку. Хочу удостовериться, что всё благополучно.

- Звук? А не почудилось? - майор Гак явно был раздосадован пробуждением.

Он запустил руку в плечевой мешок, достал трубку и табакерку.

- Попробую дымом отогнать эту нечисть. Только глядите, не впускайте более супостатов. Слышите, Александр Васильевич?

- Слушаюсь , ваше высокоблагородие!

---

[2] Горжет- офицерский знак (знак различия) в XVII–XIX веках в виде металлической пластины в форме полумесяца, его носили на шнуре или цепочке на груди у воротника как символ офицерского чин

[3] Елизаве́та Петро́вна (1709 — 1761) — императрица и самодержица Всероссийская из династии Романовых с 25 ноября (6 декабря) 1741 года по 25 декабря 1761 (5 января 1762), младшая дочь Петра I (1672-1725)и Екатерины I(1684 – 1727).

[4] Намо Гурубья! Намо Буддая ! - Поклоняюсь Гуру! Поклоняюсь Будде!(калмыцкая молитва).

[5] Александр Васильевич Суворов (13 [24] ноября 1729(1730), Москва — 6 [18] мая 1800, Санкт-Петербург) — русский полководец, основоположник русской военной теории, будущий фельдмаршал (1794), генералиссимус (1799), кавалер всех российских орденов своего времени, семи иностранных, на начало Семилетней войны - премьер-майор, обер-провиантмейстер. Обер-провиантмейстер — это чин и должность в Русской императорской армии XVIII–XIX веков, заведовавший обеспечением продовольствием (провиантом) и фуражом крупного воинского соединения.

- Намо Дхармая. Намо Сангхая[6], - вдруг опять заголосил кто-то в лесу.

У Петра Гак чуть трубка не выпала из рук, он сел встревоженно, скрипнув своей походной складной кроватью:

- Что за напасть? Что за вопли?

- Пётр Иванович, извольте пока управиться с комарами, а я схожу погляжу. Не по сердцу мне сие. Надобно дознаться, что там творится.

- Ступай. После доложишь, премьер-майор, - недовольно пробурчал майор Гак и стал набивать табаком свою трубку, периодически чертыхаясь и хлопая себя по щекам и шее.

Премьер-майор Суворов все же подхватил кафтан, накинул его на плечи и вышел в лес со шпагой в руках. Весна дышала прохладой, и было зябко. Зеленое сукно казалось в отсвете фонаря почти серым, красные обшлага на рукавах почти малиновыми, а не красными, прикрыть красный камзол почему-то хотелось. Он вообще не нравился ему своей яркостью. «Сей цвет в бою слишком приметен: враг приметит его и ночью», - подумал премьер -майор Суворов и крикнул в парусиновую стену:

— Пётр Иванович, возьму с собою фонарь. Иначе гнус опять слетится на огонь.

— Хорошо, Суворов. Ступайте, - недовольно ответствовал майор.

Судя по усиленным хлопкам из палатки, сражение с комариной стаей продолжалось.

Суворов схватил фонарь с догорающей свечей и двинулся на звук. Место было болотистым, от прошедшего дождя землю сильно развезло, и Александр почувствовал, как его сапоги просто утопают в жиже. Сапоги противно зачавкали, они отказывались идти дальше. Он с усилием вытянул их из вязкой лужи, нашел дерн, перебрался на более сухой участок земли, чтобы двинуться дальше. Сделав несколько шагов, он вдруг увидел зарево впереди. Сердце его сжалось, надо было срочно идти в чащу, выяснять что там. Он взглянул на сверкающие огоньки фонарей у других палаток. Их стояло на лесной опушке около сотни. Лагерь российской армии спал, и лишь туман наплывал на белые парусиновые стены. Российская армия ее величества Елизаветы Петровны отправилась в военный поход в Пруссию.

Фридрих II[7] развязал войну в Европе, и Россия, лишила наказать супостата. Почти год российская императрица выдерживала паузу, не вмешиваясь в военный конфликт Австрии с новоявленным государством. «И что это за государство такое? Пру-сссс-ия, и вправду, как будто комар зажужжал, которого надо бы и прихлопнуть», - подумалось Суворову, и он пошел вперед, в чащу.

---

[6] Намо Дхармая. Намо Сангхая - калмыцкая молитва

[7] Фри́дрих II Вели́кий, известный как Старый Фриц (1712 —1786) — король Пруссии с 1740 года из династии Гогенцоллернов. Территория Пруссия получила статус королевства, став мощной державой в 1701 году.

Ему предписали попасть в Либаву[8], в Курляндию, там его ждали опять теперь уже иностранные военные магазейны, то бишь военные склады провианта. Александр Суворов, как обер-провиантмейстер числился в Провиантской службе и подчинялся напрямую только ее приказам. Главная Провиантская канцелярия находилась в Санкт-Петербурге. Главным распорядителем по провианту в войсках считался Семен Фёдорович Волконский[9]. Суворов шел по чаще и вдруг вспомнил первую встречу с ним, и свой последний разговор с отцом перед маршем, Суворовым-старшим.

67

Гербъ рода

Суворовыхъ

Щитъ имѣетъ голубую вершину съ изображеніемъ золотаго креста, въ нижней пространной части въ правомъ серебряномъ полѣ находится панцырь, а въ лѣвомъ красномъ полѣ крестообразно положены серебряная шпага и стрѣла, остроконечіями вверхъ. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ ше-

[8] Либава — историческое название города Лиепая на юго-западе Латвии, на побережье Балтийского моря, которое использовалось до 1920 год

[9] Князь Семён Фёдорович Волконский (10 мая 1703—4 мая 1768) — российский военачальник, член Военной Коллегии, произведен в генерал-лейтенанты (25 декабря 1755) перед Семилетней войной

рис. Герб Суворовых

Осень захватила город на Неве в свои объятия, засыпала желтыми листьями, залила дождями. Александр Суворов приехал в здание

Двенадцати коллегий, где находилась и

Военная[10], расположенную на Наличной улице Васильевского острова с отчетами по Новгороду. Суворов-младший по своему обыкновению не опоздал, приехав много заранее. Он уже поднимался по лестнице, сняв предварительно треуголку со своей головы, когда встретил фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина

[11]

. Голубая лента ордена Андрея

Первозванного украшал его мундир. На левом бедре красовался синий крест, на левой груди у сердца — восьмилучевая звезда, на которую и загляделся офицер Суворов.

- Обер-провиантмейстер Суворов, ваше высокопревосходительство! – наконец-то щелкнул каблуками Александр с поклоном и сжав свою шпагу правой рукой.

Бутурлин с вниманием посмотрел на молодого человека. Недавно он помимо Сената

[12]

, стал еще членом Конференции при Высочайшем дворе, и появлялся в здании Военной коллегии на Васильевском острове не так часто.

Правда, генерал-фельдмаршал явно не удивился, увидев Суворова Александра в стенах коллегии:

— Здравия желаю, Александр. Я велел призвать вас к себе и намерен объяснить, по какой причине. Прошу вас выслушать меня со всем должным вниманием.

Бутурлину недавно из Парижа привезли красивейшие золотые часы на цепочке, и он постоянно сверял по ним время. Впрочем, причина была вовсе не в том, что он был слишком пунктуальным, Александру Борисовичу просто хотелось продемонстрировать литой корпус из благородного металла, эффектно щелкнуть крышечкой. Вот и сейчас, граф, не обращая внимания на напольные часы в углу, начавшие бить ровно двенадцать, вынул золотую круглую коробочку, с щелчком открыл ее:

—

Я ведаю, что отчёты свои вы привезли из Новгорода. И весьма рад, что, по сдаче оных, вы наконец приступите к исполнению возложенных на вас обязанностей генерал-аудитор-лей-

[10] Военная коллегия — это высший центральный орган военного управления в Российской империи, учрежденный Петром I в 1717–1720 годах взамен упраздненных приказов, находилась с другими коллегиями в одном здании на Наличной улице Васьевского острова.

[11] Граф Александр Борисович Бутурлин (1694 — 1767) — выдающийся русский военачальник и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1756)

[12] Правительствующий сенат в России был учрежден Петром I 5 марта 1711 года, как высший государственный орган по делам законодательства, суда и управления, состоял из 9 человек.

тенанта. Весьма потребна ныне ваша помощь в ведении военно-судных дел-с. Суворов покраснел, затрепетал:

—

Ваше высокопревосходительство, осмелюсь доложить: в делах военной юриспруденции я человек совершенно неопытный-с. Как же прикажете мне ведать столь важные дела? Насколько мне известно, приговоры Военной коллегии и аудиторского департамента касаются штабс и обер-офицеров, вплоть до полковничьего чина. Неужто же мне отныне самому их в рядовые разжаловать? Ведь, право слово, по неведению своему могу допустить промах-с — а за таковой и ответ держать придётся!

— Не промахнётесь, капитан Суворов! Уверяю вас — сие дело вам вполне по силам. А сверх того, ежели не откажетесь принять на себя столь почётную службу, не миновать вам и повышения по службе-с.

— Да ведь мне ещё отчёты надлежит представить-с! Я был командирован для осмотра

в Новгородской губернии провиантских и фуражных магазейнов. Отчёт вышел преогромный, дел в нём множество, и, признаться, не уверен я, что управлюсь с оным в столь короткий срок-с.

Суворов явно что-то хотел добавить, но генерал Бутурлин перебил его:

— Ну, управитесь-с. Как только табели составите и представите, тотчас же и приступайте к новому вашему делу.

—Столько времени провёл в Новгородской губерниии, что, признаться, от писарских дел и вовсе отвык-с!

— Ну-с, служили вы там весьма недурно. До меня уже дошли вести о вашем усердии и исправности. Обер-провиантмейстер из вас, судя по всему, выходит отменный — уж я в том толк имею. А на ловца, как говорится, и зверь бежит! — Бутурлин хитро прищурившись, добавил. —

А скажите-ка мне, когда ожидается здесь ваш батюшка?

— Ваше высокопревосходительство, батюшка назначил мне здесь свидание, как только узнал, что я прибыл к вам с отчётами для Военной коллегии, — несколько смутился Саша Суворов.

— Как встретитесь с батюшкой, тотчас же ступайте ко мне. Думаю, к тринадцати часам будет в самый раз.

- Хорош-с, буду, ваше высокопревосходительство!

- Да, и Семен Федорович подойдет...

- Семен Федорович?

—

Семен Федорович Волконский!

— Наш генерал-провиантмейстер — то есть ваш непосредственный начальник-с! Ему впредь и надлежит вам исправно докладывать обо всех делах службы.

Имя это было знакомо Суворову еще по Новгороду, именно на имя Волконского он составлял отчеты по новгородским магазейнам.

—Батюшку вашего я месяц тому назад только видел. Он тогда за вас словечко замолвил, просил принять участие в вашей службе… И вот, как видите, просьба его не пропала даром-с. Я вас в помощники прокурора-с и определил!

Суворов покраснел почему-то, опека отца, Суворова-старшего и нравилась ему, и доставляла много хлопот, но осмелился спросить:

—

Ваше высокопревосходительство: неужто мне и впредь штаны на стуле протирать

в чине генерал-аудитор-лейтенанта? Не сыщется ли для меня службы настоящей — в строю, с полком, где и порох понюхать можно, и в деле себя показать?

—

Экой вы прыткий, Саша! Вижу, не сидится вам спокойно-с. Я уже наметил на место генерал-аудитора подполковника Дмитриева-Мамонова. Однако ж прибудет он в Военную коллегию не прежде января будущего года. Так что до той поры оставьте, любезный мой, мечтания о походах да ратных подвигах-с. Так что извольте пока послужить пером, а не шпагой-с!

— А осмелюсь спросить, ваше высокопревосходительство: не последовал ли уже высочайший указ о начале военных действий против Пруссии? - Суворов заволновался.

—И ожидается ли военный поход?

— Фридрих
II
имел несчастие вторгнуться в Саксонию ещё в августе сего года. Россия же, как вам известно, сошлась в дружбе и союзе с дворами Австрийским и Французским — ныне состоим в едином военном союзе против прусского короля-с.

Но Указа императрицы покамест нет-с, хотя цесарцы
[13]
уже вовсю ведут войну

с пруссаками — и, признаться, покуда с немалыми для себя потерями.

[13] Цесарцы- австрийцы

—

А мы-то, ваше высокопревосходительство, какова будет реакция нашего двора и что надлежит ожидать от России, коли пруссаки уже тесно прижали цесарцев?- вопросы у Суворова не кончались.

— Пока никак, сударь-с. Наши полки заняли позиции в Лифляндии и Эстляндии и готовы, буде последует приказ, двинуться далее, в Курляндию. Однако ж зима на носу, а зимой у нас походов не ведут-с, как вы знаете.

Суворов почувствовал, как волнение охватило его, еще минута и он просил бы

о немедленном переводе в действующий полк. Должность помощника аудитора была ему вовсе не по нутру, но сказать это впрямую, он не решался и выпалил:

— Александр Борисович, смею надеяться, что, как только война с королём Фридрихом Вторым по-настоящему начнётся, и для меня найдётся место в действующей армии-с!

Бутурлин улыбнулся:

— Куда же вы так спешите, молодой человек-с? Настоящих военных движений с нашей стороны покамест ещё не последовало.

Как сама государыня изволила выразиться: надлежит «напужать Фридриха своими перемещениями». То есть станем маршировать туда-сюда вдоль границ прусских, дабы прусский король пребывал в постоянной тревоге!

Он снисходительно посмотрел на Суворова:

- Так что оставьте покамест свои мечтания о поле брани, юноша! Сперва послужите здесь, да наберитесь опыта!

Бутурлин опять посмотрел на свои золотые часы, он явно спешил уже:

— Зайдите ко мне, Александр, тотчас как повидаетесь с батюшкой. Он, помнится, и сам обещался заглянуть ко мне, как окажется в Санкт-Петербурге.

- Непременно передам-с, ваше высокопревосходительство! - Суворов почтительно щелкнул каблуками.

Александр Борисович Бутурлин развернулся и пошел по коридору, в конце которого уже нарисовалась фигура генерал-майора Василия Иванович Суворова. Отец чуть прихрамывал, опираясь на палку, но, увидев Александра Борисовича Бутурлина, разговаривающего с его сыном, прибавил шаг, почти на нее не опираясь. Однако не успел, генерал-фельдмаршал уже скрылся в своем кабинете. Сын Саша пошел к нему на встречу. Суворов-старший давно мучился подагрой

[14]

, видимо она обострилась, потому как прихрамывал он заметно:

[14] Подагра — хроническое метаболическое заболевание суставов, которое возникает из-за нарушения обмена веществ и накопления солей

— Сашенька, родной мой! Как же рад я лицезреть тебя здесь. Молодец, что не побоялся столь долгого пути. Утомился, поди? Почти неделю в седле, на рысаках — немудрено, - отец горячо обнял сына.

— Не тревожься обо мне, der
p
ара! В седле я скорее отдыхаю, нежели устаю. А как

в Москве-с? Как Аня с Машей? Скучают ли хоть немного по своему непутёвому братцу? - отстранился от него Суворов-младший.

— Ах, мой друг… Аня и Маша, конечно, скучают. С ними немецкая бонна неотлучно, да только матери она им не заменит. А племянники мои, твои двоюродные братья и сестра, тоже на шее у меня сидят — боюсь, сам-то один не справлюсь. Кому помогать-то? Маше тринадцать только стукнуло, Анечке — всего одиннадцать… Так что…, - Василий Иванович помрачнел, вынул из кармана платок, высморкался.

И снова тень будто скользнула по его лицу:

— Да… Вспоминаю я часто мать твою, Евдокию Федосеевну, со смертью матушки твоей род Мануковых окончательно заглохнет — одни Суворовы останутся.

Василий Суворов справился с нахлынувшей печалью:

— Так что же ты намерен делать? Не надумал ли учиться на военного юриста? Всё-таки должность тебе предлагают — генерал-аудитор-лейтенанта. Я об этом слышал. Бутурлин мне сказывал…

— Отец! И отчего же вы мне ничего не написали, коли знали о том? - Суворов закипел, перебив отца. - Опять хлопотали за меня?

— Саша, ты мой единственный сын. Как же мне о тебе не хлопотать?

— Прошу вас, оставьте меня в покое. Довольно мной управлять. Чай, мне уж двадцать шесть лет. Неужто я не вправе сам распорядиться своей судьбой?

— Неужто ты недоволен своим положением? Сперва — обер-провиантмейстером

в Новгороде, после — аудитором: приговоры заверять! Да о таких местах многие только и мечтают — служба сытная, денежная и спокойная. А я всё ещё надеюсь, что ты оставишь свои мечты о военной карьере полевого офицера.

— Многие в мои лета уже с саблей в руке, верхом, впереди полка ходят — а иные к тому времени уже и генеральского чина достигают!

— А коли тебя на войне убьют — что прикажешь мне после этого делать?

— Ах, оставьте! Мне, право, тоже не по нраву, что вы всё норовите составить мне протекцию. Да и служба по выемке хлеба у новгородских купцов — увеселение, прямо сказать, невеликое. И сколько бы они не целовали крест, что хлеб воровать не будут, а все туда же! Одно слово — целовальники[15]!

— Так опирался бы на тех, кто Главной провиантской канцелярии подчинен, всегда есть отставные офицеры, которые рачительно служат в провиантском столе местной канцелярии[16]!

— Так они мне палки в колеса и

совали! Я с новгородских да новоладожских провиантских комиссаров рапорты о наличии казенной муки требовал почти два месяца!

— Слышал о твоих баталиях с канцеляриями местными! Ох, и задал ты им острастку своими досмотрами! Весь в меня! - улыбнулся Суворов-старший, он похлопал сына по плечу. —Ладно, не кипятись, Саша. Скажу тебе прямо: я просил Александра Борисовича взять тебя под своё покровительство.

Но Суворов-младший будто не слушал его:

— А уж эта бумажная служба — ставить государевы печати на бумагах о разжаловании кого-либо в солдаты — и вовсе не по мне! Одна надежда, что недолго мне служить под началом подполковника Дмитриева — Мамонова!

Суворов-старший поджал губы:

— Надо будет, скажу Бутурлину, чтобы и вовсе Дмитриева-Мамонова не звал-с!

— Батюшка, вы опять?! - вскричал Суворов.

Он отошел к окну, надулся, Суворов-старший подошёл ближе и Александр пробурчал:

— Его сиятельство велел зайти к нему в первом часу.

Саша кивнул на напольные часы, добавил:.

— Только подождите меня! Я загляну в канцелярию, табели по провианту отмечу — и можем отправиться вместе. Или…

Суворов-младший замялся:

- Хочешь, иди сам!

Часы напольные прозвенели половину первого. Суворов Василий Иванович твердо взял сына за руку:

---

[15] Целовальник — это историческое должностное лицо в Русском государстве, должностные лица получали это имя потому, что при вступлении в должность целовали крест в знак присяги и честного исполнения своих обязанностей.

[16] Провиантский / Продовольственный стол канцелярии губернатора занимался организацией закупки, хранения и транспортировки хлеба, фуража и овса для армии, а также взаимодействовал с такими инспекторами, как Суворов

— Ежели фельдмаршал и тебя к себе звал, не пренебрегай сим приглашением. Поверь, дурного совета тебе не дам.

Он вдруг хитро улыбнулся, наклонился к уху сына и прошептал:

— Надо тебе, родной мой, часы подарить! Чтоб во всём быть при параде. Сам тебе куплю, так и знай! С часами-то оно сподручнее, не правда ли, Алексашенька?

«Алексашенкой» его звала мама, Евдокия Манукова, Суворов тут же расчувствовался, и простил отцу все, протекции, хлопоты, кто же еще за него может хлопотать, если не он? Он махнул на него рукой, и ушел сдавать бумаги в канцелярию. Ровно в 13:00 они вместе с Суворовым-старшим вошли к Бутурлину в кабинет. Фельдмаршал как будто ждал их. Он стоял у окна, будучи уже в возрасте, этот красивый, статный человек до сих пор не потерял гвардейскую выучку: спина его была прямая, выправка военная. Генерал оглянулся на скрипнувшую дверь и, увидев вошедших, стал невольно сравнивать отца и сына. Сложением они были абсолютно различны: плотный, кряжистый Василий Иванович и худощавый, выше отца на голову, Александр Васильевич, и хоть он и горбился, но все равно сильно был выше отца. А вот черты обоих были действительно похожи, только Суворов-старший отличался плотным сложением, худощавый Суворов-младший отдаленно напоминал отца. Однако одинаковые голубые, с острым, пронзительным взглядом глаза, с глубокими глазницами, делавшие их достаточно большими под черными, чуть нависшими бровями, казавшимися особенно темными в контрасте с беленными мелом париками, характерные носы, чуть «уточкой», широкая переносица, выдавали их родственные связи. Единственным и существенным отличием был непомерно большой рот Суворова-младшего, косой чертой пересекавший лицо гладковыбритого молодого офицера. Василий Иванович Суворов, щелкнув каблуками, начал первым:

— Приветствую вас, ваше высокопревосходительство! Генерал-майор Суворов-с, Василий Иванович. Вот, осмелился зайти к вам с сыном-с. Надеюсь, что служба на прокурорском поприще поможет ему подтянуть воинско-юридический катехизис, так сказать. Благодарю вас за назначение-с и за участие в судьбе Саши.

Бутурлин улыбнулся, распростёр объятия, пошел к Суворову- старшему:

— Батенька мой, рад вас лицезреть в добром здравии! Как там наше московское отделение Военной коллегии? Нескучно в дали от Елизаветы Петровны?

—«Подальше от царей — голова будет целей», - сострил Суворов-старший.

Генералы обнялись, Суворову-младшему стало неловко. Русская армия собралась завоевывать Восточную Пруссию, и чем больше пахло военным маршем и самой войной, тем сильнее Александру хотелось в гущу событий, но он видел: старые друзья отлично сговорились за его спиной, не зря когда-то они служили денщиками у самого Петра первого.

— Смотрю я вот на вашего Сашу — всё мне мой Петенька на ум приходит! Ведь почти ровесники они с сыном моим, — сказал Бутурлин, отстраняясь от Василия Ивановича Суворова.

— А как ваш Петр Александрович[17] поживает?

—Да вот задумал жениться, породниться с семейством Воронцовых.

Суворов-старший посмотрел на Бутурлина с интересом. При дворе шла борьба между кланом канцлера Бестужева-Рюмина[18], братьев Шуваловых[19] и Воронцова Михаила Илларионовича[20], будущая свадьба единственного сына красноречиво говорила о том, что Бутурлин скоро примкнет к клану Воронцова. Он продолжал:

—Пётр выбрал Марию Романовну. Младшую дочь Романа Воронцова22, племянницу нашего вице-канцлера Воронцова… Они помолвлены, надеюсь, в феврале следующего года – свадьба будет!

—А Петр Александрович собирается на войну? - невпопад спросил Суворов-младший.

— Саша! Что за дерзость? Кто тебя воспитывал? — вскричал Суворов-старший. — Доложись генералу-фельдмаршалу, как положено по чину! И умей молчать, когда старшие говорят!

- Обер-провиантмейстер Суворов Александр, сын Васильев! – щелкнул Суворов-младший каблуками. – Желаю узнать об участи вашего сына, Александр Борисович!

Бутурлин усмехнулся, махнул на него рукой:

— Так уж представлялся в коридорах! К чему же ещё раз? А насчёт сына скажу: нет, не собирается мой Петя на войну. Прочу я ему дипломатическую службу после поездки недавней в Вену.

— А я собираюсь! И прошу направить меня в действующую армию! — вдруг выпалил Суворов-младший, поймав на себе гневный взгляд Суворова-старшего. — Не моё дело — аудитором служить, да в Военной коллегии отсиживаться, когда война началась! Не собираюсь одним словом идти по стопам отца, в бытность служившего военным прокурором!

Суворов — старший побагровел, хотел что-то сказать, но дверь заскрипела и вошел подтянутый, но уже пожилой военный в зеленом кафтане, на плечах его была епанча[21]

с соболиной оторочкой. Он скинул ее одним движением руки на стулья, и так как изразцовая печь уже пылала жаром, подошел к ней, прижал ладони:

---

[17] Граф Пётр Александрович Бутурлин (1734 — 1787) — единственный сын фельдмаршала А.Б. Бутурлина, в будущем - российский дипломат и государственный деятель, тайный советник, действительный камергер, российский посланник в Испании.

[18] Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766) — выдающийся русский государственный деятель, дипломат и канцлер Российской империи в эпоху правления Елизаветы Петровны.

[19] В XVIII веке братья Александр и Пётр Ивановичи Шуваловы, а также их двоюродный брат Иван Иванович Шувалов, совершили стремительный взлет благодаря дворцовому перевороту 1741 года и стали одной из самых влиятельных семей Российской империи в эпоху правления Елизаветы Петровны

[20] Граф Роман Илларионович Воронцов (1717–1783) — русский государственный и военный деятель, генерал-аншеф, сенатор и владимирский генерал-губернатор, родной брат М.И. Воронцова.

[21] Епанча - широкий круглый плащ без рукавов, использовавшийся на Руси с XII века.

— Ваше высокопревосходительство, генерал-лейтенант Волконский Семен Фёдорович!

Впрочем в кабинете Бутурлина была довольно тепло, и вошедший сделал тут же шаг от печи к столу фельдмаршала. Лицо Бутурлина посуровело, он будто забыл о Суворовых:

— Вовремя зашли, генерал. Вчерась Бибиков приехал с полными, обстоятельными отчётами о прусских магазинах. Так вот, смею доложить: теперь мы можем доподлинно проследить, сколько и каких полков прусских, где расположено. Просто военная карта будто из-под руки самого Фридриха Второго.

— Это какой же Бибиков? Сын Ильи Александровича, генерал-поручика? — спросил Волконский и вальяжно откинулся в кресле.

Он только тут заметил Суворовых: отца и сына. Те поклонились ему, а Александр Борисович Бутурлин продолжил:

— Да-с, именно. Сын Ильи Александровича Бибикова[22] . Бибиков – младший отправлен был в Пруссию по подложным документам — в разведку. В Бранденбурге[23] за французского купца себя выдавал; благо, по-французски говорит отменно!

Бутурлин подошел к столу, достал из верхнего ящика папку с гербом Российской империи, раскрыл ее, нашел нужный лист:

— Так вот, доносит, что Фридрих II весьма печётся о своих солдатах, даже изречение приводит: «Сытый солдат — путь к победе!» И карту прусских магазейнов в Померании прилагает. Ну и каков наш юный полковник?

Суворов Саша с отчаянием взглянул на отца, про Александра Бибикова он слышал еще

в Сухопутном шляхетном корпусе[24], школу которого Суворов-младший посещал, как вольный слушатель, благо, что генерал Соковнин[25], глава его Семеновского, позволял это своему ординарцу. У Артиллерийской школы, где учился Саша Бибиков, были часто сдвоенные общие занятия, и он точно помнил, что Бибиков - его ровесник. И уже полковник! Разведчик! Принес пользу Родине! Ну, почему же на его месте не он? Вот ведь, как несправедливо!

Волконский с интересом рассматривал карту прусских магазейнов, составленную Александром Бибиковым, потом холодно глянул на Суворова-младшего:

- А вы, по моему Александр Суворов? Василия Ивановича сын, видимо?

Он махнул на Суворова-старшего. Василий Иванович кивнул:

---

[22] Илья Александрович Бибиков (1698 —1784) — генерал-поручик русских инженерных войск, видный военный деятель Российской империи XVIII века, его сын - Александр Ильич Бибиков (1729—1774) — знаменитый государственный и военный деятель, на начало войны имел военный чин подполковника и командовал 3-м мушкетёрским полком во время Семилетней войны.

[23] Бра́нденбург (Brandenburg an der Havel) — город на реке Хафель в Германии, в земле Бранденбург

[24] Сухопутный шляхетный кадетский корпус — первое в России привилегированное военное учебное заведение для детей дворян, основанное в Санкт-Петербурге в 1732 году по инициативе генерал-фельдмаршала Б. К. Миниха

[25] Никита Фёдорович Соковнин (не позднее 1698—1770) — русский военачальник, генерал-аншеф, командовал Семеновским лейб-гвардии полком с 1750 по 1755.

— Так точно-с, ваше сиятельство, сын мой! Вот он... Из провиантской службы от вас переводится в генерал-аудиторы!

— Как так? - Волконский гневно посмотрел на Бутурлина. - Александр Борисович, милый! Ты чего ж у меня обер-провиантмейстера отбираешь?

— Я? – Бутурлин ткнул себя прямо в восьмилучевую звезду пальцем.

— Сей юноша, — Волконский махнул рукой на Суворова, — хоть и в конфликт вошел

в Новгороде и Новой Ладоге с местной канцелярией, а отчёты мне всё же все присылал, несмотря на отчаянное сопротивление провиантских комиссаров! Засыпали меня кляузами на обер-провиантмейстера Суворова, дескать молод, горяч!

Суворов-младший покраснел, выпалил:

— Я усмотрел неудовлетворительное состояние магазейнов в Новгороде! Провиант там тлел и сырел. Я в итоге принудил отправлять зерно в поспешности либо кораблями по реке Мста и через Новую Ладогу, либо обозами, армейским путем! Пока оно не пришло в тление! Однако встретил жестокое супротивление!

— Да-с, мне на вас жаловались-жаловались, в итоге написал новгородский губернатор, - сказал Волконский. – Попросил примерно наказать инспектора из Санкт-Петербурга: Суворова А.В.!

Суворов-младший закипел:

— При снисхождении к нязя Петра Борисовича Черкасского [26] *отчеты провиантских столов канцелярии фальшивились, скрыли истинные цифры «прихода, расхода и остатка денежной казны»! Я лично выявил несходство бумажных рапортов физическому наличию зерна и фуража в магазейнах. Причем недостачу списывали на порчу, крыс, а за сим — воровство или неуказная продажа казенного хлеба! И сие покрывать накануне войны с Пруссией?*

— Тише, тише, Саша! – Суворов-старший пытался успокоить сына.

Бутурлин взял папку в руки, открыл, посмотрел в нее, потом спросил красного от возмущения Суворова:

— Вы, юноша, инспектировали магазейны в Великом Новгороде, Новой Ладоге, Старой Руссе и Сольцах?

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

— Да-с, и ото всюду мне на жалобы пришли — это факт, - сказал Волконский, отдавал карту Бутурлину и начал рассматривать свои отполированные ногти, лицо его казалось холодным и безучастным.

---

[26] Князь Пётр Борисович Черкасский (?—1768) —в 1743 году назначен в Комиссию по рассмотрению Лопухинского дела и в том же году занял должность Новгородского губернатора., позже - московский генерал-губернатор (1760—1762), действительный тайный советник.

— Ничего разберемся, я лично разберусь с этими жалобщиками! – произнес Бутурлин, он закрыл папку, сунув туда карту Бибикова, обратился в Волконскому. — Ну, вы, ваша светлость, я так понял, с Сашей отлично знакомы, а я вот и хотел вас с его отцом, Суворовым-старшим, лично познакомить, — перебил его Бутурлин. — Чтоб никакой Черкасский вас в заблуждение насчёт его не вводил! С Василием Ивановичем, знамо дело, давно знакомы-с: в бытность его военным прокурором Суворов-старший не раз выказывал свою преданность короне Российской. Вот я нарочно отца с сыном и попросил зайти, когда вы прибудете.

Суворов-младший вдруг сделал шаг вперед:

— Ваша высокопревосходительство, хотел сказать, что я гораздо охотнее окажусь

в действующем полку, да на военном марше — коль скоро он вот-вот начнётся. Если надо и провиантмейстером, главное, чтобы пользу принести Родине!

Волконский слабо улыбнулся, горячность юноши ему импонировала:

— О вашей просьбе подумаю. Коль ваканция в полку откроется, непременно вас возьмём. Обер-провиантмейстер нам нужен, да ещё толковый — такой человек в любом полку завсегда к месту придётся-с!

Бутурлин развел руками:

—Ну-с, коли так, то забирайте, Семен Федорович, своего обер-провиантмейстера назад! Найду я кого-нибудь в помощь аудитору Дмитриеву — Мамонову.

Суворов-младший не верил своим ушам, на отца смотреть не хотелось, тот потратил столько сил, чтобы «пропихнуть» его в Военную коллегию помощником прокурора!

— А когда поход намечается, Александр Борисович? Не слыхали? — Волконский поднялся.

— Полагаю, уже весною наши полки двинутся в Лифляндию, — отвечал Бутурлин.

Он задумчиво посмотрел на лежащий на столе свой фельдмаршальский жезл, взял его

в руки. Суворов-младший смотрел на вещицу в руках у Александра Борисовича благоговейно. Сверкающие золотом набалдашники, гербы, вышитые на синей атласной обивке, древка- просто завораживали, глаз не оторвать. Символ фельдмаршальской власти в руках у Бутурлина в руках впечатляли.

— Хочешь подержать? - вдруг спросил внимательный Бутурлин, обратив внимание на пристальный взгляд пылкого юноши.

— Помилуйте, ваша светлость! - возмутился Суворов-старший, вновь гневно глянув на сына. - Да много чести! Цыц, Саша!

— Ладно, Василий Иванович, себя вспомните в эти годы! - миролюбиво заметил Бутурлин,

походя к Суворову. - Держите, Саша!

Суворов Александр Васильевич, еще не веря своему счастью, взял в руки фельдмаршальский жезл. Затаив дыхание, он держал его на двух вытянутых руках, любуясь позолотой, атласной, синей ручкой, золотыми вензелями на ней. Какая-то неведомая сила вошла в его ладони, побежала по рукам вверх, к плечам, добежала до самого сердца.

- Спасибо! - выдохнул впечатл ё нный Александр Васильевич Суворов.

Он встал на одно колено, передал фельдмаршальский жезл Бутурлину. Александр Борисович улыбнулся:

— Как знать, Саша! Глядишь, эта штучка и тебе в руки попадёт... Как говорят наши казаки: «Терпи, казак, горе, будешь м ё д пити»

Бутурлин, как в воду глядел, и хоть до маршальского жезла было , ох, как, далеко, уже

в начале декабря 1756 года, Александра Васильевича Суворова перевели в Куринский полк, повысили до премьер-майора[27] и уже весной следующего года он двинулся вместе с общей колонной в Курляндию. Должность обер-провиантмейстера на марше была не пределом его мечтаний, однако он был безмерно счастлив.

[27] Премьер-майор («первый майор») - являлся третьим по старшинству лицом в полку после полковника и подполковника, в табеле о рангах относился к VIII классу

рис. Курляндия, XVIII век

Суворов вздохнул еще раз, вспомнив обстоятельства своего продвижения по службе и появления в этом болотистом, прибалтийском лесу. Комар опять впился ему в шею, и он хлопнул себя отчаянно по ней, но это не остановило его сородичей, и они мерзко зажужжали вокруг. « И вправду, ад полон добрых намерений и пожеланий»[28], - подумалось Суворову, он совсем недавно вычитал это в какой-то английской книжке и только сейчас понял смысл написанного. Его горячее желание служить столкнулось

с непроходимым лесом и весенними, адскими, голодными комарами.

—Намо Гурубья! Намо Буддая! Намо Дхармая! Намо Сангхая! - опять заголосил кто-то

в чаще, огонь явно разгорался все сильнее там, вдали.

Суворов двинулся дальше. Пожары стали частым явлением в этом военном походе, иногда полки намеренно сжигали все временные склады провианта, чтобы не везти их в перегруженных обозах. Он сам поджег парочку, наблюдая, как языки пламени лижут деревянные балки, а потом пожирают все без остатка. Впрочем, эти наспех построенные строения никто не жалел. Магазейны строили инженерные роты перед входом полков

[28] «Ад полон добрыми намерениями и пожеланиями»», - цитата английского поэта и богослова Джордж Герберт (XVII век)

в пункт назначения, и не всегда эти постройки выживали после прохода армейских полков. Часто пожары случались и в деревнях по соседству. Особенно славились поджогами казаки, коих в армии было немало. Они часто получали разнос от командиров, их даже пороли перед строем, но все равно казаки продолжали безобразничать, воруя провиант для себя и корм для своих лошадей. Никто из генералов, стоявших во главе русской военной колонны, не хотел славы «варваров», однако справиться с этими, как их называли, иррегулярными[29] полками, были не в силах. Суворов прибавил шагу. Завывания и яркие отсветы большого костра привлекли его внимание:

— Намо Гурубья! Намо Буддая! Намо Дхармая! Намо Сангхая!

Александр Суворов сжал эфес шпаги и подошел ближе, продираясь сквозь кустарники. И наконец-то вышел на поляну. От большого костра, над которым на рогатинах с рейкой по середине висел большой казан, шел густой пар, смешанный с дымом, рядом с ним стояли на коленях несколько калмыков. Калмыки, так же, как и «донцы», казаки с Дона, входили в иррегулярные части русской армии. Калмыцкая конница численностью почти в 2000 человек подчинялась майору Петру Гаку, соседу Суворова под офицерской палатке. Со стороны инородцев ему помогал — нойон[30] Бахан Лаванг. Об иррегулярных войсках Суворов что-то слышал. Калмыцкую конницу, по старинке вооруженную луками и стрелами, Александр Суворов заприметил еще в Псковской губернии, они выделялись среди однородной массы пехоты и гусаров свирепыми лицами с раскосыми глазами, да и оружием приснопамятных времен. Эта удивительная конница должна была предстать перед фельдмаршалом Апраксиным на смотре в Риге, где находилась его главная квартира[31]. Потом эта «золотая орда» выдвигалась в Вильно, но одна рота, где-то из двухсот калмыков, должна была, по словам Гак, двинуться для соединения с Чугуевским полком[32]. Этот казачий полк стоял где-то на форпостах Лифляндии еще с весны прошлого года. Они должны были пополнить их четыре роты. Экзотично выглядевший их командир, нойон Бахан Лаванг, ехала на своем скакуне все время впереди конницы. Казалось, будто сам Чингисхан восстал из гроба и сопровождает русскую военную колонну. Волжские калмыки встали под знамена русской императрицы Елизаветы Петровны еще в Шведскую войну[33]. Красная одежда, шапки с кисточками и непроницаемые калмыцкие лица. С такими-то в Пруссию? На них даже стрелкового оружия-то не запаслись, считалось, что «со своим придут». А свое — это дротики, палаши, и … луки. И куда калмыцкие наемники направят острие своей стрелы? Что на уме у инородцев? Что они вообще затеяли этой ночью посреди военного лагеря?

Приглядевшись, Александр Васильевич увидел среди стоящих на коленях и качающихся

в состоянии сильного транса нойона Лаванга с лысой головой. Имя его он узнал от Петра Гак еще в начале похода, и сумел запомнить, несмотря на то, что для многих восточные лица казались одинаковыми и неотличимыми друг от друга. Суворов даже имя его вспомнил:

---

[29] В Семилетней войне (1756–1763 гг.) иррегулярные войска Российской империи играли важнейшую роль, выполняя функции разведки, охранения, рейдов по тылам противника и преследования отступающих. Основу иррегулярной конницы составляли донские казаки и калмыцкие формирования, а также другие национальные части.

[30] Нойон — традиционный титул калмыцкого высшего сословия. Когда иррегулярная калмыцкая конница призывалась для участия в войнах России, крупные отряды и полки возглавлялись лично нойонами.

[31] Главной квартирой называлось помещение, где находился главнокомандующий и его штаб.

[32] Чугуевский полк —историческое формирование русской армии, которое вело свою историю от казаков города Чугуева с XVII века (основан около 1638–1645 годов) и существовало до 1918 года.

[33] Русско-шведская война 1741—1743 годов («Война шляп») — попытка Швеции взять реванш за поражение в Северной войне (1700 – 1721)

Бахан! А тот открыл вдруг свои раскосые глаза, услышав хрустнувшую под сапогом Александра веточку. Он тут же подхватил с земли свою шапку с меховой оторочкой и красной кисточкой наверху, напялил ее на свою лысину, свирепо глянул на появившуюся из леса тень и сделал неуловимое движение в сторону другого калмыка по соседству. Тот открыл глаза и мгновенно среагировал. Он быстро вынул стрелу из колчана за спиной, и не успел Суворов и шагу ступить, как калмык прицелился и выстрелил прямо в него. Александр еле успел отклониться, и наконечник выпущенной стрелы впился в ствол дерева прямо рядом с ним.

—Чи кемб? Энд бэа[34]! - вскричал калмык.

Лаванг выхватил и стал вращать сверкающей саблей над головой. Калмыцким языком Александр не владел, но понял, что помощник нойона, старшины калмыцкой роты, предупреждает его о чем-то. Бахан Лаванг смотрел свирепо, однако увидев кафтан офицера русской армии, чуть успокоился. Вглядевшись внимательнее, он явно узнал подошедшего:

— А.... Та Суворов?!

Обращение «та» Александр Васильевич уже слышал, оно значило уважение обращающегося. Премьер-майор решительно пошел к костру:

—Что здесь происходит, Бахан? Вы отдаете себе отчет, что жечь костер рядом с лагерем — преступно! Можно устроить пожар и напугать лошадей!

—Ваше благородие! Я по - русски говорю не очень, - с сильным акцентом начал отвечать нойон Лаванг.

Однако саблю он вложил в ножны, явно демонстрируя дружелюбие, впрочем, заслышав русские речь, другие калмыки тоже открыли глаза, испуганно вскочили и загалдели:

—Эн кемб? Эн харь күн![35]

А один из пожилых калмыков подошел еще ближе и, тронув Суворова за рукав, спросил:

— Ю кюрв?[36]

Нойон Лаванг вмешался:

— Говори по-русски, Хонгор! Он по-нашему не понимает....

— Кто ты? И зачем пришел, чужак? - повторил свой вопрос калмык, вглядываясь в Суворова.

—Премьер-майор Александр Суворов, сын Васильев! - ответил сдержанно Суворов. - Делю палатку с командиром вашим — майором Петром Гак, познакомились еще в Пскове, когда выдвигались в поход. Вот хотел узнать, для чего вы костер зажгли в нашем лагере?

---

[34] —Ты кто? Подойди сюда! – по-калмыцки

[35] —- Кто это? Это-чужой! - по-калмыцки

[36] —Что случилось? - по-калмыцки

— Обряд проводим, Лександр, - засуетился калмык Хонгор. - Гал тялгн[37], очищение огнем значит...

—Очищаемся, - добавил нойон Лаванг и бросил горсть зерна в огонь, взяв его прямо из деревянной миски, которую с поклоном поднес ему другой волжский калмык.

Он был намного ниже ростом, явно моложе Хонгора и сверкал своими черными узкими глазами, бесцеремонно разглядывая русского офицера.

— Это калмыцкий обряд? - удивленно спросил Суворов.

Ветер дунул в ветки деревьев, и он сначала услышал тихий звон десятков колокольчиков, а потом увидел кусочки материи, привязанные к ним. Они заколыхались под дуновением ветерка, а колокольчики будто зашептали о чем-то тревожном.

—Верно,- ответил нойон, продолжая горстями кидать зерно в пламя.

Зерно потрескивало. Хонгор схватил большой черпак, выловил из котла баранью голову и бросил ее также в костер, выкрикивая:

—Намо Гурубья! Намо Буддая!

Именно эти крики разбудили Суворова среди ночи, да еще несносные комары. Они и здесь жужжали прямо в уши, забивались за ворот его мундира, злобно кусая. Александр хлопнул себя по шее, убив еще пару-тройку насекомых, и заметил:

— Мясо русские солдаты не ели уже недели две, хотя норму в один фунт я хотел даже увеличить в походе! Каюсь, виноват, что не обеспечил и вас, но воровать барана у местных крестьян - неверное решение! По сути это — мародерство!

Обозы с провиантом везли из России, однако уже очень скоро стали изымать урожай, и также личную еду у местных прибалтийских крестьян. Конечно, на это выделялись деньги, и по правилам, все должно было быть сделано по контрактам с населением, но на практике все оказывалось не так лучезарно. Русская армия столкнулась с суровой реальностью

в Лифляндии: крестьяне не сильно-то желали отдать свою скотину на растерзание голодным русским. И хотя каждому солдату полагался фунт мяса в день, поститься пришлось даже после святой недели. Солдаты роптали и уже выражали свое недовольство. Сам Суворов совсем недавно представил свой рапорт о недостатки мяса в солдатском пайке генерал-майору Цеге-Мантейфелю[38], под чьим началом был и Кексгольмский, и Азовский, и Углицкий полки, шедших из Псковской провинции в Ригу. Рапорт о недостаче мяса вызвал странную реакцию: Мантейфель лишь пожал плечами и пообещал, что попросит пригнать коров из Малороссии.

---

[37] В Калмыкии обряд почитания и огненной жертвы, связанный в том числе с очищением огнем у калмыков, по-калмыцки- «гал тяклһн»

[38] Иоганн Цеге-фон-Мантейфель (1690 — 1763) - видный участник Семилетней войны в составе русской императорской армии, на начало войны - генерал-майор.

Шутил ли он, было непонятно. Суворов каждый день ждал бунта «на корабле» из-за еды. И вот – результат, калмыки сами поймали баран и сами готовят его на костре!

Александр Васильевич оглянулся. Сотни раскосых глаз смотрели на него в упор.

— Без барана никак нельзя! - возразил нойон Бахан Лаванг, хитро прищурившись. - А вы не хотите отведать кишки бараньи? Мы их тоже едим!

Суворов почувствовал тошноту, представить, что от голода и вынужденного поста съест внутренности обрядового барана вместе с калмыками, он не мог. А те по очереди подходили к котлу с бараниной, получая свою порцию. Александр обратил внимание, что прежде чем начать есть, каждый из них усаживался на траву, и подкидывал ложкой похлебку вверх. «Чудно как!» - подумалось ему.

— Воздержусь! — отрезал он. — Да ты лучше сей костёр живо гаси, слышишь? Пока наш командир колонны, генерал Цеге-фон Мантейфель, не прочухался. Человек он строгий, да к тому же иной веры — вряд ли ему по нраву придётся ваше моление у огня. Ты ведь ламайской[39] веры, верно? Так не буди лихо, пока тихо!

— Слушай, братец, ты про ламайскую нашу веру правильно молвишь! У нас и крещёных немало — из Ставрополя, почитай, пятьсот душ наберется. Только крестятся чаще богачи. Наша Церен-Янжи да Баксадай-Доржи[40] теперь уж Петром да Анной Тайшиными зовутся — ты, поди, слыхал про них? - вкрадчиво начал свой рассказ Бахан Лаванг. -

Тайшины и крепость Ставрополь поставили и местных крестили — всё во славу царицы вашей, Елизаветы Петровны.

— Не вашей, а нашей, - сверкнул голубыми глазами Суворов.

— Нашей, нашей…. Вот из тех, кто крестился, и собрали Ставропольский калмыцкий полк. Вот так дело было! Да и нас уговорили идти воевать с пруссаками, благо что мы другой веры!

— Слышал про то, — пожал плечами Суворов. — Знаю я: ваши калмыки в Чугуевском полку знатно воюют. Рядом с донцами стоят. Не робкого десятка народ — в деле себя показали.

Премьер-майор Суворов хотел ещё что-то прибавить, да не успел.

— Отставить костёр! Живо затушить, говорю! Что за самовольство?! - раздался громкий голос майора Гак, и он сам собственной персоной вышел на полянку к калмыкам.

—Нойон Бахан Лаванг! Батогов захотели?

Гак строго смотрел на нойона, а тот сверкнул глазами, явно оскобленный унижением со стороны русского офицера. Однако хитрый калмык сдержался и сухо рапортовал:

---

[39] Ламайской верой в XVIII веке называли буддизм.

[40] Церен Янжи и Баксадай Доржи — исторические деятели Калмыцкого ханства XVIII века, супружеская пара, сыгравшая ключевую роль в истории Поволжья и основании города Ставрополя-на-Волге, крестились и стали супругами Тайшиными

— Ваше высокоблагородие, конники проголодались! Я отдал приказ накормить их, но главное, что мы совершаем обряд по нашей вере, без этого дальше мы не двинемся!

— Какой ещё обряд? Что ты там бормочешь, Бахан? Говори толком — не до загадок нынче!

— Они, значит, барана в жертву приносят, — вставил Суворов. — Читал я про сей обычай в донесениях. Да и с нойоном согласен: оголодали наши войска, нечего греха таить. И виной тому — не столько дальние переходы, сколько бестолковая работа нашей провиантской службы. Виноват-с, тут и спорить не о чем!

— Ах, это из-за вас тут фейерверки устроили, Суворов?! — вскипел майор Гак, лицо его побагровело. — Ну-ка, подсобите нашим калмыцким братьям — живо загасите сей костёр! Не то нам всем несдобровать, когда начальство нагрянет!

— Так точно, ваше благородие! Будет исполнено в ту же минуту! — отдал честь премьер-майор Суворов, щёлкнув каблуками и коротко кивнув.

Он обернулся к сидящим на траве калмыкам:

— Видал тут неподалёку речку, братцы! Давайте-ка отвяжем вёдра от телег да сбегаем за водой. Костёр надобно погасить!

— Выполняйте, Суворов! Живо за дело! А после ко нам в палатку — с докладом, как всё прошло! — рявкнул Гак.

Он развернулся и пошел вглубь леса, сквозь кустарник, к белеющей вдали их общей с Суворовым, палатке. Когда он скрылся в чаще, к Александру подошел пожилой калмык Хонгор. Он участливо протянул ему небольшую фарфоровую пиалу:

— Отведайте нашего чая, ваше благородие!

— Как звать тебя? Забыл-с…

—Хонгор, ваше благородие! Так отведайте чаю, пока теплый!

Суворов кивнул, в горле его почему-то пересохло, и он быстро глотнул белую жидкость, уверенный, что ему дают молоко или кумыс с чаем, но что-то в этом роде. Однако солоноватый вкус пойла заставил его поперхнуться, он закашлялся, выплюнул остатки напитка и изумленно глянул на калмыка:

— Да что ж это за пакость такая?!

— «Пакость»… Что вы сказали? Не разумею, русский язык плохо разумею, ваше благородие! – Хонгор смотрел участливо, и Суворову стало стыдно.

—Невкусный чай! Что подмешал туда, что в рот не возьмёшь?

—Ваше благородие, ничего не мешал, чай у нас такой, обрядовый… Мы его чуток подсаливаем да с молитвой и пьём. Не по вкусу пришёлся, значит… Прости, не знали, что не пьете такой!

—Живо айда за вёдрами, Хонгор! Видал, что привязаны к телегам у казаков — на той стороне опушки, у них и попросим. Шевелись, не то первым под палку попадёшь — майор Гак человек горячий, вспылит вмиг, и не спросит ни про что! Надо срочно костер гасить!

Суворов развернулся и пошел широкими шагами к телегам донцов, заночевавших на другом конце поляны. Шел быстро, подпрыгивая на кочках. Уже через пять минут Хонгор догнал его:

—Ваше благородие.... Ваше благородие, только скажите майор, чтобы не отправлял меня домой, в мой улус[41]!

— Ну, это уж он сам решит — разжаловать вас али нет! Да только коли живо загасим сей обрядовый костёр, глядишь, и смилостивится майор. Не до расправ нынче — дело надо править!

— У меня юрта в урочище Шарга-Нохой[42], ваше благородие… Жена там меня ждёт, да сынок только народился — Мергеном назвали. Смышлёный. Вырастет — толк будет! И щи сварит, и в службу пойдёт, слово даю! Только вы уж замолвите за меня словечко перед вашим другом, не дайте в обиду…

— Не совсем он мне друг, признаться, но попробую словечко замолвить, — пробурчал Суворов, прибавляя шаг и плотнее запахивая кафтан — ветер крепчал, а до лагеря идти через болотистый лес.

— Ханжнав[43], та Суворов! - воскликнул Хонгор.

Очевидно было, что он благодарит русского офицера, но премьер-майор Суворов лишь махнул на него рукой, он вовсе не был уверен, что майор Гак удержится от взысканий. Уже через десять минут они забрали ведра и пошли с Хонгором вдоль лесных ручейков. Александр обратил внимание, что их было множество по ходу их движения, они журчали, пересекая полянки. Такого количества он не видел никогда в своей жизни, видимо они и заболачивали всю местность вокруг. Наконец они дошли до места, где все ручьи собирались в устье, впадая в небольшую речушку. Весна в этот год стояла ранняя, и льда на ней уже не наблюдалось, поэтому Александр махнул Хонгору:

— Набирай-ка воды, живо! Вёдра не жалей — полные бери! А я пока в реку зайду — надо сапоги ополоснуть, да и глянуть, не мельчает ли тут брод? Не ровен час, завтра переправляться придётся!

---

[41] В XVIII веке понятие «улус» как крупное феодальное владение во главе с нойоном (князем) существовало в основном в структуре традиционного общества монгольских народов, включая бурят и калмыков.

[42] Урочище Шарга Нохой находится в живописной Тункинской долине (около улуса Хойто-Го, Бурятия)

[43] - «Спасибо» - по-калмыцки

Хонгор с изумлением смотрел на офицера. А Суворов быстро сбросил форму, оставшись

в тонких холщовых штанах. Он поправил съехавший пояс, которые поддерживали их на пятой точке и пошел в ледяную воду.

— Ваше благородие, не зябко? - Хонгор смотрел на него участливо.

— Ничего, я привык, - Александр с шумом опустился под воду и тут же выскочил.

Хонгор, наблюдая за ним, зачерпнул воды в одно ведро, потом второе, поставил их на берегу:

— Извиняйте, ваше благородие, за вопрос… А плавать-то вы умеете? Тут ведь река хоть и мелкая, но быстрая, не дай бог, закрутит — и не видать тогда ни сапог, ни мундира…

Суворов смутился:

— Да где ж мне было учиться-то? Я всё больше по столицам обретался, службу нёс! Неужто в Неве плавать учиться полагалось? Не до того было — то смотр, то парад, то на учения гонят…

Он посмотрел внимательно на лицо калмыка:

— А чего спрашиваешь-то? Сам-то умеешь держаться на воде, али как?

— Ваше благородие, мы ведь на Волге живём — без плавания нам никак нельзя. Ни сеть поставить, ни на лодке проплыть… С самого детства к воде приучены, чуть ли не раньше, чем ходить научились!

Он вдруг быстро снял свой длинный халат, шаровары, бросил красную шапку с кисточкой на молодую траву, уже пробившуюся сквозь замерзшую весеннюю землю. Оставшись в исподнем, разбежался и нырнул в воду. Суворов с завистью смотрел, как калмык моментально выплыл и быстро догреб руками до камышей:

— Смотрите, ваше благородие, фокус покажу! Не хитрый какой, а наш, степной — так у нас в юрте мальчишки забавляются.

Калмык Хонгор сломал стебель камыша, очистил его от коричневой верхушки, оставив небольшую трубочку. Он зажал ее во рту, загнув вверх и нырнул опять под воду. Суворов смотрел во все глаза, но быстро потерял из виду торчащий камышовый отросток, светло-коричневого цвета. Трубочка, через которую, видимо, дышал Хонгор под водой, моментально слилась по цвету с желтоватой, илистой водой. Александр крутанулся вокруг своей оси:

—Хонгор! Хонгор! Где ты?!

С минуту он не понимал, где ныряльщик, как вдруг кто-то схватил его за ноги, потащил на дно. Суворов испугался, замахал руками, пытаясь отцепить от себя руки калмыка, но вдруг

резко ушел под воду. Они какое-то время боролись под водой, пока Хонгор не отцепился. Вынырнули они почти одновременно, Александр оттолкнул опытного ныряльщика:

— Испужал ты меня, ей-богу! Эх, и кто ж тебя такому научил?!

— Испужал? - Хонгор рассмеялся. — У нас этому фокусу каждый ребёнок обучен, ваше благородие! Хотите, и вас научу? А уж плавать-то точно научу: у нас на Волге без этого никак, с малых лет все в реке плещутся!

— Хочу, - ответствовал Суворов.

— Ладно, ладно, всё сделаю, ваше благородие! Без проблем, ей-богу! — крикнул калмык, ловко рассекая воду «саженками», он поплыл к берегу.

Позже, уже одевшись и подхватив ведра, Хонгор пошел за одетым Суворовом в чащу. Военный лагерь их в лесу уже просыпался. Без всяких приключений все полки, регулярные, иррегулярные добрались до форштадтов Риги, впрочем стояли в новом лагере на мызе Кастран[44] недолго. По слухам, там должен был находиться и штаб самого фельдмаршала Апраксина, однако выяснилось, что главная квартира[45] генерала уже двинулась из Риги через Двину. Смотр перед главнокомандующим был намечен на 30 апреля. Полки российской армии должны были пройти по мосту через Двину под барабанный бой и звук труб, и потому на мызе генералы решили провести перекличку действующего состава на месте. Генерал Цеге-фон-Мантейфель, плотный, уже не очень молодой мужчина стоял рядом с сорокалетним генералом Василием Лопухиным. Его нервное, тонкое лицо выгодно отличалось от будто высеченного грубой рукой Создателя, сурового лица Цеге. Но главное отличие, это — красная лента через плечо Лопухина – знак ордена Александра Невского. Суворов увидел сияющий красный крест с бантом на груди генерал-аншефа и невольно залюбовался. Однако надо было уже строиться, и они с Гаком побежали на полянку перед наспех поставленными палатками офицеров и возведенными за два часа землянками солдат.

Начал Мантейфель:

— Братцы! Не думайте, что не ведает фельдмаршал наш, Степан Фёдорович Апраксин, сколь вы устали! Поход и впрямь тяжким выдался: и больных немало, и иные по разным нуждам из полков отлучались… Да только не нам с вами о тягостях судить — есть на то государев указ! Вот, слушайте: согласно протоколу Конференции при Высочайшем императорском дворе, ещё в том году изданному, надлежит нашей Заграничной армии вперёд идти. Сейчас вам зачту его, слово в слово, чтоб каждый понял: долг и служба прежде всего!

Мантейфель сделал паузу, дождался, когда его адъютант подаст ему папку, раскрыв в нужном месте и начал читать с листа:

—Из протокола Конференции «О подготовке к войне армии и флота от 6 апреля 1756 г.»: «ее императорское величество высочайшею своею волею от 30-го числа минувшего месяца

[44] Мыза Кастран (Kastrānes muiža) — место в Лифляндии, расположенное близ Риги.

[45] Главная квартира сопровождала командующего армией во время походов и войны, обеспечивая связь, исполнение распоряжений и работу полевого управления, фактически там находился штаб.

конфирмацию[46] на поданной от собрания доклад между прочим повелеть соизволила: войска так расположить и приуготовить, чтоб не токмо в случае соглашения венского двора на войну против короля прусского оную тотчас начать можно было, но чтоб здешняя *готовность венскому двору и сие предприятие и ободрением служила и прочее, рассуждено.*

1-е. Около Риги, в Курляндии и по Двине расположить по рассмотрению командующего генералитета следующие пехотные полки, а именно: Киевский, Нижегородский, Воронежский, Новгородский, Сибирский, Казанский[47]».

Суворов вздохнул, переступил с ноги на ногу, перечисление полков, задействованных

в походе против Фридриха второго, показалось ему утомительным, он почти заснул, стоя, а проснулся, когда услышал название тех, полков, с которыми он шел из Пскова.

— «*Кексгольмский, Азовский, да вновь учреждаемые из вводимых гранодерских рот три гранодерские*[48] полка, а именно: первой, второй и третей», - Цеге-фон- Мантейфель перестал читать.

Майор Гак, стоявший рядом с Суворовым, наклонился и прошептал, хихикая:

— Слыхал я, что в новых гренадерских полках некомплект вышел. Из каждого полка самых рослых да сноровистых забрали — тех, что с русыми волосами, чтоб вид строевой был. Да только не добрали: таких молодцов нынче мало сыщешь. Видно, не всякий под гренадерский устав годится — тут и стать нужна, и рука твёрдая, да и дух боевой не лишён. — Слыхал я, братцы, что гренадёры и впрямь как на подбор — все с усами!

— Таков у них обычай строевой: без усов в гренадёры и не берут. Да и вид-то какой бравый: усы вверх закручены, воском приглажены — сразу видать отборного молодца!

Однако высокий голос Василия Лопухина, вмешавшийся вдруг в гладкий доклад Цеге, отвлек их:

— Слыхали, братцы? Обижена королём прусским наша союзница, цесарица Мария-Терезия! Нагло Пруссия у австрийской императрицы Шлезию[49] отняла, а ныне Фридрих Второй и вовсе без всякого стыда в Саксонию вторгся! Не потерпим мы такой дерзости! Мы здесь затем и стоим, чтоб справедливость восстановить да союз наш крепко держать — не для того мундиры носим, чтоб на чужие бесчинства сквозь пальцы глядеть!

Полки молча внимали своим командирам. Суворов рассматривал крючковатый нос Иоганна Цеге-фон Мантейфеля, его карие глаза под тонкой бровью с изгибом, его ловко сидящий на голове аккуратный парик под черной треуголкой с плюмажем. Рядом контрастом- точеный профиль Лопухина, и вроде все одинаковое: парик, треуголка, но «все же, какие они разные!» - подумалось Александру Васильевичу. - «Немец и русак!». Александр Суворов был в

---

[46] Конфирмация — юридическое подтверждение чего-либо, означающее зрелое согласие или утверждение

[47] Тест цитируется по первоисточнику.

[48] Гренадерские (исторически также гранадерские) роты — это отборные подразделения пехоты (реже кавалерии), изначально созданные для штурма укреплений с использованием ручных гранат («гранад»)

[49] Шлезия (Силезия) — крупный историко-географический регион в Центральной Европе, расположенный в долине реки Одра.

курсе, что есть ровно такой же прусский генерал Мантейфель среди войска Фридриха второго. Баронский род из Померании давно служил России, и вот кульбиты судьбы: Мантефейль русский против Мантейфеля прусского! «Однажды они ведь сойдутся нос к носу!» Привлечение немецких генералов в русскую армию стало делом обычным еще со времён Петра первого, не говоря уже о временах Бирона и Анны Иоанновны[50]. Дочь Петра, Елизавета, пошла дальше. Одно то, что на русский трон после нее сядет гольштинец, сын ее родной сестры, вышедшей замуж за чистокровного немца, родовитого герцога Гольштинии[51], казалось даже Суворову странным решением русской императрицы. Он гордился своей «русскостью», всегда подчеркивал, что он – «настоящий русак». Впрочем, Александр Васильевич Суворов, как преданный солдат Российской империи, не смел рассуждать и мог только точно идти вперед и по прямой вслед за остальными солдатскими пешками, зажатыми в царственной руке, упрямо взмахнувшей над этой большой шахматной военной доской будущих сражений.

— Просим вас облегчить обозы перед вступлением на землю Речи Посполитой[52]! Сдайте свои гардеробы местным жителям — там, где мы ныне проходим. На обратном марше всё заберёте, слово даю! Так и лошадям легче, и ход у колонны будет проворнее — не до роскоши нынче, служба прежде всего! – прокричал генерал Цеге-фон-Мантейфель.

— Вот так номер… И куда мне теперь мои шёлковые рубашки девать? Да у меня костюмов, почитай, с полсотни набралось, — прошептал Пётр Гак Суворову на ухо, озираясь по сторонам. — Сейчас же велю своему денщику баулы паковать — не бросать же добро, хоть и поход на носу!

Суворов мотнул головой, видимо задумавшись о судьбе русского офицера, волею случаю попавшего в Лифляндию, он что-то явно прослушал.

— О чём думаете, Суворов? — прошипел майор Гак, хмуря брови и поглядывая на громоздкие повозки. — Велено всё лишнее оставить здесь, и без промедления! Обозы чересчур тяжелы — лошади уж едва ноги волокут, того и гляди, падут.

Он снял треуголку, почесал затылок.

— И куда ж мне мое барахло девать? — рявкнул он, махнув рукой на их палатку. — И как вы справитесь? Денщика-то у вас нет!

— Сам справлюсь, ваше благородие! — спокойно отозвался Суворов. — Отец хотел дать мне с собой нашего Ефимку, старого дворецкого, да я отказался: возраст у него уж не тот — почти шестьдесят стукнуло, не для походной жизни человек.

— Так здесь бы из рекрутов приглядели бы! Вам, как премьер-майору, положено хоть одного слугу с собой брать — так устав велит!

---

[50] Анна Иоанновна (1693 —1740) — императрица Всероссийская с 1730 года из династии Романовых, сменившая на престоле Петра II, племянница Петра I, дочь его старшего единокровного брата Ивана V. Эрнст Иоганн Бирон (1690 —1772) — фаворит русской императрицы Анны Иоанновны, регент Российской империи в октябре — ноябре 1740.

[51] Го́льштейн, Гольштиния — историческая область в Германии, расположена в южной части земли Шлезвиг-Гольштейн государства Пруссия.

[52] Речь Посполитая —историческое федеративное государство, объединившее Королевство Польское и Великое княжество Литовское. Оно существовало с 1569 по 1795 год.

—Да и на что мне лишние люди, ваше благородие? За конём я сам присмотрю — ещё в Семёновском лейб-гвардии полку к этому приучен был, любил за лошадьми ходить, знал каждую по шагу да по дыханию.

— Вот как… Ну и чудак же вы, Суворов! — фыркнул майор, покачав головой. — У меня вот два денщика: один за гардеробом смотрит, другой лошадь мою кормит да чистит. Да я бы и третьего взял, коли положено — лишняя пара рук в походе никогда не лишняя!

Офицерский чин действительно определял количество слуг, которых офицер мог взять

с собой в военный поход. Даже прапорщикам, поручикам, капитанам из дворян полагался хотя бы один денщик. Он помогал с лошадьми, чистил мундир, готовил еду. Майору, типа Гака, а также подполковнику и полковнику полагалось иметь от двух до четырёх в обслуге, в зависимости от размера личного обоза. Впрочем, находились и такие, которые везли с собой на войну не только весь свой гардероб, но даже посуду, мебель, кто-то и кровать с перинами прихватил, а крем, парфюм, пудру, все любимую парфюмерию – взять с собой сам Бог велел. Кто-то вез даже любовниц, потому как не представлял свою жизнь без любовных утех. Генералы имели обслугу, доходящую до шести-десяти человек, у них был и личный писарь, и личный камердинер, и личный повар, и много кто еще. Фельдмаршал Апраксин переплюнул всех, за ним ехала сотня обозов с личным серебряным сервизом, многочисленными мундирами, париками, мазями и одеколонами, и казалось, военачальники отправились не на войну, а на променад по светским делам. В свите Степана Федоровича находилось до сотни слуг, и, похоже, он совсем не хотел расставаться ни со своим образом жизни в столицах, ни со своими привычками. Ходили слухи, что перед сном в его обставленной дорогой мебелью кибитке, ежевечерне отдельный человек читал ему сказки перед сном. Но правда ли это было, или народная молва недолюбливала «толстяка», так за глаза звали фельдмаршала. никто не знал. Суворов знал его как командира своего Семёновского Лейб-гвардии полка, хотя он видел этого тучного военного в дорогом камзоле лишь на смотрах их полковой школы. Когда-то он отказался быть его ординарцем, пошел к Соковнину, и вот…. Именно Апраксин теперь решал, куда идти и что делать! От воспоминаний его отвлёк Гак, тот запустил пятерню в свой парик и почесал затылок:

— Надо будет ещё двоих себе выпросить, — ворчал майор, поправляя треуголку. — Чтоб еду как следует готовили — не эту баланду походную, а по-человечески. Да и сапоги Петька чистит из рук вон плохо: глянешь — а на коже царапина, будто ножом водил! Нужен отдельный человек, чтоб за этим приглядывал. Может, и среди калмыков кого сыщу — они, слыхал, народ услужливый, это уж факт! А вам много собирать вещей?

Суворов лишь плечами пожал:

— Вещей у меня почти и нет: только книги, что из Москвы привёз. Да ещё шарф тёплый, сестры мои, Аня да Маша, связали мне на зиму. Так тот шарф уж давно моль изъела — ещё когда в Пскове квартировали, лежал в сундуке без дела…

— Кому нужны ваши книги? — махнул рукой Гак. — Сожгите их, да и делу конец! Вот мой гардероб мне куда дороже — после войны вернуть мечтаю, каждый мундир на счету!

Сейчас вот Петьку и Ваську сыщу да велю вещи собирать. Да только куда их девать — вот вопрос-то…

Майор на мгновение задумался, потом вдруг хлопнул себя по лбу:

— Надо в Риге старьёвщика сыскать! К нему весь багаж снести — может, за деньги и приютит, не бросит же добро на дороге.

Он оглянулся на своих калмыков, что стояли поодаль, держа лошадей под уздцы, и буркнул себе под нос:

— Лишь бы эти мои помощники не разбежались посреди дороги!

После чего снова взглянул на Суворова, уже с просительной ноткой в голосе:

— Поможете повозку мне сыскать, Александр Васильевич? Денщиков в лагере оставлю — сами в Ригу съездим, только надо у начальства отпроситься. Дело не терпит отлагательств, сами понимаете!

Суворов кивнул. Генерал-майор Цеге-фон-Мантейфель уже закончил свою речь и отправился куда-то со своими адъютантами к другом концу мыза. Александр Суворов посмотрел ему вслед и только потом развернулся к Петру Гаку:

— Готов я свободную офицерскую одноколку для всей вашей поклажи достать, — деловито проговорил Суворов, поправляя шелковый пояс с кистями, он ему сильно жал. — Думаю, испрошу её для моих обер-провиантмейстерских нужд. Скажу, что в Ригу еду — с местными купцами договариваться о доставке провианта для солдат. Должны отпустить: не для баловства прошу.

— Вот это дело, Суворов! Молодец, друг, выручил! — оживился майор Гак и даже плечи расправил. — Бегите тогда к генерал-майору одноколку выпрашивать, а я тем временем

к своему обозу пойду — вместе с денщиками барахло свое разбирать.

Он на миг задумался, потёр подбородок и добавил:

— Если что, калмыка какого-нибудь попрошу ему подсобить, а вы уж потом с выгрузкой в Риге поможете.

— Так Хонгор из калмыков и поможет тюки донести! — кивнул Суворов. — Он всё переживает, что вы его в отставку отправите после того ночного случая с пожаром. Так что рад будет услужить — хоть делом вину загладить.

— Тсс! — шикнул вдруг Гак, воровато оглянувшись по сторонам, будто боялся, что чужие уши услышат. — Молчите вы об этом ночном костровище, ради всего святого! Нам от начальства и так влетит, коли прознают. Так что держите язык за зубами. А встречаемся через час у штабной палатки — не опаздывайте!

Суворов кивнул и побежал к палатке Цеге-фон Мантейфеля и Лопухина, чтобы отпроситься

в Ригу. Однако застал он лишь Цеге, причем за распиванием напитка янтарного цвета за складным столом. Адъютант его держал серебряный поднос, пока генерал опрокидывал

в себя стопку за стопкой:

— Ах, хорош этот мидус[53]! Наша медовуха и в подмётки ему не годится — не такая забористая, ей-богу!

— Ваше высокопревосходительство! — осторожно начал адъютант, чуть наклонив голову. — Те, кто в Польше бывал, сказывают, что напиток этот из липового мёда делают, да такой крепкий, что, мол, и трёх шкаликов довольно, чтоб быка с ног свалить!

— Ой, ли! — хмыкнул генерал, поглаживая свое гладковыбритое лицо, выражающее полное удовлетворение. — Меня-то мидусом не свалишь! Я и после дюжины шкаликов на коня сяду да команду подам — вот какова закалка!

Он закрепил салфетку за стоячий воротник своего камзола и приготовился есть. Повар, обслуживающий генерала, как раз приоткрыл серебряную крышку супницы над жареным кроликом. Суворов сглотнул, что-то достаточно громко заурчало в его животе. Генерал удивленно повернулся к вошедшему премьер-майору. Разгоряченный алкоголем он рассматривал Александра Суворова с укоризной, и как только этот молодой офицеришка мог прервать его трапезу?!

— Что вам, Суворов? Что-то по провиантской части не так? Опять коров из Малороссии пригнать попросите?— спросил генерал холодно.

— Да нет, про мясо я уже докладывал, ваше превосходительство… — помялся Суворов, слегка переступая с ноги на ногу, он напомнил Цеге про свой доклад о вынужденно постящихся солдатах на марше .

— Помню я про мясо, помню! — недовольным тоном отрезал генерал и поморщился, будто от досадного пустяка. — Не извольте повторять дважды.

— Да, нет… Тут другое дело… Хотел бы попроситься в Ригу, если время ещё есть до смотра. Дело небольшое, но надобно лично уладить.

Цеге завис над кроликом:

— Смотр назначен у моста на Двине, тридцатого апреля. Приказ самого фельдмаршала Апраксина, тут уж не поспоришь. Да, признаться, шли мы споро — раньше срока прибыли. Так что в лагере стоять будем недолго. Сюда, на мызу Кастран подойдут и остальные полки — почти все, кто в операции задействован. Те, что из России идут, да и часть тех, что уже год в

[53] Мидус — традиционный литовский крепкий или слабоалкогольный напиток из натурального мёда, воды и трав, который часто называют «северо-европейским медовым вином», основой служит качественный липовый или цветочный мёд, чистая вода, а также сборы диких трав, пряностей и хмель

Лифляндии стоят, — все должны сойтись. А после того вся армия двинется на Ковно. Так что не обессудьте, Суворов: нынче каждый офицер на счету.

Кролик отлично пах, генерал-майор принюхался, махнул повару, и тот стал накладывать куски мяса на тарелку. Суворов, все это время не евший мяса в знак солидарности

с солдатами, еще раз сглотнул, у него закружилась голова. Однако Цеге-фон Мантейфель, будто, не замечая его голодных глаз и побледневшего лица, приступил к поеданию крольчатины. Разжевывая сухожильный кусок, он заметил:

— Раскрою я вам, Суворов, небольшую военную тайну… да только сперва одно дело уладим, — проговорил генерал-майор, не сводя взгляда со своей тарелки.

Он махнул рукой адъютанту, что стоял неподалёку навытяжку с папкой в руках:

— Прохор, будь добр, отыщи в моей папке рескрипт императрицы по Ревельской эскадре!

— Под номером тридцать первым, ваше превосходительство? — отчеканил адъютант, чуть наклонив голову.

— Верно, верно! — кивнул генерал-майор и продолжил есть, по-прежнему не обращая особого внимания на Суворова, который стоял бледный, почти под цвет полотна генеральской палатки. — Ну-ка, читай вслух! Пусть и Александр Васильевич послушает — дело касается всей операции.

Адъютант подошел ближе к столу, открыл папку и начал читать монотонно, как пономарь на клиросе:

—Рескрипт императрицы Елизаветы Адмиралтейств-коллегии об отправке в Либаву

четырех судов от 11 апреля 1757 года.

Он приосанился и продолжил читать с листа:

— «Повелеваем оной Коллегии сколь скоро можно нарядить и отправить в Либаву два прама[54] и два бомбардирские галиота[55], не ожидая всего прочего флота, а препровождая токмо оные потребным числом кораблей по своему рассмотрению, которые и имеют тамо остаться, крейсируя в тамошних местах во ожидании всего флота, и снабдив оные полным числом всего снаряда и провианта, которые прамы и галиоты независимо от всего флота имеют находиться в полной команде у нашего генерал-фельдмаршала Апраксина, а о командовании на оные галиоты от нашей гвардии из бомбардир-офицеров и прочих чинов, указ наш дан будет впредь. По именные ее императорские величества указу».

Адъютант поднял глаза:

---

[54] Прам (от нидерл. praam — плоскодонное судно) — это крупное плоскодонное артиллерийское парусно-гребное судно XVIII века, которое выполняло роль плавучей батареи

[55] Бомбардирский галиот — это небольшой специализированный парусный корабль XVIII века, вооруженный тяжелыми мортирами для обстрела береговых крепостей и прибрежных укреплений противника

— А подписи читать?

—Читайте!

— *«Сей рескрипт подписали: граф Алексей Бестужев-Рюмин, к*нязь *Никита Трубецкой, Александр Бутурлин,* князь *Михайло Голицын, граф Михаила Воронцов*, *граф Александр Шувалов*, *граф Петр Шувалов*[56]*...»*

Однако после фамилии «Бутурлин» Александр Суворов уже зашатался, в глазах у него потемнело, а на имени «Петр Шувалов» он со всего маху хлопнулся в обморок прямо рядом

с обеденным столом генерал-майора. Очнулся он от того, что у него в носу засвербело.

Открыв глаза, Суворов увидел склонившегося над ним адъютанта генерала Иоганна Цегефон-Мантейфеля. В руках тот держал раскрытую табакерку, полную нюхательной соли:

— Ну что, премьер-майор, вам полегчало? — с лёгкой усмешкой спросил генерал-майор, склонив голову набок.

— Вроде да, ваше превосходительство… А что стряслось-то? — пробормотал Суворов, ещё слегка пошатываясь и щурясь, будто свет резал глаза.

Генерал-майор хмыкнул, скрестив руки на груди:

— А стряслось то, что вы, словно неженка какая, в обморок хлопнулись! Уж не от голода ли? Садитесь-ка к столу, да не спорьте. Пока со мной крольчатины не съедите — никуда не отпущу.

— Полноте, к чему эта забота… — слабо возражал Александр Васильевич, но заботливый адъютант уже бережно усадил его на складной походный стул подле стола генерала.

Пришлось вкусить мяса. И верно: лицо Суворова быстро порозовело, взгляд стал твёрже, будто сама кровь вновь побежала по жилам.

— Вот так-то лучше, — кивнул генерал-майор удовлетворённо. — А теперь слушайте. До вашего… э-э… обморока мой адъютант читал рескрипт императрицы нашей касательно флота в Либаве. Давеча доставили донесение из Главной квартиры: согласно ему, туда будет отряжён авангард под началом генерала Фермора[57] — для последующего занятия прусского города Мемеля[58].

Он сделал паузу, словно давая словам улечься в голове собеседника, и продолжил, понизив голос, будто делился не просто приказом, а сокровенной мыслью:

---

[56] Список членов Конференции при Высочайшем дворе императрицы Елизаветы Петровны.

[57] Граф (с 1758) Ви́ллим Ви́ллимович Фе́рмор (1702 —1771) — русский государственный и военный деятель, генерал-аншеф на начало военной компании в Пруссии, второй главнокомандующий Заграничной армии.

[58] Мемель — историческое немецкое название города Клайпеда в Литве.

— Мемель — ключ к Кёнигсбергу[59]. Завладев им, мы сможем снабжать армию по морю — чуть ли не из самого Санкт-Петербурга, коли решимся двинуться за Вислу. Поверьте, рано или поздно, но Кёнигсберг будет нашим, а там, глядишь, и до Берлина дойдём! Ударим, так сказать, прусской гадине в самое сердце. Моя бригада рассматривается Апраксиным в составе мемельского десанта. Поняли теперь, какие планы у нашей Заграничной армии в этой Прусской кампании?

— Понял, ваше высокопревосходительство, — ответил Суворов, скромно орудуя ножом и вилкой и отрезая себе небольшие кусочки крольчатины. — Я как раз в Либаву следую — по предписанию Главной провиантской канцелярии. Только не ведал, что это связано

с занятием Мемеля самим Фермором… да и с вашими планами.

— Так вот и связано, — жёстко кивнул генерал. — Местные магазины в Либаве надобно готовить для Фермора и его полков — это непреложный факт. И это вам не тут крестьян уговаривать хоть мешок муки отдали.

— Да-с, — тихо согласился Суворов. — Они мясо прячут усердно, ваше превосходительство. В рапорте я отмечал…

Мантейфель перебил премьер-майора:

— Ваш рапорт, надеюсь, подстегнёт Штофельна[60], квартирмейстера нашего, — деловито проговорил генерал-майор, постукивая пальцем по краю стола. — Он тряхнёт местных купцов, когда станет квартиры для нас подыскивать, да и заставит их стада коров с окраин Риги к нам привести! Там сёл вокруг — не счесть, и многие как раз Ригу снабжают. Так что польза будет.

Суворову стало полегче, кровь прилила к лицу, и он решился спросить, чуть наклонив голову:

— А могу ли я после Риги в Либаву следовать, ваше высокопревосходительство? Провиантское управление предписало мне быть в Курляндии, заняться местными магазейнами — да только ничего толком не объяснили.

— Ну, так теперь и узнаете, для чего командируют, — кивнул генерал. — Князь Семён Фёдорович Волконский, наш генерал-провиантмейстер и ваш непосредственный начальник, в Риге все магазейны заранее подготовил — забил их припасами. Фельдмаршал Апраксин, слыхал я, большой гурман и любитель хорошо поесть, и вроде бы весьма доволен снабжением. Думаю, Волконский и до Либавы доскачет — не оставит войска без хлеба. А кто там главный? В чьё подчинение идете?

— Майор Гротенгельм[61], ваше высокопревосходительство! — отчеканил Суворов.

---

[59] Кёнигсберг — историческое название современного российского города Калининград. Город был основан в 1255 году как крепость и на протяжении веков являлся столицей Восточной Пруссии.

[60] Христофор Фёдорович фон Штофельн (1720–1770) —генерал-поручик, был назначен генерал-квартирмейстером во время Семилетней войны (в 1757 году), позже участвовал в русско-турецких и русско-шведских войнах

[61] Георгий (Григорий) Евстафьевич Гротенгельм (1721 года - 1798) - из остзейского (шведско-немецкого) дворянского рода, на службе с 1738. Участвовал в Семилетней войне; в с1757 получил чин майора и служил в Либаве (где пересекался с А. В. Суворовым), позже переведён в чине подполковника в Ладожский пехотный полк(1759), в чине полковника в Бутырском

— О, знаю его! Майор Георгий Гротенгельм с тридцать восьмого года служит — о-очень опытный человек в провиантском деле! С таким не пропадёте.

Суворов помолчал, наблюдая, как адъютант подливает генералу Цеге-фон Мантейфелю мидуса, а потом, собравшись с духом, робко начал:

— Простите за дерзость, ваше высокопревосходительство, но… давно хотел спросить, отчего мы не ударили по Фридриху Второму сразу, едва война началась, в пятьдесят шестом году? Заранее прошу извинить за вопрос не по чину…

Генерал строго глянул на премьер-майора, чуть прищурившись:

— Александр Васильевич, кабы не имя вашего батюшки, Василия Ивановича Суворова, что в Военной коллегии не на последних должностях состоит, я бы и отвечать не стал. Неужто он вас во внешней политике не наставлял?

— Когда война началась, я военными магазейнами в Новгороде занимался, ваше превосходительство, — пояснил Суворов. — Потом был вызван заверять протоколы в чине генерал-лейтенант-адъютанта в саму Военную коллегию: фактически замещал прокурора, который ставит печати на делах офицеров. Должность была вакантной — сам Александр Борисович Бутурлин помощника-с искал… Но проработал я там недолго, набрался наглости и попросился в действующий полк.

Цеге хитро прищурился:

— Вы в Куринском полку числитесь?

— Так точно, ваше высокопревосходительство.

— Да только он не больно-то действующий — его лишь комплектуют. Коли хотите на войну непосредственно попасть, надобно прошение подать о зачислении в полк на нашем военном марше да ваканции ждать.

— Непременно подам, ваше превосходительство! Спасибо за совет!

— Что до вашего вопроса… Отвечу. Когда война началась, я лично тотчас со своими полками в Лифляндию вошёл, только-только Австрия войну Пруссии объявила. Да только Апраксина к осени лишь назначили, а он, прибыв в Ригу, велел нам зимовать в Пскове да

в Великих Луках. Потому и двинулись обратно. Кое-кто остался на месте — для устрашения прусского зазнайки. Императрица так и предписала: «Ходить вдоль границы! Пугать супостата»

Генерал чуть понизил голос, будто не хотел, чтобы лишние уши услышали:

пехотном полку(1762). Упомянут в книге Масловского Д. Ф. «Русская армия в Семилетнюю войну». Выпуск 1 (1886)

— Скажу по секрету: Елизавета Петровна решения Англии ждала. И дождалась…

Иоганн Цеге-фон Мантейфель развёл руками:

— Англия Пруссию поддержала. Вот и вышло, что не сразу мы в полную силу выступили.

— Понятно…, — произнёс Суворов.

А затем, будто возвращаясь к делу, добавил:

— Вы, ваше высокопревосходительство, про Либаву говорили. Сколько в итоге там полков будет? Кого кормить, так сказать?

— Ах да, Либава! — вновь оживился генерал. — Туда отряжают около семи полков. Кто-то пойдёт пешком, кто-то поплывёт из Ревеля вместе с бригадой генерал-поручика Ивана Алексеевича Салтыкова[62] — славный генерал, скажу я вам! Возьмет Мемель легко, правая рука Фермора. Да и мы подмогнем! У меня под началом вот три полка, справимся.

— Пешком пойдете? Дойдём и пешком, а может, и на галеры сядем — как начальство решит.

— Понятно. А Азовский полк будет участвовать в этом десанте? — спросил Суворов. — В походе я со многими познакомился, думал в Военной коллегии о ваканциях навести справки… Хотел бы из Куринского полка перевестись.

— Перевестись — дело не хитрое, — усмехнулся генерал, опрокидывая в себя очередную порцию мидуса. — Да только если ваканции заняты, числиться-то вы будете, поручения исполнять, приказы, а жалования вам не положат. Ну и к чему такая служба? Какая разница, где числиться? Всё ещё впереди. Бригаду нашу с начала войны уж дважды переукомплектовывали — сегодня ты тут, завтра там.

— Серьёзно? Не знал, ваше превосходительство… Спасибо вам! И за обед тоже!

Он встал, откланялся:

— Так могу ли я после Риги в Либаву сразу двигаться?

— Так точно, Александр Васильевич! После смотра на Двине нашу бригаду покинете, догоните Муромский и Нижегородский полки — они тоже в походе, идут в Курляндию и сейчас где-то в районе Митавы[63]. Когда остальные до Либавы дойдут — все наши семь полков соберутся, — работа у вас будет.

— Справлюсь ли, как думаете? Семь полков прокормить — не шутка.

---

[62] Иван Алексеевич Салтыков (1716—1773) — русский военачальник, сын внучатого племянника императрицы Анны Иоанновны, видный деятель Семилетней войны.

[63] Митава (ныне — Елгава) — исторический город в Латвии, расположенный на реке Лиелупе (при впадении реки Дриксы), примерно в 42 километрах от Риги. До 1919 года город носил название Митава (нем. Mitau)

— Справитесь! Если вас сам Бутурлин рекомендовал — думаю, знал, кого советует.

Суворов чуть поморщился, ему стало неловко:

— Александр Борисович приятельствует с моим отцом, ваше высокопревосходительство. Только Бутурлин в Санкт-Петербурге, а мой папенька всё больше в Московском отделении Военной коллегии обитает. После смерти матушки моей, Евдокии Федосеевны Мануковой, батюшка исключительно семейными делами занят — сестёр моих воспитывает, Машу и Аню.

Суворов помрачнел, вспомнив мать. Потеря ее в пятнадцатилетнем возрасте оказалась невероятной травмой для него. Вспоминая ее добрый взгляд, тихую улыбку, ласковый голос

с этим ее: «Алексашенька, друг мой!». Александр чувствовал, как слеза жжет ему радужку глаза. Однако ему удалось справиться с эмоциями. Генерал смотрел участливо:

- У вашего отца умерла супружница? Не знал-с!

Цеге-фон — Мантейфель перекрестился, за ним перекрестился и Суворов, а потом вынул свой медальон, спрятанный под красным камзолом, сдернул цепочку с шеи, показал маленькую гравюру. На ней искусной рукой художника на слоновой кости были высечены профили его родителей: Василия Суворова и его жены Евдокии. Генерал-майор протянул участливо руку, предварительно вытерев ее об салфетку, с интересом рассмотрел лики родных Суворова:

— Ох, и впрямь жаль… Царствие ей небесное, — вздохнул генерал-майор, чуть склонив голову. — А что до Василия Ивановича Суворова — слыхал я, по-прежнему с Тайной канцелярией дела ведёт. Да и бывших военных прокуроров не бывает. Не из тех он людей, чтобы прежней службой манкировать.

Суворов похолодел, слова Цеге кольнули его в самое сердце, заскреблись там когтистой лапой. Генерал тем временем вернул медальон Александру. Он вздохнул, взял его аккуратно, поцеловал, надел цепочку и спрятал, перекрестившись. Еще секунда - и медальон оказался под красным сукном камзола.

— Нет, ныне он от расследований отошёл, — покачал головой Суворов. — Другие заботы у Василия Ивановича.

Премьер-майор отвечал сухо, любое упоминание папы-прокурора было ему неприятно.

Суворов боялся, что пойдут слухи о протекции Бутурлина, о том, что он — прокурорский сын, и он решил прекратить разговор, пошедший совсем не в то русло. Он доел свой кусок кролика молча, не нарушая паузу в разговоре с генералом. А генерал-майор Цеге-фон - Мантейфель махнул еще рукой адъютанту, чтобы ему налили алкоголю:

— Ох, и хорош же этот мидус!

Генерал-майор выпил, прикрыл глаза и словно прислушивался к себе, чувствуя, как тепло разливается по его телу:

— Прямо до самых пят доходит… Будете мидус, Александр Васильевич?

Он вопросительно глянул на премьер-майора, чуть приподняв стопку, но Суворов уже подумывал о поездке в Ригу и решил проститься:

— Благодарствую, ваше высокопревосходительство, да только мне ещё в Ригу ехать. Позвольте одноколку взять — вещей много надобно перевезти. Солдаты наши оголодали, заказов будет невпроворот, — ловко присовокупил он, будто оправдывая просьбу.

— Берите, отчего ж не дать, — махнул рукой генерал.

Он отпил ещё глоток, потом хитро прищурился, глядя на Суворова:

— Так куда вам больше хочется — в Либаву или в Ковно? Признавайтесь!

— Я — солдат, ваше высокопревосходительство! — твердо ответил Суворов. — Куда прикажут, туда и поеду. Конечно, хотелось бы со всеми на передовую, чтоб не в тылу сидеть, но…

— А Либава — тоже передовая! — возразил Иоганн Цеге-фон Мантейфель, подавшись вперёд. — И без Либавы эту цитадель, я про Мемельскую крепость, вовсе не взять! Солдат кормить надо перед атакой. В этом куршском городе порт есть, так что морем снабжать будут! Может что и из России доедет, говорят сам канцлер Бестужев-Рюмин магазейнов с провиантом понастроил для нас в губерниях, только я их особо не видал, пока маршем шел, да и дороги весной плохие, обозы вязнут. Так что в Либаве вы, ох, как нужны! Один майор Гротенгельм не справится! Намедни мне вот письмо прислал, жаловался, что дел невпроворот. Человек он - порядочный, дело свое знает хоть и с Бахусом[64] дружбу водит. Впрочем, военному иной раз и чарку поднять не грех! Служба у нас, Александр Васильевич, и впрямь не из лёгких: тяжёлые переходы, холод, сырость, да ещё и начальство с утра до ночи требует рапортов да отчётов… А это, хоть и не лекарство (кивнув на чарку с мидусом), а всё же приятственно: душу согревает, силы придаёт. Не для веселья держу, а чтоб после марша ноги не подкашивались да чтоб в груди тепло было. Вы уж не осуждайте старого служаку! Когда-нибудь вы все поймёте, Суворов!

С этими словами генерал раскатисто захохотал, а за ним, не смея отстать, захихикал и адъютант, прикрывая рот ладонью. Суворов встал, выпрямился, расставив ноги твёрдо, будто стоял на палубе в шторм, щёлкнул каблуками и, поднеся руку к треуголке, отчеканил:

— Честь имею кланяться, ваше высокопревосходительство!

[64] Бахус (или Вакх) — это древнеримский бог виноделия, растительности и веселья, соответствующий древнегреческому Дионису

рис. – карта Риги
XVII
-
XVIII
век

Рига встретила премьер-майора Суворова и майора Гака пустыми улицами. Местный народ попрятался, испуганный всё прибывающими полками русской армии, и только колонны с трубачами и барабанщиками впереди нарушали покой лифляндской столицы. Гак и Суворов просто застыли на месте, услышав их вдали, где-то в начале рижских переулков. Но бой барабанов всё нарастал, трубы пропели позывной: «В поход!» — и вот уже на тронутых ранней весной мощёных улицах с оттаивающими из снега булыжниками показались три колонны.

— Русские гранадерские
65
роты, — прошептал Гак, переглядываясь с Суворовым.

Они всмотрелись: и действительно роты армии российской, соблюдая дистанцию, маршировали по Риге. Высокие, все сплошь в усах.

— Гранадеры, ей-богу, славно идут! Ровно стена, ни шагу в сторону! Красавцы, да и только! – воскликнул майор.

Солдаты и вправду чеканили шаг и дружно пели:

«Как выходит ведь государь наш по день,

[65] Гренадерские роты.

выкликает, надёжда, он по др
у
гой,

Выкликает нас надёжда-царь по третей:

«Еще все же вы князи, все бояре

А все думские царевы генерала![66]»

— Хороши, нечего сказать! А гранады-то, гранады[67], смотри, — воскликнул майор Гак.

Суворов пригляделся, и действительно на поясах солдат болтались в чехлах гранаты. То, что и отличало гренадеров от остальных родов войск.

«Как бы взять бы мне Азов-город без бою,

Без бою, без драки-кровопролитья», -
выводили они старинную песню.

Услышать русскую песню на рижской земле было приятно. Гак и Суворов с интересом наблюдали за батальоном, пока он не свернул за угол. За ним показался другой, впереди его ехали двое. Один на белом коне, другой на чёрном. Тот, что на белом, — мужчина лет тридцати в зелёном кафтане, в треуголке с белым султаном, ладно сидевшей на красиво завитом парике. Золотом поблёскивала бляха, привязанная к вороту бантом, кафтан поблёскивал золотым шитьём, на поясе болталась шпага с эфесом, инкрустированная драгоценными камнями. По всему видно: это — генерал. Рядом, на чёрной лошади, ехал мужчина тоже в военной и явно генеральской форме, но много старше. Майор Гак аж присвистнул:

— Боже правый… Сам граф Пётр Александрович Румянцев[68]! Собственной персоной.

Он махнул на более молодого, вгляделся в спутника:

— А это кто рядом? Не знаю…

Мимо них бежал мальчик с сумкой через плечо, из которой торчали газеты. Услышав последнюю фразу русского офицера, он крикнул и тоже по-русски:

---

[66] Летом 1637 года донские казаки с помощью запорожцев под руководством атамана Михаила Петрова осадили Азов и через два месяца взяли его штурмом, взрывом разрушив часть крепостной стены с помощью подкопа. «Песня о взятии Азова» используют традиционный фольклорный мотив.

[67] Гранады- гранаты

[68] Граф Пётр Алекса́ндрович Румя́нцев (1725—1796) — русский полководец и военный теоретик, видный деятель Семилетней войны, начало боевых действий – генерал-майор.

— Ой, да это же губернатор наш! Господин Воейков Фёдор Матвеевич
[69]
! Вон какой, в шляпе черной…(показав пальцем) Прямо как на картинке в газете!

— Эй, ты! А ты откуда нашу речь разумеешь?— Гак прищурился, рассматривая мальчика.

Разносчик газет шмыгнул носом:

— А мы в Ригу приехали, совсем недавно! Отец мой рыбак был в Пскове, и тут на корабль торговый нанялся, рыбу ловить. Платят они хорошо… Ну вот мы и поехали. Вот и я помогаю, в газету устроился. Мне матушка всё твердила: «Терпи, сынок, новое место — оно сперва чудно, потом привычно станет!»

— Торгуешь газетами? — Суворов кивнул на сумку, полную газет.

— Да, помогаю сестёр маленьких кормить! Купите вот! «Neue Zeitungen»
[70]
!

— Что это за слова? По-немецки? — Гак наклонил голову, прищурился, рассматривая газету. — Прости, не пойму. Я по-калмыцки кое-как могу, а немецкой грамоте не обучен. Ты мне лучше по-русски скажи

.— «Новые известия о научных материях»», — перевёл Суворов, полез за монетой. — Куплю, пожалуй.

— О, научных материях мне не надобно! – Гак потерял интерес к газете моментально, увидев немецкий текст.

Мальчик жалостливо посмотрел на Александра:

— Берите, дяденька, не пожалеете! Раз в седмицу выходит, а это вот — свежий выпуск, только из типографии!

Мальчик протянул русскому офицеру газету, получил плату и обрадовался. Суворов

с интересом развернул пахнущие типографской краской листки, вчитался. Гак сплюнул:

— Везёт тебе, Суворов! Немецкий знаешь — коли в плен угодишь, так за своего сойдёшь, не заподозрят!

— Да в плен-то никак не хочется! (через паузу) А скажите-ка, что генерал Румянцев

---

[69] Фёдор Матвеевич Воейков — известный государственный деятель и дипломат Российской империи, с 29 марта 1753 года по 20 февраля 1758 года - губернатор Рижской (Лифляндской) губернии.

[70] «Neue Zeitungen von Gelehrten Sachen» (Лейпциг, Германия) считается первой полноценной немецкой ученой газетой. Она выходила еженедельно с 1715 по 1784

в Риге затевает?

—Гранадерские части собирает, он вот, насколько я знаю, недавно в Риге объявился и занялся комплектованием полков из гра

на

деров. Другие полки ещё в Пскове к нему почти по два батальона из каждого полка отрядили — самых рослых да крепких,

с ручищами, ровно как у бурлаков на Волге!

— Ну, это понятно: чтоб гранады тяжёлые держать да кидать без натуги.

Гак рассмеялся:

— И слава богу, что среди моих калмыков гранадеров не ищут: ростом, признаться, мои раскосые не вышли, зато в седле держатся, как влитые.

Офицеры рассматривали с интересом ушедших вдаль гренадеров, а потом внимание их привлекли ладные фигуры больших начальников.

— Завидую графу Румянцеву, — заметил Суворов. — Он меня на пять лет всего старше, а уже генерал, а я вот, всё ещё в премьер-майорах хожу…

Он сокрушённо вздохнул. Румянцев и Войеков уже поравнялись с офицерами, и они вытянулись по струнке, расставив ноги, приложив правую руку к своим треуголкам. Генералы холодно взглянули на них и, не сбавляя хода, процокали на конях мимо. Суворов услышал обрывок разговора. Губернатор обратился к генерал-майору Румянцев:

— Петр Александрович, будьте так любезны, растолкуйте мне, mon cher [71]

, как надлежит поступать по рескрипту нашей всемилостивейшей государыни Елизаветы Петровны? Должны ли мы, обнажив клинки, ударить по пруссакам, немедленно перейдя границу, или же надлежит нам маршировать колоннами вдоль оной, только демонстрируя свое присутствие?

— Вы разве не уразумели сути распоряжения царицы нашей?

— Да как тут уразумеешь, если в самом распоряжении её величества сплошные несообразности! Одно лишь ясно: надобно устрашить ирода. Так она , кажется, именует Фридриха второго?

— По имени не изволит она его называть, ни разу не слыхал, —усмехнулся

Румянцев. — И да, наша императрица просит устрашить видом нашей военной армады, будто бы в сто тысяч штыков. Хотя положу руку на сердце: и сорока тысяч не наберётся, что ныне движутся в Курляндию!

[71] mon cher – по-французски «мой дорогой»

Воейков холодно глянул на генерала:

— И как сие понимать прикажете?

Граф Румянцев усмехнулся:

— Вы, Фёдор Матвеевич, в своей рижской глубинке совсем от двора-с отвыкли: от приёмов, от машкарадов [72], кои так по сердцу её величеству. Там все решается: сто тысяч солдат двинется воевать, али сорок!

Воейков удивился:

— Машкарады? Вы не шутите? А причем тут они?

— А довелось бы вам хоть единожды по воле государыни в дамское платье нарядиться, как довелось мне, запели бы иначе! Елизавета Петровна страсть как любит маскарады и ряженых. Я на одном таком празднестве даже с австрийским послом Эстерхази [73] в танце сходился. Сей дипломат, кажется, готов хоть ежедневно в корсет облачаться. Но хуже то, что он, по моему разумению, держит нашу государыню в «ежовых» рукавицах. И то, что мы то идём в Пруссию, то стоим, а потом идем в Россию, Курляндию, Лифляндию… вслед за переменчивым придворным ветром.

— Да, уже сижу тут в Риге с 53-го и далек, весьма далек от подобных веяний, но заметил, что мы то готовимся к походу, то сворачиваем обозы!

Румянцев и Воейков уже скрылись из виду, и последние слова Суворов услышал с трудом, да и не сильно понял их. Кто такой австрийский посол Эстерхази, который крутит самой Елизаветой Петровной, мог пояснить только его отец, часто посещавший светские рауты русской императрицы. Гак обернулся к Суворову:

— А правду сказывают, будто Румянцев — сын самого Петра Великого? Да ещё и незаконнорождённый! Глядел я на него нынче — ну чисто государь в молодости: тот же взгляд, та же стать!

— Пустые слухи! — махнул рукой Суворов. — Знаю только, что матушка его, Мария Андреевна Матвеева, при дворе в чести была. Отец сказывал, что они и дочь, сестру генерала, удачно пристроили: сначала во фрейлины, а потом удачно замуж — и не абы за кого, а за моего знакомого по Семёновскому полку!

— Это про кого речь?

---

[72] машкарад» попала в русский язык в начале XVIII века при Петре I, придя из французского языка (mascarade), но под сильным влиянием польского языка (maszkarada) и немецкого (Maskerade). Именно из-за польского произношения в корне слова закрепился шипящий звук [ш] вместо [с

[73] Граф Миклош Эстергази(Эстерхази)-Галанта (1711 — 1764) — австрийский венгерский аристократ и дипломат, посол Австрии в России с 1753 по 1761.

— Да за Якова Брюса пошла! Его потом в Преображенский перевели, вот и потеряли мы с ним прежнюю дружбу. Впрочем, не люблю я сплетни перебирать — дело пустое.

Но Гак не унимался:

— Тот самый Брюс? Племянник генерала Фермора?

— Неужто? — Суворов удивлённо вскинул брови. — Не слыхал про такое.

— Верно говорят, — подтвердил Гак. — Он племянник жены Фермора, вот и выходит, что есть кому за него похлопотать, чины добывать.

— Не знал… А вот с самим Фермором скоро свижусь. Сказывают, он в Либаву движется, с моря на Мемель ударить хочет.

Гак присвистнул, строго посмотрел на соседа по палатке в военном походе:

— Вот как? Откуда про Мемель ведаешь?

— Да пока у Цеге-фон-Мантейфеля одноколку выпрашивал, там и услышал краем уха.

— Эх, Саша, ну и молчун же ты! Прямо кремень, а не человек!

— Так ведь не моя была тайна, — спокойно отозвался Суворов.

Гак хотел что-то сказать, но за пехотой на брусчатке Риги показались усачи на конях. Впереди них шёл барабанщик и, чеканя шаг, отбивал ритм палочками.

— Глянь-ка, Суворов, гранадеров ещё и на коней усадили! Смотри сам… Видишь, гранады тоже болтаются на поясе! – восхитился майор.

— Конногранадеры…. Слыхано ли это? — удивился Суворов. — А много ли всего народу собрали в гранадерские полки? Не слыхали?

— Почти три отдельных гранадерских полка! Усачи, здоровяки! Да и то дело: гранады метать — сила нужна, а то и подорваться на месте можно! Я один раз кидал, так чуть сам не взорвался!

Дождавшись, когда вся колонна процокает мимо него, Александр Суворов отправился с Петром Гаком туда, куда они и намеревались. Старьёвщик для вещей майора нашёлся быстро, за небольшую плату он согласился взять вещи на хранение. И вскоре Суворов уже загружал в одноколку заказы по провианту и хозяйственным нуждам от солдат, купленного в местном и вовсе не армейском магазине. Он действительно перед отъездом из лагеря честно провёл опрос среди своих сослуживцев. Можно было возвращаться опять на мызу, но

Гак предложил заглянуть в рижский трактир. Суворов вспомнил своё падение в палатке генерал-майора и янтарный напиток, который он так и не попробовал:

— Кстати, майор, наш генерал Мантейфель за обедом мидус местный нахваливал! Дескать, попробуй, не пожалеешь.

— Что за мидус такой? Ох, Суворов, ну и проныра же ты! К генералу на обед напросился? Небось и тарелку дочиста вылизал, лишь бы поближе быть, и всего-то просил про одноколку намекнуть?

Суворов слегка нахмурился, но ответил спокойно:

— Не напросился, а по делу зашёл. Пришлось крольчатину съесть — генерал так настаивал, что обидеть было нельзя. Только вот мидус я так и не отведал!

Гак хмыкнул:

— А что ж так, не отведал?

— Да всё некогда было: то про обозы, то про марш говорили. Так во генерал говорил: мидус

— напиток славный, сладкий, забористый, ровно наша медовуха.

— Медовуха…, — поморщился Гак. — Я бы лучше шнапсу выпил. Уж он-то не подведёт: крепкий, честный напиток, без всяких затей.

За этими разговорами майор Гак и премьер-майор Суворов свернули к ближайшему трактиру

с названием «Рига», зашли в зал. Он был полон русских военных. Офицеры и чины поменьше наполнили его запахом своего солдатского пота, дымом от раскуриваемых трубок. К этому амбре примешивались ароматы местной кухни, и у Суворова опять закружилась голова. Надо было срочно добраться до стульев, но офицеры с трудом нашли пустой стол. Они только уселись, подозвав полового для заказа, как возглас в конце зала заставил Суворова оглянуться:

— Саша, вы ли это? Глазам не верю! Ква-ква? Жабка, родной! Вы тоже здесь?!

Вот тут действительно произошла радостная встреча, он обернулся и увидел знакомое лицо:

«Ба, да это – Федя
Викентьев
, Викеша!»

В Семёновском Лейб-гвардии полку Александр Васильевич Суворов поначалу появлялся нечасто, предпочитая домашнее обучение, но потом перебрался в Санкт-Петербург и поселился в офицерском доме у дяди, Александра Ивановича Суворова

[74]

на Васильевском острове

[75]

. Полковую школу Саша Суворов любил, помимо занятий по военному делу и строевой, было фехтование, конные выезды. Семёновский лейб-гвардии полк участвовал в охране Монплезира, сопровождал царицу Елизавету Петровну на богомолье, участвовал

в оцеплении на больших мероприятиях русской императрицы. «Жабой», «ква-ква» звали его друзья по службе а непомерно большой рот . Суворов даже чуть на дуэль не вызвал одного хулигана в военной форме. Однако младший брат отца вовремя отговорил его драться на шпагах, конфликт замяли. Дуэли запрещал ещё Пётр Первый, строго наказывала за офицерские драки и его дочь Елизавета. Время прошло достаточно, и Александр Васильевич забыл и думать о своём прозвище, и вот на тебе. Прозвище «Викеша» тут же всплыло в

его памяти! Федя Викентьев был ровесником Суворова, зачислен в полк в один год, в одно число и одним распоряжением

[76]

, и пропустить мимо себя его здесь, в далекой Риге, он просто не мог:

—Как вы? Где вы? Куда вы?

Юноши обнялись, и Викентьев уже сел за стол, как столу подскочили еще двое:

— Ба. Какие лица! Суворов? Вы?

— Наш Ква-ква!

И опять – знакомые, это был Леша Кармалин по прозвищу «Корма» и Сергий Ергольский – «Ерга».

— Это моя полковая школа из столиц! — Суворов решил представить своих друзей майору Гаку.

— Майор Гак, вот с Суворовым на марше познакомился! – представился в ответ Петр Гак.

Чтобы усесться всем за стол, пришлось ставить еще стулья, но юноши, большей частью одного возраста, были так рады встречи, что готовы были потесниться! Пахло воспоминаниями о Семеновском лейб-гвардии полку, сантиментами по прошлому. Выпущенные в настоящую военную жизнь, гвардейские птенцы полетели каждый в свой полк. Суворов ни с кем не поддерживал связь, не списывался, потому, кто в каком чине, кто в каком полку не знал, и ему

---

[74] Александр Иванович Суворов (1709—1753) —родной младший брат генерал-аншефа Василия Ивановича Суворова, дядя Суворова А.В., служил в лейб-гвардии Преображенском полку, имел чин гвардии капитан-поручика

[75] Васильевский остров в Санкт-Петербурге официально именовался Преображенским (или Новопреображенским), но название не прижилось

[76] «1742 году октября 22-го дня по указу ее Императорского Величества лейб- гвардии Семеновского полку господа полковые штапы приказали: явившихся с прошениями нижеозначенных недорослей, а именно: Федора Векентьева, Дмитрия Усова, Алексея Кормалина, князя Николая Волконского, Николая да Сергея Дурновых, князя Юрья Долгорукова, Николая Колтовского, князя Сергея Юсупова, Петра Шереметева, Федора Шереметева, князя Алексея Волконского, Сергия Ергальского, Александр Шереметева, Николая Ходырева, Петра Орлова, Александр Суворова, Сергея Бредихина, Андреяна и Илью 6 Ергольских написать лейб-гвардии в Семеновский полк в солдаты» см. Суворов-солдат : 1742 — 1754. (Итоги архивных данных о его службе нижним чином). А. Геруа.

просто не терпелось расспросить обо всем. Половые подлетели к русским офицерам, коверкая немецкие слова, поинтересовались:

—Чего изволите?

— Пива всем! – вдруг вмешался майор Петр Гак. – А мне шнапсу, три шкалика.

Он чувствовал, что старше всех, опытнее, но к премьер-майору Суворову привык и благосклонно смотрел на встречу бывших полковых товарищей.

—А мне мидуса! – вдруг встрепенулся Суворова. — Здешний ваш напиток, рекомендовали и хочу вкусить! Тоже три шкалика!
—Уверены, герр офицер? – половой с интересом смотрел на хилого русского офицера.

—Так точно!

«Викеша» окинул всех взглядом:

— Только что встретил Прозоровского — и сердце сразу легче стало. А теперь и вы здесь! Словно старые времена вернулись.

Все друзья встрепенулись, загалдели:

— Александр Прозоровский[77] тоже в Риге? Любопытная новость.

— Так точно. Из нашей полковой школы, ныне уже капитан, с его слов ротой командует!

Суворов, узнав, что Прозоровский Саша, выпускник полковой школы, зачисленный чуть раньше их, недорослей образца 1742 года, тоже в Риге, обрадовался, ему нравился всегда этот высокий, красивый, уверенный в себе офицер.

— Ух, ты, здорово…Он уже капитан, быстро, смотрю, выбился из поручиков(он обратился к Федору Викентьеву) А ты, Федя, как, вырос?

—Я - полковой адъютант во Владимирском драгунском полку! Сильно не вырос!

Вмешался Леша Кармалин по прозвищу «Корма»:

—Я тоже все еще – подпоручик, как вы пустился из Семеновского полка, попал в

Кексгольмский пехотный полк, так и служу без повышений-с! Вот – на марше!

Суворов воззрился на Кармалина:

---

[77] Князь Александр Александрович Прозоровский - младший (1733 —1809) —участник Семилетней войны, начав её капитаном закончил полковником, участник всех ключевых сражений. Александр Александрович Прозоровский –старший (1715 – 1769), сводный брат Прозоровского-младшего, начал Семилетнюю войну полковником 2-го Московского полка, которым командовал, и закончил генерал-майором.

— Как это мы ранее не пересеклись? На общем сборе как раз про вас генерал Цеге-фон-Мантейфель толковал!

— Так я только что, часа два как доскакал до лагеря! Просил меня наш полковник Лебель курьера догнать, да передать депешу по обмундированию для князя Шаховского[78]: совсем сапоги истоптали, надо бы заменить…

— Вот оно что!

Все повернулись к «Ерге», Сергею Ергольскому**:**

—А вы, Сережа?

Ергольский помялся и похвалился:

— Я - капитан Ямбургского драгунского полка, в нашем гарнизон далеком от столиц – повышения идут много быстрее!(обернувшись к Суворову) А вы, Саша? Все поручик?

— Бери выше, премьер-майор! – приосанился Александр Васильевич, ему было лестно, что он не самый последний среди всех. - А где Саша Прозоровский служит? Спросил?

— Служит под командой старшего брата, полковника Александра Прозоровского, во

2-м Московском полку, - добавил Федор Викентьев.

«Карма» подмигнул понимающе:

— Ну, тогда ясно, почему он – из фурьеров и поручиков – в капитаны-с! Если старший брат – полковой командир!

Суворов хлопнул себя лбу:

—Ах, да! Помню их: Александр — старший, Александр — младший.

— Да, повезло ему со сводным братом! Он женился на племяннице князя Василия Долгорукова[79], и тот составил ему протекцию во 2-й Московский, — «Викеша» понизил голос. - Теперь Александр- старший – половник, командир, Саша-младший при нем-с!

Викентьев оглянулся, кого-то увидел в дверях и воскликнул:

— Ах, вот и он!

---

[78] Князь Яков Петрович Шаховской (1705–1777) — выдающийся российский государственный деятель эпохи Елизаветы Петровны, который занимал пост генерал-кригскомиссара с 1753 по 1760 год

[79] Князь Васи́лий Миха́йлович Долгору́ков-Кры́мский (1722—1782) — российский военачальник, победный титул «Крымский» получил позже во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. В. М. Долгоруков — единственный из фамилии Долгоруковых, получивший офицерское звание в царствование императрицы Анны Иоанновны. В 1745 году в чине подполковника назначен генеральс-адъютантом к своему родному дяде, президенту В, генерал-фельдмаршалу князю Василию Владимировичу Долгорукову, на начало Семилетней войны – генерал–майор.

Федор Викентьев помахал офицеру, появившемуся в дверях с каким-то очень юным военным, и те пошли к ним. Увидев всех вместе, Прозоровский не смог сдержать свою радость:

— Ух, ты! Корма! Ерга! Какая встреча!(увидев Суворова) И Жабка здесь! Родные! Рад!

Суворов поморщился, «Жабка», «Ква-ква», свои прозвища в полковой школе Суворов давно забыл, но бывшие сослуживцы по Семёновскому полку стали обниматься, и радость встречи пересилила. Александр Васильевич рассматривал юного офицера рядом с Прозоровским. Ему было от силы лет семнадцати, небольшого роста, какой-то невероятной красоты, будто херувим с русских икон он мялся рядом с высоким Прозоровским. Александр Прозоровский слыл признанным красавцем в полковой школе, его томные, карие глаза с поволокой просто завораживали. Точеный нос, аккуратный рот, а фигура! Косая сажень в плечах, представительный Прозоровский казался старше своих лет. Александр Васильевича Суворов, худощавый, с некрасивым лицом, большеротый, с маленькими, холодными, серыми глазками чувствовал себя с ним рядом каким-то «гадким утенком», завидуя его тонкой, мужественной красоте. Да и помнит ли его этот красавчик? Однако очередь дошла и до него, и Прозоровский Саша искренне обнял Сашу Суворова:

— Каким ветром вас занесло в сей лифляндский город, Александр?

— Занесло вот! Как и вы – в походе! А вы теперь капитан, полевой офицер?

— Да – с, ротой командую с легкой руки Василия Михайловича Долгорукова. А вы?

— Я – премьер-майор, обер-провиантмейстер, двигаюсь с полками на марше.

Юноша рядом покашлял, Прозоровский вспомнил о нем и решил представить:

—Знакомьтесь вот, друзья! Князь Долгоруков Юрий Владимирович[80], прапорщик, состоял при своем отце - губернаторе Ревеля, в чертежной, но сбежал на войну!

Половые поставили со стуком алкоголь на стол, всем пива, Гаку – шнапса, Суворову-мидус. Увидев, что вновь подошедшим не хватает табуреток, тут же нашли их и, взяв заказ, исчезли.

Гак прищурился, поглядывая на юного Долгорукова:

— А сколько же вам годков, юный князь? Не рановато ли на поле боя? Да и где вы официально в списках значитесь?

— Приписан официально адъютантом к отцу, Владимиру Петровичу Долгорукову, но сбежал оттуда в действующую армию, прошусь вот к Прозоровскому во 2-й Московский волонтером[81], — отчитался шестнадцатилетний Долгоруков.

---

[80] Князь Долгоруков Юрий Владимирович (1740-1830) - из рода Долгоруковых, на начало Семилетней войны – прапорщик, состоял адъютантом при своем отце - генерал-поручике князе В.П. Долгорукове(губернатор Ревеля, с 1758- губернатор Риги), прошел войну, позже командовал Киевским пехотным полком. Ревель (нем. Reval) — это историческое название столицы Эстонии, города Таллина, которое официально использовалось в Российской империи и в мире вплоть до 1919 года.

[81] Волонтер (устаревшее написание — волентир) — это человек, который добровольно и безвозмездно занимается общественно полезной деятельностью

— Сбежал?! — Гак ахнул, глаза его округлились.

— Мне семнадцать осенью будет! — запальчиво выкрикнул Юрий.

Суворов выпил мидуса, и поймал на себе внимательный взгляд Прозоровского. Тот подмигнул тезке, и Саша Суворов вдруг вспомнил, что Александр Прозоровской в Семёновском лейб-гвардии полку служил фурьером, занимался хозяйственными делами роты. И вот причуды судьбы: Прозоровский – полевой офицер, будет скакать впереди полка на фронтах, а он в тылу – сухари сушить, да мука собирать в магазейны в Либаве, скучно и грустно. Через восемь лет пребывания в Семеновском лейб-гвардии полку Суворова взял

к себе ординарцем командир полка — Никита Фёдорович Соковнин[82]. Генерал-майор жил в доме стольника Петра Первого, князя Троекурова, на 6-й линии Васильевского или, как его ещё называли по старинке, Преображенского острова. Название сие не прижилось, и все

по-старинке звали остров Васильевский. Генерал-майор Соковнин приятельствовал с дядей Суворова и даже позволил его племяннику посещать вольным слушателем занятия Сухопутного шляхетного корпуса. Занятия там были прелюбопытные, Суворов даже записался в «Общество любителей словесности», организованное слушателями из дворян. Там он познакомился с литераторами: модным Сумароковым[83], поэтом Херасковым[84] и многими другими выходцами из офицерской среды, публика там была утончённая, интересная. Суворов даже писать пробовал, гнался за талантливыми «любителями русского слова», и тут на тебе, друзья по гвардейскому полку напомнили ему о жабке-Суворове. И Александр Васильевич Суворов решил допросить с пристрастием Прозоровского:

— Ну, признавайтесь, Саша, как это вы вдруг капитаном стали, да слышал и роту под командование получили?

«Викеша» сделал большие глаза, он пытался остановить расспросы Суворова, но Прозоровский простодушно стал рассказывать:

— Да не вдруг, ей-богу! Меня после Семеновского, слава богу, сразу определили во 2-й Московский! И почти год прошёл, с мая месяца, как высочайший указ последовал о составлении четырёх гранадерских полков из третьих рот.

Суворов удивился:

— А я и не ведал, что так давно! Только нынче в Риге этих гранадеров видел, хороши надо признать!

---

[82] Никита Фёдорович Соковнин (не позднее 1698—1770) — русский военачальник, генерал-аншеф, командовал Семеновским лейб-гвардии полком с 1750 по 1755.

[83] Алекса́ндр Петро́вич Сумаро́ков (1717—1777) — русский поэт, драматург и литературный критик. Один из крупнейших писателей русского классицизма XVIII века.

[84] Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807) видный русский поэт, писатель, драматург и деятель эпохи Просвещения, главный представитель русского классицизма, приемный сын князя Никиты Трубецкого (1699 — 1767), главы Сената, Члена Конференции при Высочайшем дворе.

—Мою роту N2 из 2-го Московского как раз в новый 3-й Гренадерский и определили. А комплектацией ведал в Риге генерал-майор князь Василий Михайлович Долгоруков, на мое счастье. Сводный мой брат писал ему про своё возможное назначение полковником туда, вот и отрядили нас с капитаном Еварлаковым, да ещё лучших людей из полка придали — чтоб рота была отборная у нас в Лифляндии.

— Слыхал я, будто племянница князя Василия Михайловича за Александром Прозоровским- старшим замужем, — хитро прищурился «Корма».

Прозоровский вспыхнул, гневно посмотрел на Федора Викентьева:

— Узнаю, Викеша! Опять про протекции судачите?! Да бросьте вы эти сплетни! Я свою службу честно выполняю: куда приказано — туда и иду, кого приказано вести — тех и веду. Не по родству, а по приказу!

— Ладно, не кипятитесь, Саша! Он не со зла насплетничал! - начал его утихомиривать Суворов. – Рассказывайте далее.

Прозоровскому и Долгорукову принесли пива,и острота разговора ушла.

Александр Прозоровский отпил янтарного напитка и продолжил:

— В общем почти год прошёл, а в конце июня мы уже в Риге были, — неторопливо продолжил он вспоминать. — Князь Василий Михайлович вскоре прибыл, да только вместо брата моего в 3-й Гренадерский определён был Сиверс[85] полковником. Заметь, чрез покровительство родственника его обер-гофмаршала Сиверса. Делать было нечего, не возвращаться же! И меня к князю Долгорукову и взяли.

— А брат ваш, Александр Прозоровский- старший?

— Не сумев возглавить полк, он исходатайствовал мой перевод обратно во 2-й Московский, чтобы мы вместе, значится, опять служили. Ну, и осенью двинулись мы с князем обратно

в Петербург. А в Нарве встретили свой полк, шедший в Лифляндию вместе с Троицким полком. С ним и вернулись в Лифляндию. Зазимовали на Кареез мызе, со штаб-квартирой, и в начале 1757 года произведен я был по старшинству в тот же полк капитаном. В сие самое время начиналась уже война с прусским королем. Так что недавно я - капитан-с, — Прозоровский выдержал паузу. — Вот я всё о себе и рассказал… Вы лучше расскажите, Саша, почему обер-провиантмейстером служите? Насколько помню, вы все время, Суворов не в тыл рвались, а на передовую?!

[85] Иоахим фон Сиверс (1719—1778) – в начале Семилетней войны служил в русской армии в чине полковника.

— Превратности судьбы!— горько усмехнулся Александр Суворов. — Роли поменялись! Вы уже не фурьер, и служба у вас по иному разряду. А я теперь по провиантской части: слежу, чтобы солдат был сыт, а припасы не гнили и не пропадали.

— Фурьер…, — вздохнул Прозоровский. — Давно это было, в Семёновском еще. А я-то думал, вы и сейчас по плацу ходите: «раз-два» кричите! В Лейб-гвардии полку я это ваше «раз-два» на всю жизнь запомнил.

— И это будет, если надо займусь— спокойно заметил Суворов.

— Так это связано! Потому что солдат, что шаг держит, и кашу съест, и штык поднимет, - расхохотался «Корма», то бишь Алексей Кармалин.

Но тут «Ерга» не удержался и тихо квакнул. Суворов вскинул брови, лицо его потемнело, он строго посмотрел на Сергия Ергольского**:**

— Вы, Сергей, хоть и «Ерга» для меня, но меня уж при всех «Жабкой» не кличьте! А то, не посмотрю, что капитан вы - могу и на дуэль вызвать. Вы меня знаете!

— Простите, Александр, — смущённо пробормотал Ергольский. — Ква-ква… Не со зла сказал, вырвалось, честное слово.

Офицеры молча еще раз подняли свои стаканы, выпили, и напряжение сразу спало.

— Господа, а будете ли вы на смотре 30 апреля? — спросил Гак, опорожняя очередной стопку.

— Будем-с! — загалдели бывшие семеновцы.

— Я - волонтёр: готов хоть в каком полку маршировать, хоть на коне скакать! - с жаром отозвался князь Юрий Долгоруков.

— Отмаршируем через Двину по мосту — и прямо в Ковно! – добавил, усмехнувшись Прозоровский.

— А я вот, — спокойно вставил Суворов, — после смотра, в Либаву намерен ехать, магазейнами заведовать.

— В Либаву? — Гак чуть было не поперхнулся шнапсом. — Ну и молчун вы, Александр Васильевич! Ни единым словом не обмолвились, что с нами в Ковно не пойдёте!

— Так только недавно всё подтвердилось, — пожал плечами Суворов и добавил. — Про авангард Фермора под Мемелем. Они как раз из Либавы двинутся, и им провиант очень даже пригодится!

— Я хоть подпоручик, но в курсе, что наш Кексгольмский пехотный полк будет Мемель брать, - вмешался «Корма».

— Авангард генерала Фермора?! Мемель?! — Юрий Долгоруков уставился на Суворова, как на чудо. — Так я тоже тогда в Либаву, с вами, ваше благородие!

Прозоровский хлопнул его по плечу:

— Не выдумывайте, Юра. Пойдёте со нашим 2-м Московским. Я за вами присмотрю — отец ваш письмо брату моему старшему написал не для красного словца…

Князь вскипел:

— Мне няньки не надобны! Я - не барчук, а настоящий служивый!

Долгоруков уже выпил пива, алкоголь ударил ему в голову, и он вскочил со стула:

— А знаете ли вы, что Анна Иоанновна прокляла род наш Долгоруковых за всю ту историю с наследством и повелела всей фамилии служить в солдатах и выше не повышаться?!

— Что-то слыхал, — майор Гак уставился на князя, даже шнапс пить перестал, прибавил. — Так давно уж Елизавета Петровна на престоле, юноша! И сядьте вы уже, не задирайтесь!

Но Юра Долгоруков не унимался, он вскочил на табуретку и стал вещать с высоты:

— Российская императрица, дай ей бог здравствовать много лет, дочь Петра, вернула нашему роду воинскую славу! И всякий из Долгоруковых обязан делом свою храбрость доказать! Но казнь князя Долгорукова в тридцать девятом году пятном несмываемым на роде нашем лежит!

Федор Викентьев присвистнул, махнул на Александра Васильевича Суворова, обращаюсь к пьяному князю:

—Отец сего офицера, вёл то дело! Дело князя Долгорукова. Он вам кто?

Суворов покраснел: упоминание отца, военного прокурора Василия Ивановича Суворова, судившего князя Ивана Алексеевича Долгорукова[86], пришлось совсем некстати.

— Так двадцать лет уже прошло! — глухо сказал он.

— Все Долгоруковы – родственники! – князь Юрий Долгоруков покачнулся и его еле поймали на руки Викентьев, Ергольский и Кармалин, усадили опять за стол. Юрий надулся, а Гак хмыкнул:

---

[86] Князь Иван Алексеевич Долгоруков (1708 — 1739) — обер-камергер, фаворит императора Петра II, старший сын князя А. Г. Долгорукова, имел трёх братьев, князей Николая, Алексея и Александра, и трёх сестёр, сосланных с отцом. Сразу после смерти Петра II (19 января 1730) под давлением своих родственников подделал императорскую подпись на подложном завещании, в котором якобы император назначает наследницей престола свою обручённую с ним невесту Екатерину Алексеевну, сестру князя Ивана Алексеевича. Указом Анны Иоанновны от 9 (20) апреля 1730 года вместе с семейством отца и молодой женой сослан в Берёзов, с лишением чинов и орденов, также отобраны все поместья. На допросах под пытками он рассказал о подложном завещании и роли в его составлении своих родственников. Был казнён четвертованием с отсечением головы.

— Экий вы пылкий юноша! Сидели бы у папеньки-губернатора в ревельском гарнизоне под крылышком. А вы, глядишь, приключений ищете!

— Хочу славы! Воинской славы ищу! За неё и сражаться буду! — не унимался князь.

— Уймитесь, князь! – зло процедил «Викеша». – А то по носу врежу!

— Что?! – князь Долгоруков вскочил, за ним Федор Викентьев, сжав кулаки.

Все бросились разнимать, Суворов пытался усадить бывшего адъютанта Ревеля, оправдывая «Викешу»:

— А он и в Семёновском таким был! Драчун, забияка! Где драка — там уж Федю ждите! Правда, Викеша?

— Ах, ква-ква, не вспоминайте былое! — отмахнулся Викентьев, не обращая внимание на гневные взгляды князя Долгорукова. — Но заметьте: бутылками я никого не бил, да и пил вообще мало!

— Кого это бутылками били? — удивился Гак, опрокинув свой очередной шнапс внутрь.

— Да как-то капралы 8-й роты нашего Семёновского Лейб-гвардии полка нашего каптенармуса[87] Шестаковского изрубцевали бутылками по голове! – сухо заметил Прозоровский и отпил шнапсу.

Суворов подхватил:

— Помню это дело! Пётр Кожин да Иван Лихачёв — вечно вдвоём и всегда в подпитии! Лупили беднягу бутылкой по башке, аж звон стоял по всей казарме!

— Пили изрядно, то — правда...

Разговор отвлек драчунов, и конфликт между двумя офицерами, похоже, был погашен.

— Наказали? — с любопытством продолжал вопрошать Гак.

— Кожина да Лихачева при собрании всех унтер-офицеров и школьников на полковом дворе выставили на колени на сутки, и уже через час после учиненного наказания поставлены были оба под ружье[88]! – вспомнил Кармалин.

— Да сверх того взыскали с них за увечье Шестаковскому денег: пятьдесят рублев! — пояснил Суворов.

— Пятьдесят разве? Меньше…, - начал спорить Ергольский.

---

[87] Каптенармус - должностное лицо в воинской роте или батарее, которое отвечает за учёт, хранение и выдачу оружия, боеприпасов, обмундирования и другого имущества.

[88] В старой царской армии — вид дисциплинарного взыскания, когда солдата заставляли долго стоять в полном снаряжении и с оружием.

— Пятьдесят рублев, Суворов прав! – все подтвердил Прозоровский.

— В рядовые следовало разжаловать, да и делу конец, — отрезал Гак.

Он заказал блюдо с печеной по-здешнему рыбой, покрытой толстой коркой теста, и гречневую кашу со шкварками. Петр Гак опрокинул еще шкалик шнапса и налег на еду.

— Помню я, как солдат одиннадцатой роты, семеновец Василий Шкурин стоял

на своем посту в карауле в Тайной канцелярии[89]. Так покинул его без спросу, каналья, и изъял у содержащихся там двух колодников[90] рубль пятнадцать копеек, - вспомнил вдруг Викентьев.

— Вот гад! – воскликнул майор Гак, не переставая есть.

Рядом с ним Юрий Долгоруков сложил руки и заснул прямо на столе. Федор Викентьев.

покосился на него и продолжил:

— Потом Шкурин отлучился окончательно, пропил изъятые деньги, а, напившись пьян, зашел во двор Ревизион-коллегии[91] к секретарю и стал его поносить, при том вслух упоминая Ее Императорское Величество, выкликая «Слово и дело![92]»

— Не донести ли на кого замыслил?! — полюбопытствовал Гак, налегая на рыбу. — У нас коли человек вбегает и кричит «Слово и дело!», стало быть навет[93] письменный на кого-то составил!

— Никак нет, — рассмеялся Прозоровский. — Откуда солдату про письменные наветы ведать! Пропойцу просто высекли перед полком батогами, да нещадно! Таково было повеление самолично графа Апраксина!

— Он вами начальствовал? — Гак еще отпил шнапса, спросил с явным интересом.

— Почитай, четверть века граф Степан Федорович Апраксин, Семеновским Лейб-гвардии полком командовал! Сколько офицеров выпустил! — заметил Прозоровский.

—А правда ли, Суворов, что вас еще в Семеновском в ординарцы к Апраксину прочили, а вы отказались? – вдруг спросил колкий Ергольский.

— Хворь приключилась, вот и отказался, — уклончиво отвечал Суворов. — Но мне и

---

[89] Тайная канцелярия - это главный орган политического сыска и суда в России XVIII века. Создана в 1718 год при Петре I, находилась в Санкт-Петербурге, в Петропавловской крепости

[90] Колодники — это арестанты или заключённые, которых в старину заковывали в деревянные колодки или цепи

[91] Ревизион-коллегия — это центральное государственное учреждение в Российской империи XVIII века, которое проверяло государственные доходы и расходы

[92] «Слово и дело!» — это историческая формула доноса в России XVII–XVIII веков, особый публичный выкрик, когда любой человек был обязан громко произнести эти слова, если знал об измене или заговоре против государя.

[93] Навет —означает клевету, наговор или ложное обвинение в чей-либо адрес

в ординарцах у Соковнина было не худо, он меня с депешами даже в Вену посылал!

— А еще по нраву мне было, — добавил Федор Викентьев по прозвищу «Викеша», что различий промеж нами не имелось! В нашей полковой школе дворяне сидели наравне с не дворянами, солдаты — с унтер-офицерами, возрастные — с малолетними, причем возрастные имели право изучать те науки, кои сами пожелают!

— По окончании школы было ли повышение в чине? — спросил майор Гак, он с интересом рассматривал выпускников полковой школы.

— Всенепременно! Окончание полковой школы ставилось нам в заслугу, достойную награждения следующим рангом[94]! – пояснил Суворов.

— А я доселе учебники из полковой школы при себе таскаю, иной раз и загляну, — признался Викентьев. — «Французский шпрах-мейстер», «Лар дебнен парле франсе», «Ласиянс дезенженнер»[95].

Прозоровский засмеялся, за ним прыснул в кулачок Суворов и выпил третий мидус.

— Это по-каковски будет? - нахмурился майор. —Вы что, не на нашем языке учились?

— Немецкий, в основном, у нас был, немногие учебники были на французском и еще меньше — на русском, - добавил «Викеша».

— Русский изучал наш Суворов, - махнул на Александра Васильевича Прозоровский. — Насколько помню, посещал собрания любителей русской словесности[96]! Там и граф Румянцев, наш бравый генерал, бывал!

— Его там почти не было, я, конечно, ходил нечасто, так как лекции Сухопутного шляхетного корпуса посещал вольно, но ни разу его не видел, его, по-моему, Миних[97] в какой-то поход отрядил! – возразил Суворов.

— Это, где Сумароков? Поэт Херасков? Я — ярый поклонник Хераскова! – вдруг расчувствовался «Корма».

---

[94] Табель о рангах — это исторический закон о порядке государственной службы в Российской империи, определявший соотношение военных, гражданских и придворных чинов по старшинству, утвержден императором Петром I 24 января (4 февраля) 1722 год.

[95] Книги для офицеров для Семеновского Лейб-гвардии «Der politische Sprachmeister» - «Политический шпрахмейстер», немецкий учебник языка, «L'art de bien parler français» – «Искусство правильно говорить по-французски», «La science des ingénieurs» - «Инженерная наука» / «Наука инженеров»

[96] Литературное объединение при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе под названием «Общество любителей русской словесности»: в середине XVIII в. собрания этой группы посещали известные литераторы и просветители (А.П. Сумароков, М.М. Херасков, И.П. Елагин), а также военные деятели (А. В. Суворов, П.А. Румянцев-Задунайский, Н.В. Репнин).

[97] Христофор Антонович Миних (1683—1767) — немецкий дворянин, российский генерал-фельдмаршал (1732), военный и государственный деятель эпох царствований Петра Великого и его преемников, создатель Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

Он встал и, не обращая внимание на храпящего Юру Долгорукова, стал декламировать:

— Душа моя, престань терзаться,

Престань унынием томиться!

Нам нечего земного бояться,

Нам суждено на небо взвиться.
Наш бренный прах в земле истлеет,

Разрушится телесный дом;

Но дух пред смертью не бледнеет,

Он вечно будет жить в ином[98]!
Все захлопали в ладоши, даже Гак оторвался от еды, Долгоруков вдруг проснулся.

Мимо бежал половой, и он еще решился заказать себе алкоголя, лицо его было сильно помято:

— Шнапсу мне еще! – и упал обратно на стол.

— И мне, пожалуй, что еще! - вторил ему Гак.

Половые побежали за горячительным для офицеров.

— Саша Суворов тоже писал, я даже читал что-то, - заметил Прозоровский. — По-моему, «Диалоги с мертвыми»! Сие — чудо какое-то, зрел в журнале-с! Подпись: А. С. Я сразу понял, что вы, Саша!

— Сие - «Диалоги Лукиана»[99]! В российском переводе — «Разговор Кортеса с Монтесумой» и «Разговор Александра Великого с Геростратом»! Сие опубликовал журнал Академии наук «Ежемесячные сочинения»[100]! Только не я сие писал, а пиит Александр Сумароков. Я хаживал на заседания «Общества любителей российской словесности» токмо, как слушатель и читатель! - объяснил Суворов, смутившись.

Прозоровский продолжил выпытывать у Суворова:

---

[98] Ода «Безсмертіе души» (Бессмертие души), 1756, автор: поэти Михаил Херасков.

[99] «Диалоги Лукиана» - первоисточник и основа жанра (II век н. э.) . Древнегреческий писатель Лукиан Самосатский первым придумал сводить в загробном мире известных богов, философов и правителей, чтобы они спорили друг с другом. «Разговор Кортеса с Монтезумой» и «Разговор Александра Великого с Геростратом» — это русские подражания Лукиану, написанные в XVIII веке. Их автором является знаменитый драматург и поэт Александр Сумароков.

[100] 22 ноября 1754 года на заседании Академии было озвучено предложение президента Академии графа К. Г. Разумовского издавать, начиная с 1755 года, «учёный периодический журнал» на русском языке, журнал должен быть ежемесячным. С 1755 - «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», с 1758—1762 годы — «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», с 1763 года — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», Это — первый в России ежемесячный научно-популярный и литературный журнал, издававшийся Петербургской Академией Наук до 1764 года.

— А пиита[101] нашего Хераскова Михайлу не встречали вы в своём Ингерманландском полку, покуда служили? Слыхал, он там обретается! Читывал-с тоже по случаю сочинений его-с, весьма изрядно!

— В нашем полку видал я его мельком, на экзерциях, на общих сборах, но меня, увы, вскоре услали в Новгород! По возвращении же в столицу случайно проведал,

что отчим Хераскова, князь Никита Юрьевич Трубецкой[102], хлопотал по его поводу!

Прозоровскому уже принесли рюмку, он выпил:

— О чём же хлопоты были?

— Чтоб попал он в университетскую библиотеку, вместо фронта, и, мню я, сидит наш пиит теперь в обществе книг, а вовсе не на марше!

— Протекция — дело великое! Будешь книги выдавать, коли надобно, или провиант, буде папенька воевать не велит! — слова Прозоровского укололи Суворова в самое сердце.

Александр Васильевич подскочил на месте, вскочил:

— Александр Александрович, уязвить меня вздумали вы?!

Однако покачнулся вдруг, и, если бы не половой, который шел мимо и бросился усаживать обратно на стул Суворова, упал бы точно. Гак даже есть перестал, смотрел на бывших выпускников полковой школы, открыв рот. Спас всех «Викеша», не обращая внимания на жгучие взгляды Александра Суворова и что тот от возмущения вскакивал, продолжил, обращаясь ко всем:

— О прочих интересовались? Кто где? «Колтуша»? «Юсуп»? «Ход»? — Колтовский Николай мне писал из Тулы! — пожал плечами Прозоровский. — Ваш хохотун «Колтуша» — тоже капитан, токмо в 5-м мушкетёрском Обсервационного корпуса графа Шувалова!

— Что за Обсервационный корпус такой? – прищурился Гак.

Рядом с ним сидел надувшийся Суворов, он злился и не смотрел в глаза Прозоровскому.

— Граф Пётр Иванович Шувалов учредил Обсервационный корпус в защиту своей любезной артиллерии! Говорят, они обретаются в Москве, в Туле и когда пойдут в поход — никто не ведает! Колтовский как раз сетовал, что застряли в Тульской провинции!

— А Юсупов? Сергей, кажись? — не унимался Фёдор Викентьев. — Кто-нибудь его зрел по окончании нашей полковой школы?

— С «Юсупом» я столкнулся, когда брат навещал на Васильевском острове, на плацу Семёновского как раз строевая была, — неохотно произнёс Ергольский, «Ерга». — Ну, так он выезжал оттуда на коне. В мою сторону даже оком не повёл, а может, сделал вид, что не признал! Он, сказывают, в Копорском гарнизонном полку[103] на Петроградской стороне. По всему видать, на войну не собирается!

---

[101] Пиит (или устаревшее пиита) — это устаревшее или книжное название поэта

[102] Князь Никита Юрьевич Трубецкой(1699 — 1767) — видный русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал и дипломат из рода Трубецких.

[103] В период Семилетней войны (1756–1763) существовал Копорский гарнизонный пехотный полк, Полк выполнял охранные, караульные и строительные задачи в новой столице. Слобода Копорского гарнизонного полка располагалась на Петро-

Все помолчали, а подпоручик Алексей Кармалин добавил:

— Ну, Сибирский пехотный полк, сказывают, воюет, я уже хотел за нашего Ходырева порадоваться!

— О как! «Ход» объявился! – обрадовался «Викеша».

— Да писал ему сам, а он ответствовал месяца через три, что отпросился в отпуск прямо перед войною! – «Карма» допил свое пиво наконец и сказал мрачно. - Так что он нам тоже не товарищ!

— А я — товарищ? — горько заметил Суворов. — Буду не воевать, а муку на телеги грузить всю войну! Уж лучше тоже в отпуск! Надо было отпроситься, так бы и родителю помог

с сёстрами и всем прочим беспокойным семейством!

— А пошто ж соглашался обер-провиантмейстером тогда? — спросил его Прозоровский прямо. — Просился бы в полевые офицеры!

— Экий вы, Роза, дотошный! — прозвище Прозоровского вдруг всплыло в памяти Александра Васильевича. — Я был рад и сему определению, сбежал с должности генерала-аудитора из Военной коллегии. Считал, что главное - от фронта недалече, а там дождался бы оказии в виде вакансии в полку!

— И? —в голосе «Розы» слышалась ирония.

— И дождусь! — отрезал Суворов.

Половые опять принесли выпить, Юрий Долгоруков проснулся от стука стопок о деревянный стол, увидел пред собой новую порцию шнапса, махнул лихо горячительное в себя и опять упал на стол, моментально заснув. Федор Викентьев перевел тему:

— И учителя в нашей полковой школе мне нравились!

— Кстати, должно сказать спасибо, что наши учителя были сплошь из служивших уже, унтер-офицеров! — заметил Прозоровский. — Учители были отменными, многие шведскую войну прошли!

— Ну, капрал Илья Ергольской обучал в полковой школе фехтованию, и он — мой ровесник! — добавил Александр Суворов.

Он оборотился к «Ерге»:

— Всегда хотел спросить, да в полковой школе стеснялся, Илья Ергольский тебе — родной брат?

— Нет, двоюродный! И меня он еще и по ночам фехтовать учил!

градской стороне.

— И сколько вы фехтовали в день по часам? — Петр Гак опрокинул в себя очередной принесенный ему шнапс.

— Ну, по часу в день, иногда по два! Занятия школы были ежедневно по семи часов кряду, от 6-ти до часу дня! — пояснил Прозоровский и улыбнулся, хитро воззрившись на Суворова. — Многие посещали занятия между делом, например, Суворов.

— Ну, неправда! — возмутился Александр Васильевич. — Я просто по началу на домашнем обучении был, хаживал в школу нечасто. Потом наверстал! И если должно — докажу, фехтую отменно!

— Я фехтовал всякий день и сразу как попал в школу, да и домой меня никто забирать не собирался! — добавил Александр Прозоровский. — Отец второй раз женился и меня совсем забросили!

— Помню, Саша, что зрел тебя в списках по зачислению в наш Семёновский, но кто таков Суворов — не знал совсем! — вспомнил Викентьев.

— Ну, прибыл я в Санкт-Петербург и поселился у покойного дядюшки токмо в 1748, хотя зачислен был в Семеновский на шесть лет ранее!

— А как ваш дядя поживает, Саша? — вдруг спросил у него Прозоровский.

Суворов взгрустнул:

— Мой дядя, Александр Иванович Суворов, преставился в 1753, четыре года как назад. Царствие ему небесное!

Все перекрестились, и Александр Васильевич продолжил:

— Отец мой, Василий Иванович, погребал брата с почестями, как и положено офицеру.
Он вздохнул, вспомнив дядю Сашу, своего тезку:

— Молодой совсем, ныне бы в походе был, вкупе с нами! Вдова недолго его пережила, моровая язва скосила их обоих. Дети вот остались, мои двоюродные братья и сестры, и ныне на попечении отца моего, токмо же и сестры мои, так что…

Все задумались каждый о своем, а Прозоровский какое-то время наблюдал, как Гак смачно ест рыбу с кашей и потом спросил Суворова:

— Вы на смотру завтрашнем будете?

Суворов кивнул.

— Генерал-майор Иоганн Цеге-фон-Мантейфель поручил всем чистить оружие и освободиться от лишних вещей, дабы далее не перегружать лошадей, — вмешался в их беседу Петр Гак. — Значит, скоро будет строй!

— А потом в Митаву или в Ковно идем? – с интересом спросил Ергольский. - Говорят, мы двинемся полдень, прямо на другой день!

— Все ждут ордера Апраксина по армии на сей счет! – сухо заметил Прозоровский.

— Надеюсь, будет прямо после смотра-с! – задумчиво протянул Суворов.

— Генерал Цеге-фон-Мантейфель подтвердил мне все про Ковно[104], и что в Мемель выдвинут авангард под командою Фермора, — произнес Суворов. — Так что я после смотру — в Митаву, а потом двинусь в сторону Либавы, догонять Муромский и Нижегородский полки.

Гак нахмурился, он привык в походе к премьер-майору Суворову, спросил строго:

— Признавайтесь, почему в Вильно[105] не пойдете с моими калмыками?

— Калмыками? — Федор Викентьев удивленно переглянулся с Кармалиным. — Про казаков в нерегулярных войсках слышал-с. Но что мы уже калмыков в рекруты забриваем, первый раз слышу!

— Как же-с, нерегулярные войска: татары, башкиры, калмыки — все у нас! С луками и стрелами и прямо в бой! — рассмеялся майор Петр Гак.

— С какими луками? — вопросил «Викеша», допил пива и громко икнул.

— С натуральными луками, как в стародавние времена, оружия им не выдают, почитается, что со своим придут! Вот они с колчанами и приходят! Да еще с дротиками! — пояснял Гак.

— А где у вас калмыки обитают? А, майор? — поинтересовался Прозоровский. — А в кибитках своих, там и молятся, из самого улуса везли их?!

Все засмеялись, майор хотел что-то добавить, но Кармалин его перебил.

— Много мы так навоюем! — разволновался «Карма». — Да славы варваров в Европах не хотелось бы добиться! Раскосые лица, сие ли армия Елисавет Петровны?

Прозоровский опять внимательно посмотрела на Суворова:

— Так что там с Либавою? Поясните, Суворов, что конкретно будете делать, как обер-провиантмейстер, в сем курляндском захолустье!

Суворов допил последний глоток мидуса, пояснил:

---

[104] Ковно — это историческое название города Каунас в Литве, которое использовалось в русском языке до 1917 года.

[105] Вильно — это историческое название города Вильнюс, столицы современной Литвы.

— Я зачислен нашею Военной коллегией в обер-провиантмейстеры и приказать мне может только Провиантская канцелярия. А она что прикажет, то и буду делать! Но ныне за обедом Цеге-фон Мантейфель изъяснил мне, что в Либаву движутся наши одиннадцать полков

во главе с Фермором Виллиамом Виллиамовичем! Будет Мемель брать наш генерал-аншеф!

Друзья по Семёновскому лейб-гвардии полку уставились на Суворова, а Прозоровский подтвердил то, что сообщил Александр Васильевич :

— Я тоже знал про сию операцию! Арьергард под командою генерала Фермора как раз в курляндскую Либаву движется. А оттуда на корабли — и вот он, прусский город Мемель!

Майор Гак крякнул, посмотрел на Суворова удивленно:

— Про военные таланты Фермора Виллиама Виллиамовича никогда и ничего не слыхивал, слышал-с токмо, что он в Канцелярия от строений [106] в Санкт-Петербурге числился. Говорят, все сие время он новый каменный Зимний дворец Елисавет Петровне строил вкупе с каким-то итальянским архитектором!

— Растрелли[107]! Архитектор итальянский, и дворец, судя по всему, будет прекрасным! Зрел, знаю-с, — пояснил Прозоровский. — Только строить его еще до-о-олго будут!

Гак прервал его:

— Не ведал, что Фермор в действующую армию прибудет и будет возглавлять какой-то там арьергард, оторванный от главной армии нашей!

— А я вот просился в мемельский десант, - вдруг признался Александр Прозоровский. —Думал к Ивану Салтыкову[108], бригадиру дивизии Фермора, в Ревель попасть, в какой-нибудь Пермский полк определиться! Но брат Александр Прозоровский - старший меня со 2-го Московского нашего не отпустил. Так что, поздравляю, Суворов, будете первым на передовой! От Либавы до Мемеля — рукой подать!

Он опять хлопнул Александра по плечу.

— Ну, в шармицелях участие не приму! — грустно заметил Суворов.

— Шармицель? — Гак нахмурился. — Плохо с немецким у меня, что сие значит?

— Стычки — сие значит, бои-с, атаки и нападения на врага-с! — пояснил Прозоровский майору и обернулся к Александру Васильевичу. — А к Румянцеву не хотите попроситься, Александр? В 1-й гранадерский, к примеру? Он, сказывают, ещё в Риге!

---

[106] Канцелярия от строений (до 1723 года — Канцелярия городовых дел) — государственное учреждение, ведавшее застройкой Санкт-Петербурга и постройками дворцового ведомства.

[107] Граф Бартоломе́о Франческо Растрелли (1700 — 1771) — российский архитектор итальянского происхождения, позже (1771) академик архитектуры Императорской Академии художеств

[108] Иван Алексеевич Салтыков (1716—1773) — русский военачальник, сын внучатого племянника императрицы Анны Иоанновны. В начале Семилетней войны – генерал-поручик, командовал пехотными полками, перевозимыми морем из Ревеля в Ригу весной 1757 года, участник осады Мемеля, где командовал бригадой из четырёх пехотных полков. Позже участвовал во всех ключевых сражениях в Восточной Пруссии, зимой 1757—1758 году командовал дивизией.

— Да, видели мы Румянцева с гранадерами, чинно шли они по брусчатке. С песнями, барабанами и трубами! — вздохнул Суворов. — Но думаю, поздно проситься… Всё решено!

Гак выпил, посетовал опять, вернувшись к разговору о провиантских обязанностях Суворова:

— Эх, не ведал я про Либаву! В шатре с вами, Суворов, два месяца, а всё скрытничаете! Я же про вас теперь всё знаю! Храпите вы или сопите, когда пробуждаетесь, когда засыпаете!

Он махнул на Суворова рукою, сдвинул парик на макушку, открыв взору окружающих чёрные кудри свои:

— Сей чудак спит на соломе, представьте? Отрекся от походной кровати! Спартанец прямо! Истязает себя поутру — купанием в студеной воде! Пробуждается прежде петухов и шасть

в реку или пруд, да и ручей сгодится, все что под руку попало! Денщиков у него нет, все сам! Словом, странен!

— Он всегда был чудак! — засмеялся «Викеша», смутив Суворова. — Все пьют шампанское, а он за книги! А что до соломенного ложа… Сие — воистину по-солдатски! А то у нас в полку многие везут свои кровати, пуховые перины и подушки, токмо обозы нагружают да коней загоняют! (после паузы) А иные и метресс[109] прихватывают для согреву!

Он подмигнул Суворову:

— Как по сей части у вас, премьер-майор? Есть ли виктории на сем поприще?

— От женщин надлежит держаться далече! Позицию мою знаете, Викеша! — Суворов зарделся то ли от выпитого мидуса, то ли от прямого вопроса.

— Помню-с, помню: мы со всеми девицами легкого поведения Петербурга знакомы-с, а сей скромник… , - стал объяснять Федор Викентьев, и все засмеялись, окончательно смутив Сашу Суворова.

— И меня не брали! — пожаловался Алексей Кармалин, его явно развезло от пива, смешанного со шнапсом.

— Ты зело мал был, Корма, — Прозоровский щелкнул его по лбу, чувствовалось, что он был заводила в питерских компаниях.

«Викеша» продолжал донимать Александра Васильевича:

[109] Метресса (от французского maîtresse — госпожа, хозяйка) — это устаревшее обозначение любовницы или содержанки, преимущественно в буржуазно-дворянском быту

— Что до дам, Жабка, я в корне не согласен! Кто еще скрасит наши суровые воинские будни?

Александр Васильевич хотел возмутиться на эту «Жабку», но мидус теплой волной прокатился по внутренностям, и он ничего не сказал. Друзья замолчали, думая опять каждый о своем. Юрий Долгоруков икнул и вдруг проснулся. Он встал и закричал половому:

— Любезный, а где у вас тут нужник! Мне бы до ветру!

— Смотрите, князь, не упадите в говно-с! — засмеялся Прозоровский.

Долгоруков пошел, покачиваясь, из трактира, а Суворов вдруг стукнул кулаком по столу:

— Я всей душой стремлюсь в действующую армию и во фронт! И добьюсь своего! Хоть даром, без вакансии, без жалованья, но буду сражаться во фронте, вопреки воле родителя, Суворова Василия Ивановича!

Прозоровский только сейчас все понял:

— Ах, вы всё о протекции батюшки… Ну, не гневайтесь, Саша!

Диалог их не продолжился, потому что в этот момент к их столу подошел еще один юный офицер. Он был чуть постарше Юрия Долгорукова, но все также юн, от силы девятнадцати лет от роду. Покачиваясь, а он очевидно тоже был пьян, юноша оперся об стол, привлекая

к себе внимание:

— Господа, а вы ведаете? Фельдмаршал Апраксин заутра будет принимать парад всех войск? Али не всех?

Майор Гак побагровел. Даже тарелку отодвинул:

— Молодой человек, вас учили воинскому этикету? Ну, как можно к старшему по чину подходить во время обеда, не спросясь, не представившись, с какими-то глупыми вопросами?

— Ах, простите, ваше высокоблагородие! Я по неопытности своей, уж простите! — юный офицер попытался застегнуть свой мундир на верхнюю пуговицу, но она ему никак не дава-

лась. — Подпоручик Андрей Тимофеевич Болотов[110]! Служу в Архангелогородском пехотном полку! Имею намерение заутра участвовать в смотре перед фельдмаршалом Апраксиным…

Он понизил голос:

— О том и был вопрос. Вы, господа, будете на смотре?

Гак ответил сухо:

— Будем-с, все непременно будем-с!

В этот момент к столу подошел другой офицер, взял твердо под руку Болотова:

— Подпоручик, дайте отдохнуть этой компании! И идите на свое место!

Болотов покачнулся, пошел к столу, так как его твердой рукой развернул подошедший:

— Простите, молодой человек, господа! Он ездил в Ригу искать книгу-с. Устал, пока нашел…

Прозоровский посмотрел на говорившего внимательно:

— А о какой книге речь идет?

— «Английский философ, или История господина Кливленда[111]»!

— «Побочного сына Кромвеля», что написал аббат Прево? — Прозоровский блеснул эрудицией.

— Занятная вещица, хоть и на французском писана, но очень недурна-с! – присоединился к беседе Федор Викентьев и стал пересказывать сюжет. — Незаконнорожденный сын лорда Англии Ливера Кромвеля скрывается в пещерах Девоншира…

— Я увлечен был его «Манон Леско», — заметил Прозоровский.

Болотов буквально расплылся в улыбке, хотел что-то сказать.

— Пошли, Андрюша, хватит к людям приставать! Честь имею кланяться, — улыбнулся офицер, взяв настойчиво Болотова под руку.

---

[110] Андре́й Тимофе́евич Боло́тов (1738 — 1833) —мемуарист, до 12 лет жил при отце, который служил полковником в Архангелогородском полку. В этот полк десятилетний Андрей был зачислен каптенармусом. В 1756 году в 19 лет поступил на службу офицером, в чине подпоручика. Позже отправился с полком в поход и участвовал в сражении при Гросс-Егерсдорфе(1757),когда русские войска заняли Пруссию, был отправлен для караульной службы в Кёнигсберг, служил там при Суворове В.И., все это описано в его мемуарах «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков»

[111] «Английский философ, или История господина Кливленда, побочного сына Кромвеля» - знаменитый приключенческий и психологический роман французского писателя аббата Прево, изданный в 1731–1739 годах. Другой нашумевший роман - «История кавалера де Грие и Манон Леско»(1731)

Они пошли к своему столику, где сидели. Викентьев, Ергольский, Кармалин, Суворов и Прозоровский услышали издалека, как Андрей Болотов хвалится:

— Господа, а какую книгу-с я сегодня приобрел, не угадаете! Давно за ней гонялся!

— Какую же, mon cher[112]? Неужто за книгой Даниеля Дефо́[113]?

— Капитана Чарльза Джонса? А вот и не угадали…

Друзья улыбнулись, разговор был между офицерами вполне столичный, повеяло Санкт-Петербургом, временами «Общества любителей русской словесности», жарких споров до утра по поводу переводов любимых авторов. Прозоровский обернулся к Суворову, хотел о чем-то сказать и вдруг заметил, что тот сильно побледнел. Три пустых рюмки из-под мидуса стояли перед Александром Васильевичем.

— Саша, вам плохо? — прошептал Прозоровский Александр, другие тоже тревожно вгляделись в бывшего полкового товарища.

И действительно, Суворову стало вдруг совсем нехорошо. Глаза его закрывались, и без того большой рот расплылся еще больше. Сам Александр Васильевич чувствовал, что с ним что-то не так. Голоса Прозоровского, Викентьев, Ергольский, Кармалин и Гака стали звучать глуше, глуше, отдаваясь странным эхом в его ушах. Премьер-майор пытался разглядеть лица своих собеседников, но они вдруг подернулись туманом, потом накренились и вовсе ушли в черноту. Александр Суворов впал в странное забытье. Три рюмки коварного медового напитка дали себя знать! Выяснилось, что он — мертвецки пьян…

Очнулся Суворов уже в полковом лагере, голова раскалывалась, ему хотелось пить, и он со стоном сел на своем соломенном ложе. Раскладушка рядом была пуста, за полотняной дверью слышался скрип солдатских сапог, мерно ударяющихся о мелкую гальку. Крики, возня, вдали звучащий барабан — все это подсказывало Александру Суворову, что полк его собирается к Двине, на смотр к фельдмаршалу Апраксину! А как же он?! Суворов вскочил, однако острая боль в голове заставила его покачнуться, его подташнивало.

В палатку влетел майор Петр Гак:

— Ну, Суворов, живы ль? Я подивился вашему поступку вчера… Не умеете пить, лучше не пейте! Или пейте то, что испытано! Вот я шнапс пил — и что огурец, даже голова-с не болит! — Мидус был лишний, — Суворов смутился. — Я ведь вовсе не пью.

— Совсем не пить — грех! На войне пьют все, а учиться пить надобно также, яко строевой экзерциции!

Гак вглядывался в бледно-зеленое лицо Саши Суворова:

---

[112] mon cher – по-французски «мой дорогой»

[113] Даниель Дефо́ (1660—1731) — британский писатель и публицист, выступал под псевдонимом капитан Чарльз Джонсон, автор «Всеобщей истории грабежей и смертоубийств, учинённых самыми знаменитыми пиратами», изданной в Лондоне в 1724 году

—Из трактира в Риге дотащили вас с вашими товарищами по Семёновскому полку до одноколки, а как доехали до лагеря — здесь уже с моим денщиком до палатки нашей. Слава Богу, что никто не зрел-с!

— Мне совестно, ваше высокоблагородие ! Простите меня! — Суворова мучило раскаяние. — В последний раз я так напился как раз в полку — тому назад!

— Ладно, собирайтесь, всё, что привезли из Риги, я раздал по вашему реестру солдатам, всё то, что они вам-с заказывали.

— Благодарствую, Пётр Иванович! — Суворову стало зазорно. — Тотчас оденусь и буду

в строю!

— Давайте, премьер-майор! А я пойду пока своих калмыков строить! Овса еще надо задать коням, а фуражу[114] опять не хватает!

Однако на этих словах Суворова начало выворачивать, и он пулей выскочил из палатки прямо в исподнем. Позже, умывшись, он пришел в себя, оделся по форме и оседлал коня. Ехать каретой Суворов не любил, потому пришпорил коня и вскоре догнал полки, с которыми шел от самого Пскова.

Через каких-то два часа, ранним утром 30 апреля 1757 года, русская армия подошла к мосту через Двину. Там, на той стороне, стояли два великолепных шатра фельдмаршала Апраксина. Сам он, на красивом коне, сером в яблоках, в белом с золотой вышивкой камзоле с красной лентой через плечо Ордена Александра Невского[115] и с каким-то еще неизвестным Суворову орденом в виде красного креста на груди, принимал парад. Сказать про него, что он был тучным, — ничего не сказать. Степан Федорович Апраксин, еще будучи командующим Семеновским Лейб-гвардии полком, слыл тучным, и даже тогда его многие за глаза звали «боровом», но сейчас он был просто гигантских размеров. Его маленькие, неопределенного цвета глазки с белесыми ресницами еле выглядывали из-за пухлых щек, нос покоился в складках лица, а двойной, или, скорее, тройной подбородок подпирал стоячий воротник белой парадной формы. Складки на мундире и выпирающий с двух боков жир сильно портили впечатление от общего облика главного человека армии России. Рядом на коне виднелась фигура графа Румянцева в обычном, зеленом кафтане. Однако он выглядел интереснее рядом с фельдмаршалом, выгодно отличаясь от главнокомандующего и красивой фигурой, и мужественным с точеными чертами лицом, и сильно отвлекал внимание от Степана Федоровича, тот будто терялся на его фоне. Рядом на коне сидел и знакомый Суворову по Санкт-Петербургу генерал-провиантмейстер Семен Волконский, генералы Христиан Штофельн и Петр Панин. А еще - много других, совсем незнакомых Александру Васильевичу штабных офицеров из свиты фельдмаршала. Чуть поодаль сидел на коне губернатор Риги Федор Войтеков, а еще дальше, за ограждением стояла нарядная, франтовато одетая делегация в нежно-голубых камзолах, их парики, в цвет камзолов треуголки с серебряными галунами и какие-то особо завитые парики выдавали в них иностранцев. Суворов ехал на донце, одной из самых распространенных пород лошадей в этом походе, и, когда поравнялся с ними, то услышал французскую речь. Александр Васи-

[114] Фураж — растительный корм, который заготавливают для питания сельскохозяйственных животных и лошадей

[115] Орден Святого Александра Невского был учрежден в России 1 июня (21 мая по ст. ст.) 1725 года императрицей Екатериной I по замыслу Петра I, став одной из высших наград Российской империи. Это - золотой крест с красной эмалью и двуглавыми орлами между лучами, серебряная восьмилучевая звезда и красная муаровая лента через левое плечо

льевич неплохо владел французским языком еще со времени обучения в Семеновском Лейб-гвардии полку и явственно услышал, как один из французов наклонился к другому и спросил по-французски:

— Месье Л'Опиталь[116], что за дикари маршируют впереди колонны? У меня такое впечатление, что сам Чингисхан восстал из могилы!

Француз Л'Опиталь усмехнулся и, склонившись к уху собеседника, прошептал:

— Ах, де ла Мессельер[117], как жаль, что кавалер Д'Эон[118] не с нами! Уж он бы отпустил столь изысканные остроты по поводу этой странной конницы!

— Кавалер Д'Эон действительно покинул Санкт-Петербург этим летом? Когда же мы увидим его вновь?

— Барон Дуглас[119] не отпустит его надолго, однако, по моим сведениям, Д'Эон решил окончательно стать женщиной. Видимо, маскарады при дворе Елизаветы Петровны доконали его!

— Так теперь он — мадемуазель де Бомон?

Французы захихикали в батистовые платки. «Что за кавалер Д'Эон, ряженный, как женщина, про которого судачат эти французы: Л'Опиталь и Мессельер? И чего это они про наших калмыков шутят?» — подумалось Суворову. Лишь Василий Иванович, Суворов-старший, часто бывавший при дворе российской императрицы, мог бы просветить Суворова-младший в хитросплетениях интриг этой придворной камарильи. Однако он уже проехал далеко, и о чем говорили явно посольские люди было уже не слышно. Однако поравнявшись

с фельдмаршалом Апраксиным, Саша Суворов увидел, как тот наклонился к Румянцеву и громко спросил:

— Это что за Золотая орда идет впереди полков, а, Петр Александрович, что за варвары впереди русской колонны?

Граф Румянцев ответил также громко, перекрикивая барабанный бой музыкантов впереди колонны:

— Иррегулярные полки, ваше высокопревосходительство! Идут потом в Вильно, чтобы влиться в ряды нашей регулярной армии!

---

[116] Поль Франсуа де Галлуччо, маркиз де Л'Опиталь (1697 — 1767) — французский дипломат, посол Франции в Российской империи в годы Семилетней войны, начиная с 1757.

[117] Луи-Александр Фротье де ла Мессельер (1710 году – 1777)- помощник посла Лопиталя, французский дипломат, кавалерийский офицер и автор известных мемуаров «Voyage à St. Petersbourg ou nouveaux mémoires sur la Russie»

[118] Кавалер (шевалье) Д'Эон (Шарль-Женевьева-Луи-Огюст-Андре-Тимотене д'Эон де Бомон, 1728–1810) —французский дипломат, помощник тайного дипломата месье Дугласа, тайный агент XVIII века, в 1755 году въехавший в Россию под именем мадемуазель Лиа де Бомон, в последствии проживший половину жизни как мужчина, а вторую половину — как женщина.

[119] Александр-Пьер де Маккензи-Дуглас(1713—1765) — барон, шотландский якобит на французской службе, секретный дипломат в России и агент Людовика XV, французского короля

— А что за кибитка нарядная перед ними тащится? Уж не сам ли султан турецкий с нами в поход отправился?

— Никак нет, ваше высокопревосходительство! Та кибитка калмыцкая, с Волги привезённая. Калмыки наши в ней ночуют обычно скопом, дабы не утруждать себя разборкой и сборкой оной каждый раз. На телеге её перевозят, стало быть.

— Ах, Пётр Александрович, хотел бы я такую кибитку иметь! Уж выспался бы в ней, право слово, а то в палатках наших тесно и неуютно!

— Будет вам исполнено, Степан Фёдорович! Лично изыму у калмыков наших и доставлю!

— Благодарствую, Румянцев! Премного обяжете!

Голоса звучали полушутливо, а Суворов действительно рассмотрел едущую впереди красную калмыцкую кибитку с фонариками по бокам. Она ехала аккурат перед генерал-майором Цеге-фон-Майнтейфелем, в хвосте той самой калмыцкой колонны, часть которой он застукал за исполнением буддийского обряда в прибалтийском лесу. Александр прислушался к себе, его вроде бы не тошнило, и чувствовал он себя увереннее. Он оглянулся: вокруг шатров фельдмаршала виднелись гвардейцы, несшие охрану вокруг русского штаба, а за временной оградой просто неистовствовала толпа. Женщины в ярких летних платьях, купцы в черных камзолах, вся рижская знать провожала русскую армию в поход. Полки поротно переходили по узкому мосту через Двину и шли дальше, отдавая честь своему главнокомандующему. Звуки труб и треск барабанов сопровождали процессию, а мерный стук сапог о мощенную улицу задавал ритм. Суворов ехал на своем коне рядом

с пылившим сапогами полком. Пехота двигалась за калмыцкими ротами майора Петра Гака, и зеленые кители русских солдат с черными треуголками на головах резко отличались от красных халатов и красных же шапок с кисточками калмыцких конников. Стала теплее и многие расстегнули свои кафтаны, демонстрируя красный камзол под ним. Вся это красная форма буквально горела под лучами ленивого весеннего солнца. Суворовская лошадь уже доплелась до дороги, где разворачивался полк для дальнейшего похода, как вдруг он заметил Прозоровского и тоже на коне. Суворов спешился, стал крутить головой, пытаясь найти в солдатской толпе своих товарищей по полковой школе Семёновского Лейб-гвардии полка, но их нигде не увидел. Лишь «Роза» возвышался над однородной зеленой массой на своем красивом, кауром жеребце. Увидев опять своего друга, любимого «Ква-ква», Прозоровский тоже спешился. Их разделял лишь военный тракт, но по нему все шли и шли русские полки, пыля сапогами, и сделать шаг друг к другу не было никакой возможности! И только увидев короткий просвет между ротами, Прозоровскому удалось приблизиться к Суворову:

— Ах, Саша, живы ли вы? Вчера вы так изрядно захмелели, что мы за вас и впрямь перепужались… Долгорукова с утра зрел — тоже зелен, что трава, едва на ногах держится! Суворов смущённо кивнул:

— Жив, да токмо голова трещит, аки в ней барабан бьют.

Прозоровский улыбнулся, ободряюще хлопнул друга по плечу:

— Ладно, Жабка, дело житейское!

Лицо Суворова исказилось, и впрямь стал он похож на грустную лягушку. Внимательный Прозоровский приметил, как вытянулось его лицо, улыбнулся:

— Да не гневайтесь вы на прозвание: в сих прозваниях и есть братство нашей полковой школы, юность шальная! Да и что нас впереди ждёт? Никто не ведает!

— Кличьте меня как хотите, Роза! — махнул рукой Суворов, делая упор на прозвище Прозоровского.

— Вот видите, вы меня «Розой» кличете, а я и не во гневе!

— Кличьте хоть «Жабкой», хоть «Ква-ква», только не при всех, прошу!

— C'est charmant[120], Ква-ква!

Они помолчали, и Суворов спросил:

— Куда вы после смотра-то выступите?

— Наш 2-й Московский идёт к Бауске[121], а оттуда — до Ковно в Литве, чтобы влиться

в дивизию генерала Лопухина. Там общий сбор. Туда же после парада двинется и фельдмаршал Апраксин.

— А дивизия генерала Ливена[122]?

— С Днепра-с идут! Как подойдут, мы выступим либо в Тильзит[123] либо в Кёнигсберг.

Планы были грандиозные, было заметно, что Прозоровский крутится вокруг офицеров штаба 2-го Московского и в курсе всего. Неожиданно с ними поравнялся офицер на коне, судя по галунам – это бы генерал, весьма небольшого роста и совсем не молод. Он подмигнул Прозоровскому:

— Капитан Прозоровский! Почто тут толчетесь?!

— Ваше высокопревосходительство! И вы на смотре! Рад видеть вас, Василий Михайлович!

«Роза» наклонился к Суворову и прошептал:

— На ловца и зверь бежит, князь Долгоруков – наш благодетель!

---

[120] c'est charmant – по-французски «прекрасно!»

[121] Ба́уска (Bauske) — город в Латвии, административный центр Бауского края в 67 км к югу от Риги, у слияния рек Му́сы и Ме́меле,

[122] Матвей Григорьевич Ливен (1698 —1762) - российский генерал-лейтенант, участник русско-турецкой 1735—1739, русско-шведской и Семилетней войн, ближайший помощник Апраксина.

[123] Тильзи́т (Tilsit) — немецкий город в Восточной Пруссии. В 1945 году после присоединения этого региона Советским Союзом и депортации немецкого населения был переименован в Советск 7 сентября 1946 года.

Генерал-майор Василий Иванович Долгоруков улыбнулся:

— Вот получил бригаду – Новгородский, Псковский и Вятский полки, непривычно после моего Тобольского, но ничего – справимся!

Он махнул на шедших строем солдат в треуголках:

— Глянь-ка! Мои идут орлы!

Генерал развернулся на коне и Суворов, недовольно посмотрев на товарища по полковой школе, представился:

— Премьер-майор Суворова Александр! Приписан к Куринскому полку, следую в Либаву по назначению обер-провиантмейстером!

Реакция генерал-майора на его представление была странной, Суворов ожидал традиционного вопроса про отца Василия Ивановича, но Долгоруков вдруг нахмурился и спросил строго:

— Это какой-такой Суворов? Который с проверками Военной коллегии ездил-с в Новгород, местных чиновников пугать?

Суворов замер, Прозоровский тоже недоуменно водил глазами с одного на другого:

— Александр Васильевич окончил со мной полковую школу, были приписан

к Семеновскому Лейб-гвардии полку, токмо я чуть ранее!

— Сей юноша напужал своими претензиями и клаузами моего друга – Петр Борисовича Черкасского!

— Губернатора Новгорода? Он ваш друг? – растерялся Суворов.

— Вы когда там обитали?

— С января 1756, я…

— Да уж молчите, Суворов, - Долгоруков поджал губы, посмотрел, как показалось Александру Васильевичу, почти брезгливо, ткнул в него указательным пальцем. - Сей юноша, усмотрел неудовлетворительное состояние магазейнов в Новгороде, видите ли!

—Да, провиант там тлел и сырел, - промямлил Суворов.

— А Черкасский мне другое написал в письме. Жаловался на вас неоднократно,(он обратился к Прозоровскому, будто забыв о Саше Суворове) думал, как прищучить этого пылкого обер- провиантмейстера, да побоялся отца его- Василия Ивановича Суворова

(генерал повернулся опять к красному премьер-майору). Он же прокурор у вас?

— Сейчас он прокурорскими делами не занимается, - пролепетал Суворов и вдруг вспомнил рассказ князя Юрия Долгорукова про проклятие рода Анной Иоанновной и участие в «деле Долгоруковых» его отца.

Он пытался оправдаться:

—Провиантские столы новгородской канцелярии скрыли истинные цифры денежной казны! А какое отношение имеет к этому ваш друг Черкасский– не ведаю !

— А не ведаете, не писали бы напраслину! Эх!

Он махнул рукой, отвернулся от смущенного юноши и сказал Прозоровскому:

— Передавайте привет моей племяннице и вашем брату Прозоровскому –старшему! Честь имею кланяться! Встречаемся в Ковно!

Генерал уехал, а зависть кольнула сердце Суворова:

— Эх, только думал попросить вашего родственника Долгорукова мне помочь! Перевести из обер-провиантмейстеров в полевые офицеры, а нет – видно не судьба соединиться Суворовым и Долгоруковым» …

— Ничего, ква-ква, будет и на твоей улице праздник!

— Завидую я вам. А я, верно, и впрямь, как жаба, опять в болотце прыгну — только не

в русское, а в куршское…

— Вы-с про Либаву? — улыбнулся Прозоровский. — Ладно, недолго там квакать! Сказывают, как возьмут Мемель, Фермора попросят соединиться с главными силами, и он пойдёт к нам через Тильзит — на соединение с армией Апраксина.

— Тильзит-то прусский! Его ещё взять надобно, да и Мемель пока лишь в прожектах значится.

— Ничего, одолеем супостата! Уверен, способ присоединиться к походу нашей Заграничной армии для вас отыщется, Суворов! А вы когда к либавским берегам отбываете, Саша?

— Дождусь окончания смотра, вернусь в Ригу, переменю лошадь и догоню Муромской и Нижегородской полки — говорят, они уже в Митаве. Идут пешим порядком и, верно, будут первыми в составе мемельского десанта.

— А Кексгольмский не с ними?

— Кексгольмский пехотный полк «Кормы» вроде бы будет приписан к бригаде нашего Цеге-фон-Мантейфеля, так что возможно Лешу Кармалина я еще увижу и в Либаве! Можно

было и на корабле добраться, да сказывают, суда переполнены провиантом — мне туда и не втиснуться. Лучше сам доскачу, на почтовых, на перекладных.

— А не хочешь ли в повозке либо в карете ехать? Офицеру-то положено!

— Не хочу-с!

— В этом вы весь, Александр Васильевич! — Прозоровский сердечно обнял Суворова, потом отстранился, подошёл к своему коню, вскочил в седло и крикнул на прощание: — Ну, бывайте, Суворов. Может тоже, ещё свидимся Напишу вам-с в Либаву, как дойдём до Ковно. Адрес ясен: обер-провиантмейстеру Суворову А. В., Либава. Оказию найду, через курьера передам. Верно ли адрес? Прощай, Ква-ква!

— Прощай, Роза!

Суворов кивнул, махнул рукой, ему стало грустно. Прозоровский ехал на войну, сражаться, и капризничать по поводу детской и обидной клички не хотелось. Мимо него поехала калмыцкая конница, и Александр вспомнил, что надо еще попрощаться с Гаком. Пожелать и ему удачи в военном походе! Он не успел и с места сдвинуться, как майор подскакал к нему на своей кряжистой белыми яблоками серой лошади:

— Ну, что , Суворов, попрощались с вашими полковыми товарищами? Вот и нам пора, иду

с вашим Прозоровским и 2-м Московским полком в Ковно-с! Уже попросил денщика в карету остатки гардероба сгрузить. Путь неблизкий и хочу пересесть на удобно седалище!

А то устану! Так что здесь наши дороги разошлись! Бывайте и не поминает лихом!

— Прощайте, Петр Иванович, - проникновенно ответил Суворов.

Гак поскакал прочь. Что ждало их всех? Александру Васильевичу стало тревожно, но он взял себя в руки и поскакал вперед.

Глава 2. Конференция при Высочайшем дворе.

Из протокола Конференции. О выходе в море Ревельской корабельной эскадры для содействия сухопутным войскам от 17 апреля 1757 г.

...Предпринимаемые сухопутными войсками против войск и земель короля прусского операции подкреплять корабельным флотом, ***к*** чему и время уже наступило, рассуждено, что понеже находясь в Кронштадте главная эскадра за неполучением всевысочайшей резолюции о том, кому всем флотом в море командовать и затем, что от Кронштадта море от льда еще не очистилось, отправлена быть не может, а находящаяся напротив того в Ревеле, не имея сих препятствий, ожидание се там, пока соединилась бы с нею первая, было бы толь наипаче напрасное, что не предвидя для оной ни от какого флота опасности, она во ожидании прибытия к ней главной эскадры может уже одна, сама собою, делать некоторое предприемлемым с

сухого пути операциям вспоможение; того ради находящуюся в Ревеле корабельную эскадру под командою контр-адмирала Люиса[124] немедленно в море отправить...»

Из протокола Конференции. Рескрипт С. Ф. Апраксину об апробации представленного им плана операций на 1757 г. от 22 апреля 1757 г.

«...Присланной при реляции Вашей под N 70-м план воинских операций мы всемилостивейше опробовали и повелели оной венскому двору сообщить. Но еще более того заслужило нашу апробацию то учреждение, которое вы учинили к генеральному всех порученных Вашей команде и предводительству войск движению и, одним словом, нам не остается теперь более, как только при божеском благословении ожидать прямых плодов вашего искусства и ревности и оными во свае время пользоваться...»

Граф Алексей Бестужев-Рюмин. Князь Никита Трубецкой. Александр Бутурлин. Князь Михайло Голицын. Граф Михайло Воронцов. Граф Петр Шувалов.

Эта весна выдалась жаркой во всех смыслах. И всего-то - конец апреля, а уже ощутимо было тепло, и обрадованные комары и здесь чувствовали свою власть, залетая в царские покои без разрешения. Екатерининский дворец в Царском Селе[125] не спасал от этих алчных до царской крови насекомых. Вот и сейчас наглый комарик залетел через открытое окно опочивальни императрицы Елизаветы Петровны и сел прямо на царскую щеку, впившись в белую плоть. Императрица, сладко спавшая на подушке, поморщилась, хлопнула себя по щеке и проснулась. Она с минуту смотрела на раздавленного диверсанта, не понимая, откуда кровь на её царственной длани, а когда услышала неприятный писк его сородичей, устремившихся к ней, тут же всё поняла. Елизавета села в кровати, поймала ещё одного жирного комара, а, убив его, подумала: «Так бы с иродом расправиться!» — и отметила про себя, что мысли её с самого утра об одном: о войне в центре Европы. События, начавшейся из-за несносного Фридриха II войны, короля прусского, исключали всяческий компромисс

с «иродом», «антихристом», и как только Елизавета Петровна не звала вслух и про себя прусского выскочку. И вообще, эта Пруссия, откуда страна такая взялась?! Она попросила своего канцлера Бестужева-Рюмина созвать внеочередную Конференцию при Высочайшем дворе. Для этого и встала рано. Она вздохнула и, стряхнув убитых комаров со своих рук, поднялась с перин своей кровати. Её тучное тело, несмотря на полноту, казалось лёгким, пропорциональным благодаря высокому росту. А стройные ноги, которые виднелись в просвете кисейного ночного платья, придавали этой великанше какой-то монументальный вид. С первого взгляда становилось понятно, что это царица: её белая шея держала изящную голову с пышной шевелюрой, уже тронутой благородной сединой, но подкрашенной хной в золотистый цвет. Двойной подбородок искажал овал лица, но яркие, ясные, как их называли современники – «пламенные» очи ярко-голубого цвета спасали положение. Полный, розовощёкий лик портил только

---

[124] Ви́ллим (Ви́лим) Фоми́ч Лю́ис (имя при рождении — Уильям Льюис; ум. 1769) — русский флотоводец британского происхождения, в 1757 году, произведенный (5 мая) в вице-адмиралы, он принял начальствование над ревельской эскадрой, с которой отправился к прусским берегам, блокировал Мемельскую и Пилавскую гавани и взял несколько трофеев, а 24 июня, действуя совокупно с сухопутными войсками, участвовал при взятии Мемеля. Позже адмирал (1762)

[125] Большой Екатерининский дворец в Царском Селе (город Пушкин) — бывшая парадная летняя резиденция российских императоров. Его торжественно открыли в августе 1724 года. При императрице Елизавете Петровне дворец решили полностью изменить, чтобы превратить в роскошную парадную резиденцию, что и произошло к 1756

курносый нос, который императрица категорически запретила рисовать в профиль, только в фас. Дежурная камер-юнгфера[126] помогла ей снять ночное платье, надеть красивый восточный халат с кистями. Царица рассматривала себя, пока раздевалась, и у неё испортилось настроение: всё же стареет она, годы не щадят даже царицу! Гардеробная девушка откланялась:

— Ваше императорское величество, сей час камердинер ваш прибудет — сам Пётр Николаевич Леброн[127]. Повелеть ли ему, чтоб пудры для парика не щадил? Какая причёска нынче будет?

— Да уж, не простая, а по последней французской манере… Заседание Высочайшей конференции впереди!

Раздевали и одевали русскую царицу всегда женщины. А вот волосы укладывали мужчины – камердинеры. После того, как Елизавета испортила их неудачной пудрой, склеившей ее локоны намертво и из-за которой она даже постриглась почти налысо, эксперименты с царскими прическами проводили избранные. К ним и относился пятидесятилетний Леброн. Сегодня впереди была встреча с генералитетом России, и уложить волосы под парик нужно было качественно. Гардеробная девушка кивнула и вышла, а императрица встала с кровати с отдышкой и, ковыляя мимо трельяжа, привезённого по её заказу из самого Парижа, увидела себя в тройном размере. Она непроизвольно повернула голову так, чтобы не видеть своё боковое отражение. Впрочем, то, что она увидела, ей скорее понравилось: она всё ещё оставалась красоткой, несмотря на отчаянно приближающееся пятидесятилетие. Ходила Елизавета Петровна с трудом, шумно отдуваясь. Помолившись у иконы Казанской Божьей Матери в углу опочивальни, она вернулась к своей кровати под балдахином, залезла под подушку и достала маленький портрет. Написанный маслом, он изображал самого Петра великого, отца Елизаветы. Государыня вгляделась в него и вдруг произнесла тихо:

— Батюшка, подскажи мне, что мне требовать от подданных моих? Да как быть, если сей ирод, с дьяволом Фридрихом, кой издевается надо мною и над сестрой моей Мариею-Терезиею?

Петр I безмолвно взирал с полотна, а императрица продолжала беседу с портретом:

— Представьте себе, ирод не признает наш женский союз сестрой моей Марией-Терезией, королевой цесарской! И дерзнул меня, императрицу, уподобить мадам Помпадур[128], что во Франции всем заправляет!

Но Петр великий, отошедший в мир более тридцати лет тому назад — молчал, сверкая карими с поволокою глазами с портрета, что держала она в руках своих.

---

[126] Камер-юнгфера – гардеробная девушка

[127] Пётр Николаевич Леброн(год рождения -1703 - ?) в 1727-м году императором Петром II принят в службу ко двору камердинером, после кончины его работал по найму парикмахером, по вступлении Елизаветы Петровны на престол в 1742 году пожалован к высочайшему двору Ея Императорского Величества камердинером, лично делал ей прически.

[128] Маркиза де Помпадур (настоящее имя — Жанна-Антуанетта Пуассон) — официальная фаворитка французского короля Людовика XV, которая на протяжении почти 20 лет (с 1745 года и до своей смерти в 1764 году) оказывала колоссальное влияние на государственные дела, культуру и моду Франции

— Были бы вы живы, батюшка, прогнали бы сами сего душегубца! Сей проклятый «Великий Фриц» — как его там зовут подданные его — ненавистен мне паче всего на свете! Хочу истребить его! Одобряете?

Ей показалось, что умерший отец ее кивнул ей согласно, и она поцеловала его лоб, вздохнула, спрятала портрет под подушку и закричала:

— Матрёна! Подай мне платье, хочу одеваться! И воды свежей, да убранство на стол!

Пришел черед нового повседневного платья, а Елизавета Петровна ежедневно меняла наряды. Их было по слухам около 15000 штук. В опочивальню тут же вбежала основная камер-юнгфера царицы: Матрёна Скороходова[129].

Низкого роста, с простым лицом, уже немолодая женщина испуганно посмотрела на недовольное лицо хозяйки своей:

— Что, матушка, ваше императорское величество? Как почивали?

— Ты зачем, негодница, окно отворила настежь на ночь? Не май ведь ещё! И не Санкт-Петербург тут, а Царское Село — иной тут воздух в покоях. Напустила мошкары всякой, так что всю ночь с нею биться пришлось!

— Простите, матушка! Ваше императорское величество, завтра к вечеру всю спальню окурим — ни единой мошки не останется!

— Эх, — махнула рукой императрица, — а как цесаревич почивал?

— Павел Петрович[130]? — засуетилась услужливо Матрёна. — Славно почивал, да только нынче отец его изволит прибыть к вам на Конференцию… Так он уж пять раз пробуждался спозаранку, всё спрашивал: «Когда папенька будет? И будет ли маменька с ним?»

Елизавета нахмурилась. Матрёна исполняла с недавних пор роль не только её личной прислуги, но и няни цесаревича Павла, сына её родного племянника, великого князя Петра Фёдоровича. Его жена, княжна Екатерина Алексеевна, родила сына Павла в срок, однако действующая российская императрица не только моментально отобрала наследника у этой пары, она имела свои виды на воспитание будущего наследника престола.

—Маменьки не будет: она вновь на сносях.

Матрена застыла с зеленым платье в руках, она нашла его в шикарном, огромном гардеробе царицы: новость была сногосшибающей.

---

[129] Матрёна Константиновна Скороходова (урожденная Шаргородская; 1709–1772) — известная историческая личность, которая действительно занимала статусную придворную должность камер-юнгферы (комнатной служанки высшего ранга) при российских императрицах Елизавете Петровне и Екатерине II. Кроме того, она была няней великого князя Павла Петровича (будущего императора Павла I)

[130] Цесаревич Павел Петрович — будущий российский император Павел I, единственный сын Петра III и Екатерины II, родившейся 20 сентября (1 октября) 1754 года в Санкт-Петербурге.

—Не ведаю, что и делать с той немецкой принцессой: нрава она буйного, ни стыда, ни совести не знает. И опять по всей столице шептания идут — будто не от князя дитя будет.

— И от кого тепереча понесла?

— Говорят, с Понятовским[131] спуталась и , не таясь, прямо на глазах у племянника моего…

— Ох ли, с поляком, что ли? — округлила глаза Матрёна. — Господи помилуй! Ну и лиходейка!

— Не тебе, Матрена, ее лиходейкой звать, - поджала губы Елизавета. – Только, увы, правду ты молвишь — лихая она женщина, истинно так.

Императрица вздохнула:

— Да полно нам о дурном толковать. Подай-ка мне платье моё любимое, фиолетовое,

с воротником из тафты. Вчера только из самого Франции привезли, ещё ни разу не надевала.

Матрёна Скороходова быстро повесила зеленое платье обратно, нашла фиолетовое.

И ровно в двенадцать утра Елизавета Петровна при полном параде, с веером в руке вошла в Малую Белую столовую[132]. Это была немыслимая рань, обычно день русской императрицы, увлечённой бесконечными балами и приемами, начинался не раньше трех-четырех часов дня. А еще праздные прогулки в карете и танцы, танцы, танцы. Балы часто проводились и в Царском Селе, и в Зимнем деревянном дворце[133]. Новый, каменный, ещё строился, но это не удерживало от безудержного веселья русскую императрицу, лишь развывшиеся последний год-два болезни снижали темп царских гуляний. Чувствовал государыня себя не очень: отдышка, сердцебиение, водянка в груди, частые обмороки, шла Елизавета Петровна нетвердым, тяжелым шагом, ей было некомфортно, но она и виду не подавала. За дочерью Петра первого, шёл моложавый человек, лет 30, почти двух метров росту. Впрочем, его рост не казался гигантским рядом с рослой императрицей Елизаветой Петровной. Она нежно посмотрела на сопровождавшего её великана. От него приятно пахло каким-то явно французским парфюмом. Царица кинула взор на многочисленные зеркала, мимо которых они шли. Пара и вправду видная! Однако великан уже распахнул дверь перед ней, и она отвлеклась на присутствующих в ней. Юркие, чёрные и внимательные глаза её спутника осмотрели тех, кто ждал императрицу. Все присутствующие встали со своих стульев, расположенных рядком вдоль стены. Молодой человек замедлил шаг, коротко посмотрел на всех и потупил глаза. Гости императрицы понимающе переглянулись. А молодой человек сказал:

---

[131] Станислав Понятовский (1732–1798) — возлюбленный княжны Екатерины Алексеевны(будущей Екатерины II), бывший секретарь английского посланника сэра Чарльза Виллимса, в 1757 году - представитель Саксонии от Речи посполитой, посланник польского короля Августа III , будущий король польский и великий князь литовский, правивший Речью Посполитой с 1764 по 1795 год.

[132] Малая Белая столовая — парадный зал в Екатерининском дворце (ГМЗ «Царское Село»), знаменующий начало личных покоев императрицы Елизаветы Петровны, затем остальных царей России.

[133] Временный деревянный Зимний дворец — императорская резиденция в Санкт-Петербурге, построенная архитектором Франческо Бартоломео Растрелли в 1755 году, на углу Невского проспекта и реки Мойки (на месте сгоревшего Мутного двора).

— Господа, мы рады видеть всех в Царском Селе. Собрание сие учинено по воле монаршей, законно и праведно.

— Конференция при Высочайшем дворе открыта! — взмахнула тончайшим шёлковым платком Елизавета Петровна, как факир доставшая его из рукава своего эффектного фиолетового платья. — Но все ли здесь собрались?

Она явно кого-то выискивала взором, то и дело обмахиваясь веером, после чего направилась к круглому столу заседаний:

— Господа, отрадно, что вы в сборе. Прошу, приступим к обсуждению, а заодно и вкусим трапезу!

Вице-канцлер Михаил Воронцов, генерал-прокурор Никита Трубецкой, глава Тайной канцелярии Александр Шувалов[134], фельдмаршал, сенатор Александр Бутурлин, генерал-фельдцейхмейстер, глава российской артиллерии и оружейной канцелярии, сенатор Пётр Шувалов[135], а также Михаил Голицын[136], глава Адмиралтейства, подошли

ближе к своим стульям вокруг стола. У всех у них были папки в руках: синие, красные, коричневые, черные, и они дружно положил их на деревянную гладкую поверхность. Молодой человек услужливо подставил своей королеве красивое, с золотистой окантовкой с двуглавым орлом на спинке кресло.

— Спасибо, Иван!

Императрица села, за ней сели все остальные, рассматривая юношу.

— Хорош Иван Иванович, ладен, красив! – прошептал пожилой Никита Трубецкой, обращаясь к совсем старенькому Михаилу Голицыну

Иван Иванович Шувалов[137], обер-камергер и первый фаворит Елизаветы Петровны обратился к стоящей в углу кабинета группе:

— И вы, господа, проходите к столу!

---

[134] Граф Александр Иванович Шувалов (1711—1771) — видный российский государственный деятель эпохи дворцовых переворотов, генерал-фельдмаршал и сенатор. Доверенное лицо Елизаветы Петровны и Петра III. Долгие годы он возглавлял Канцелярию тайных розыскных дел (политический сыск Российской империи).

[135] Граф Пётр Ива́нович Шува́лов (1711 —1762) — выдающийся русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал и фактически глава правительства Российской империи в последние годы правления императрицы Елизаветы Петровны.

[136] Князь Михаил Михайлович Голицын-младший (1684–1764) — это видный российский государственный и военный деятель, который на протяжении 12 лет (с 1750 по 1762 год) возглавлял высший орган управления морским ведомством Российской империи, занимая пост президента Адмиралтейств-коллегии.

[137] Иван Иванович Шувалов (1727 — 1797) — выдающийся российский государственный деятель, генерал-адъютант, меценат и один из главных покровителей эпохи Русского Просвещения.

Приглашённые, не члены Конференции, дипломат Михаил Бестужев-Рюмин[138], граф Алексей Разумовский[139] и гетман Малороссии Кирилл Разумовский[140] прошли на свободные стулья, также с папками в руках, на которых поблескивали золотом двуглавые орлы. Иван Шувалов, тоже не член Конференции, сел по правую руку от царицы, чем вызвал гневный взгляд Разумовского, бывшего фаворита царицы, положил на стол свою белую папочку. Впрочем, все быстро разместились. В самом углу за отдельный столик сел молодой человек с пухлыми губами, с чёрными навыкате глазами. Из-под парика выбился чёрный локон, и он раздражённо убрал его под белые искусственные волосы. Впрочем в париках были все присутствующие, таков был стиль елизаветинских времен. В руках молодого человека были листки бумаги, чернильница и перо. Он явно что-то готовился писать, но Пётр Шувалов, оглянувшись на него, тихо сказал:

— Дмитрий!

Молодой человек вздрогнул, чуть не пролил чернила на столик, но глаза не поднял. Шувалов сказал громче:

— Волков! Будь любезен вести запись речей на обеде Высочайшей конференции. Как окончишь, тотчас представь мне копии. Уразумел?

Только тут Дмитрий Волков[141], а это был секретарь Конференции при Высочайшем дворе императрицы Елизаветы, поднял глаза на всю честную компанию:

— Слушаю-с, Ваше высокопревосходительство!

Гофмаршал[142], родственник императоры Дмитрий Шепелев, а также лакеи в ливреях и париках стояли у стены, внимательно ожидая знака от Ивана Шувалова. Но тот сделал им жест: «Стоять! Рано!». Иван Шувалов ждал распоряжения от самой Елизаветы Петровны. Окинув недовольным взором два пустых стула у стола, она обратилась к Михаилу Бестужеву-Рюмину:

— А где ваш младшенький? Уж не во хмелю ли опять? — государыня обернулась от сановника к секретарю Волкову. — Дмитрий, скажи-ка, где хозяин твой бывший?

---

[138] Граф Михаил Петрович Бестужев-Рюмин (1688 — 1760 гг.) – видный русский дипломат, чрезвычайный посланник и полномочный министр в различных европейских державах (Швеции, Пруссии, Польше, Австрии, Франции), старший брат канцлера Алексея Бестужева-Рюмина.

[139] Граф Алексе́й Григо́рьевич Разумо́вский (1709 — 1771) — днепровский малоземельный казак, возведённый в графское достоинство, фаворит и предполагаемый тайный супруг императрицы Елизаветы Петровны.

[140] Кири́лл Григо́рьевич Разумо́вский (1728 —1803) — граф (с 1744), последний гетман Войска Запорожского (1750—1764), родной брат Алексея Разумовского

[141] Дмитрий Васильевич Волков (1727–1785) – руководитель канцелярии Конференции при Высочайшем дворе (1756–1762), по совместительству – личный секретарь канцлера Бестужева-Рюмина, позже тайный советник, сенатор, а при Петре III — секретарь Особого совета.

[142] Гофмаршал — высший придворный чин и должность в Германии и дореволюционной России, отвечавший за дворцовое хозяйство, с 1724 - Дмитрий Андреевич Шепелев (1676— 1759), русский государственный и военный деятель, генерал-аншеф, исполнял роль гофмаршала, а с 1744 - обер-гофмаршала императрицы Елизаветы Петровны

Дмитрий Волков, который при канцлере Бестужеве-Рюмине служил когда-то личным секретарём, смиренно повёл плечами:

— Не могу знать-с, ваше императорское величество! Вчера весь день с поручениями к послам проездил: к австрийскому - Эстерхази, к английскому - сэру Чарльзу Вильямсу[143] и к Бестужеву не заглядывал

— А сэр Чарльз Вильямс ещё пребывает в наших пределах?! — вновь обратилась Елизавета Петровна к старшему брату канцлера Бестужева-Рюмина. — Ведомо ли вам, что из Парижа к нам новый посол от самой мадам де Помпадур едет — месье Л'Опиталь со свитою? Желаю я союз с Францией укрепить, да и с его величеством Людовиком XV[144] дружбу блюсти. Приезд посланника сего весьма кстати, поэтому английские лисицы мне не к чему в Санкт-Петербурге!

— А где сейчас французская делегация? – спросил Михаил Бестужев-Рюмин, вопрос про брата Алексея ему был неприятен.

— По моему соизволению принял его наш главнокомандующий, Степан Фёдорович Апраксин, прямо в Риге. Там и парад военный устроили, дабы нашим французским друзьям мощь армии нашей явить, - отвечала Елизавета Петровна.

Михаил Илларионович Воронцов переглянулся с Петром Ивановичем Шуваловым. Судорога прошла по лицу Александра Шувалова[145]. Родной брат его, Петр Иванович, участливо ему улыбнулся. Иван Шувалов, двоюродный брат Шуваловых Петра и Александра, незаметно кивнул им, также улыбнувшись, а потом стал декламировать:

— Ô malheureux mortels ! Ô terre déplorable !

Ô de tous les fléaux assemblage effroyable !

D'inutiles douleurs éternel entretien !

Philosophes trompés qui criez : "Tout est bien" [146]»

Императрица строго посмотрела на него:

---

[143] Сэр Чарльз Хэнбери Вильямс (1708 — 1759) — известный британский дипломат, политик, писатель и сатирик XVIII века. Служил британским посланником в Дрездене (при дворе Саксонии), а с июня 1755 года — послом в России при дворе императрицы Елизаветы Петровны.

[144] Людовик XV — король Франции из династии Бурбонов, который правил с 1 сентября 1715 года по 10 мая 1774 года.

[145] Граф Александр Иванович Шувалов (1711—1771) — влиятельный российский государственный деятель, генерал-фельдмаршал, который возглавлял Канцелярию тайных и розыскных дел (политический сыск) в период с 1746 по 1762 год.

[146] Строки принадлежат Вольтеру и взяты из его знаменитого поэтического произведения Poème sur le désastre de Lisbonne («Поэма о лиссабонской катастрофе»), опубликованного в 1756 году.

— Извольте изъясняться по-русски, Иван Иванович! То, что вы — охотник до французских галстуков и вод, мне ведомо, — поморщилась Елизавета.

— Ваше императорское величество, я питаю страсть к пиитам и литераторам французским. От господина Вольтера в совершенном восхищении, я привел на память его «Désastre de Lisbonne», то есть песнь о погибели Лиссабона! — он продолжил декламировать.

— О жалкая земля, о смертных доля злая!

О ярость всех бичей, что встала, угрожая!

Неистощимый спор бессмысленных скорбей.

О вы, чей разум лжет: «Все благо в жизни сей!»

Все зааплодировали, лишь братья Разумовские весьма сдержанно среагировали на неожиданное выступление фаворита Елизаветы Петровны. А Александр Шувалов опять нервно задергал лицом.

— Что вы гримасы строите? — обратила внимание на главу Тайной канцелярии императрица. — Давно примечаю.

— Судорога лицевая, — смутился Александр Иванович. — От рождения, как в смятение прихожу, удержаться не в силах. Но истинно, несказанно радуюсь укреплению союза нашего с Францией.

— Главный наш союзник — цесарская держава[147], — отрезала Елизавета Петровна.

— А поелику с Англией имеем мы ныне совершенный разрыв, желаю я выслать из Санкт-Петербурга сэра Чарльза Вильямс, посла короля Георг II [148], этого английского лиса! На Великую княгиню, Екатерину Алексеевну[149], он влияет самым зловредным образом, познакомил ее с секретарем своим, этим красавцем Понятовским! Понятовский, хоть и от оного ныне независим, в Россию вернулся посланником от Саксонии, однако ж все следует воле аглицкой.

Все потупили взоры. Бурная личная жизнь невестки Елизаветы Петровны, Великой княгини Екатерины Алексеевны, получившей имя в крещении, урождённой Софии Августы Фре-

[147] Цесарская страна- Австрия

[148] Георг II Ганноверский (полное имя Георг Август) — король Великобритании и Ирланжии, курфюрст Ганновера и герцог Брауншвейг-Люнебургский, правивший с 11 июня 1727 по 25 октября 1760 года.

[149] Великая княгиня Екатерина Алексеевна - урожденная немецкая принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская (1729 – 1796), будущая российская императрица Екатерина II, правившая страной с 1762 по 1796 год.

дерики Ангальт-Цербстской, вызывала интерес всего двора. Она действительно «наставляла рога» племяннику российской государыни, Великому князю Петру Фёдоровичу[150], своему законному супругу. Бывший Карл Ульрих, принц из Гольштинии, получил свое русское имя также при крещении после переезда в Россию. После смерти его родителей: отца Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, родоначальника династии, и матери, Анны Петровны, родной сестры Елизаветы, русская царица взялась за воспитание их отпрыска. И, в частности, устроила свадьбу с его троюродной: сестрой Софией Августой Фредерикой, то бишь Фике, так звали в семье Великую княгиню. К ее знатной немецкой семье русская императрица питала особые сентиментальные чувства. София Августа приходилась родной племянницей Карла Августа Гольштейн-Готторпского[151]. Родной брат ее матери Иоганны, несостоявшийся жених Елизаветы Петровны, Карл Август умер накануне свадьбы с русской принцессой от оспы, а царица долго была неутешна совсем

в духе любовных романов, вошедших в моду в XVIII веке. Вот и сейчас она вдруг вспомнила о нем, сравнивая мысленно с «русскими медведями» в виде бывшего фаворита Разумовского. Его сменщик, тонкий и интеллигентный Иван Шувалов, чем-то напоминал ей ее «любимого гольштинца», и «медведем», конечно, не был, да и говорил чаще всего на французском. Елизавета Петровна вспомнила о Париже, Франции, Людовике XV, тоже одном из ее предполагаемых потенциальных женихов, вздохнула и обернулась к дипломату Михаилу Бестужеву-Рюмину.

— Так где брат ваш, Михайло Петрович, и почто вы еще не в Париже? Давно вас туда определила! Поближе к маркизе Помпадур, под рукою коей обретается король Людовик? – прервала затянувшуюся паузу русская императрица.

— Тамо покамест Бехтеев[152], — нехотя ответствовал дипломат Михайло Бестужев-Рюмин. — Изволите знать, что отвез я супругу свою, тяжко недужную, в Дрезден, но уповаю, Париж здравие ей вернет. Отправлюсь туда скоро.

— Не везет вам с супругами, Михайло Петрович! То язык отсекут, то занеможет, — добавила хладнокровно государыня, явно намекая на первую супругу Бестужева-Рюмина - Анну Головкину и их недолгую и неудачную женитьбу.

Российская государыня за сплетённый против неё заговор распорядилась высечь Головкину плетьми, укоротить ей язык и выслать в Сибирь. Сам Бестужев в ходе следствия содержался под караулом, однако положение его брата – канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина упрочились при дворе, очистил свое имя и брат Михаил. Он разорвал отношения с проклятой Елизаветой супругой и женился другой. Женитьба прошла также без согласия императрицы, и Михаилу Бестужеву-Рюмину стало не по себе от замечания, он сильно боялся ее гнева. Иван Иванович Шувалов покосился на императрицу:

---

[150] Великий князь Пётр Фёдорович (урождённый Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский, 1728–1762) — внук Петра I, сын его дочери Анны и Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, Петр Федоровчи официально носил этот титул с 1742 года как объявленный наследник престола при своей тётке, императрице Елизавете Петровне, в последствии - российский император Петр III

[151] Карл Август Гольштейн-Готторпский (26 ноября 1706 — 31 мая 1727). Несостоявшейся жених Елизаветы Петровны, он приехал в Санкт-Петербург для заключения брака с цесаревной Елизаветой Петровной, но внезапно умер от оспы 31 мая 1727 года в разгар свадебных приготовлений.

[152] Фёдор Дмитриевич Бехтеев (1716—1761) — известный российский дипломат, в начале 1756 года, по рекомендации М. Воронцова, он был послан в Париж в качестве поверенного в делах при французском дворе, позже первый воспитатель цесаревича Павла Петровича и церемониймейстер Высочайшего двор

— И слава Создателю, что преставилась Анна Гавриловна! Такой свекрови нам не надобно! Анастасия Ивановна[153], сестрица моя, выйдя за сына Головкиной, Сергия Ягужинского, всяк час молила Всевышнего, дабы не свидеться с нею после венчании! И благодарение Богу, услышал Бог мольбы ее!

— Как мой пасынок Сережа в виде мужа? — осведомился дипломат Бестужев-Рюмин у Иван Ивановича.

— Изрядно, Михайло Петрович, делом заняться желает, скупает сибирские и уральские заводы, а что из того воспоследует, токмо Создатель ведает!

Вдруг проснулся дремавший за столом глава Адмиралтейства, старенький Михаил Голицын.

— Дети — обуза великая! Вот и я старшего моего, Алешеньку, спровадил в Англию, наш посланник там, младший Миша — все больше в карауле Ораниенбаума[154] примечен, а со средним сыном - не совладал! Петруша просто бредит армию и уже скачет куда-то

к Апраксину, — покачал головою Голицын. — Берет пример с двоюродного брата, Александра Михайловича Голицына[155]. Сей генерал с Захаром Чернышевым[156] двинул полки прямо из стана нашего в Санкт-Петербурге на Ригу.

— А я своего Петеньку отговорил намедни, — вмешался Бутурлин в разговор о детях сенаторов и воззрился на Михаила Воронцова. — Племянница ваша его и образумила.

— Рад сему, — заметил вице-канцлер Воронцов. — Как большой воспитатель девиц,

я за дочерями брата родного Романа Илларионовича и приглядываю!

Он высморкался:

— Рад, что у самого сына нет! Пришлось бы на поле брани отдавать.

— У меня тоже дщерь, — добавил Александр Шувалов.

---

[153] Анастасия Ивановна Шувалова (в замужестве Ягужинская), родная сестра всесильного фаворита императрицы Елизаветы Петровны — Ивана Ивановича Шувалова. Муж Анастасии Шуваловой(Ягужинской) граф Сергей Павлович Ягужинский (1731—1806), приёмный сын Михаила Бестужева-Рюмина. Его матерью была Анна Гавриловна Головкина (дочь канцлера Г. И. Головкина, в первом браке Ягужинская, во втором — Бестужева-Рюмина) была сослана в Сибирь за заговор, ей отрезали язык.

[154] Ораниенбаум — исторический дворцово-парковый ансамбль XVIII века, расположенный на южном берегу Финского залива в городе Ломоносове (Петродворцовый район Санкт-Петербурга), в 40 км от центра города. Летняя резиденция «молодого двора»: Великого князя и Великой княгини.

[155] Александр Михайлович Голицын (1718—1783) – в начале 1757 года Голицын, уставший от дипломатической работы (до этого он был посланником в Гамбурге), добился своего отзыва и назначения в действующую армию на момент начала Семилетней войны- генерал-поручик, герой Семилетней войны, позже фельдмаршал, занимал пост генерал-губернатора Санкт-Петербурга.

[156] Граф Захарий (Захар) Григорьевич Чернышёв (1722 — 1784) —генерал-поручик, в 1757 году находился в качестве военного наблюдателя при союзной австрийской армии и присутствовал в её составе при Колинском сражении, командовал корпусом гренадер в Цондорфском сражении, прославился как один из самых успешных военачальников Семилетней войны и талантливый администратор, позже стал первым генерал-губернатором Москвы после губернской реформы Екатерины I

— А у меня хоть и сын, но ему - тринадцать лет! Мал еще полками предводительствовать! — засмеялся Петр Шувалов.

— Ну и что же , что мал, на бранном поле ныне и недоросли бегают! — причмокнул губами Никита Трубецкой. — Вон сын губернатора Ревеля, князь Юрий Долгоруков, всего-то шестнадцати лет от роду, молоко на губах не обсохло, да и выпущен из гвардии Семеновского полку недавно, ан нет, сбежал от отца на передовую, в самую сечу рвется!

— А ваш приемыш? – блеснул глазами вальяжный Алексей Разумовский.

—Своего приёмного сына, Мишу Хераскова, признаюсь, отговорил! И то - пиит, талант, служит вот теперь в книгохранилище, и уповаю, о подвигах ратных и не помышляет!

— И к чему вы, господа, заладили про детей, — вмешалась наконец в беседу Елизавета Петровна, а потом оборотилась к секретарю Конференции, Дмитрию Волкову. — Так где хозяин ваш бывший, канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин?

Вопрос был повторным, и отвечать надо было по иному.

— Думаю, его сиятельство гостей до ночи принимал, пили, бражничали, не застал дома-с его с утра,— осторожно отвечал Волков.

Государыня оборотилась к брату Бестужева-Рюмина, Михаилу Петровичу:

— Так вы не ведаете, где он? Почто молчите?

Над столом повисла неловкая пауза, вице-канцлер Михаил Воронцов и генерал-прокурор Никита Трубецкой переглянулись понимающе, почти не сдерживая ехидных улыбок, а пожилой дипломат Михаил Петрович Бестужев-Рюмин пожал плечами:

— Государыня, мы повздорили с моим братцем намедни, и не могу я знать его распорядок-с дня, но обвинение его в кутежах... Как известно: «La vérité est dans le vin!»[157]

Этот французский понимали все, государственные мужи заулыбались, но грозный вид Елизаветы Петровны не располагал к шуткам. Она хотела что-то ещё сказать, но в этот момент дверь открылась и вошёл Великий князь Пётр Фёдорович, с маленьким, трёхлетним сыном Павлом. Он был наряжен в форму гольштинского офицера со шпагой в руках, маленький наследник — в детский прусский военный мундир с пуговицами и тоже

с маленькой шпагой. На голове его чернела маленькая треуголка. «И когда цесаревич только переодеться успел? Надлежит няньке выговор учинить», - подумала императрица и нахмурилась, строго посмотрев на только что приехавшего племянника. Он тоже держал свою шпагу нормального размера в руках:

[157] «Правда находится в вине» - перевод с французского

— In vino veritas, die tante, mon tante! И могу по-русски добавить: «верю в вино», тётенька, вслед за древними греками!

Это панибратское «тётенька» по отношению к императрице огромной державы было слишком фривольным. Все рассматривали вошедшего, сравнивая отца и сына. Невысокий, тщедушного телосложения, с землистым лицом, испещрённым оспой, кривой улыбкой и носом «уточкой», наследник трона российского, Карл Ульрих, то бишь Пётр Фёдорович, совсем не тянул на будущего царя. Его сын унаследовал тот же характерный курносый нос, однако живые серые глаза, пытливо разглядывающие каждого, делали малыша привлекательным в отличие от отца. Однако их похожесть бросилась в глаза. «Настоящий кузнечик и сын кузнечика», — подумалось генерал-фельдмаршалу Александру Бутурлину, который пристально рассматривал эту парочку. — «Им бы прыгать по полям, а не в военные дела лезть».

— In vino veritas, in aqua sanitas! Токмо в воде — здравие! — перевела государыня, как отрезала. — Петр Федорович, призвала я вас в заседание Конференции не из прихоти и не желаю, чтобы вы опаздывали!

— Ах, тетушка, изволите знать, что я зеваю на воинских советах! Мне бы на сечу! Я вот пригласил гольштинцев своих, и мы уже затеяли потешные бои, по примеру родителя вашего, Петра Первого в Ораниенбауме! Павлушу отпустите к нам?

Царица готовилась распекать племянника за опоздание на целых пять минут к её царскому завтраку, она с неудовольствием рассматривала его мундир:

— Вот еще! Токмо испортите мне Павла Петровича.

Но в этот момент маленький Паша закричал на всю столовую:

— Бабулечка!

Малыш со всех ног побежал к суровой царице. Великий князь улыбался, он будто и не слышал слов своей царственной тети, да и вообще Петр Федорович будто не принимал всерьёз больших людей Российской империи. Его нелюбовь к России сквозила в каждом движении, в каждом слове. Впрочем, переход на «семейный язык» переменил характер встречи в покоях российской императрицы, все расслабились, стали пить из фужеров поставленную на стол воду. Елизавета Петровна покосилась на Ивана Шувалова справа от себя. Но молодой человек тут же наклонился к Петру Шувалову, сидящему рядом, сделав вид, что ничего не услышал:

— Петр Иванович, как вы-с? (перегнувшись через него.) А вы, Александр Иванович? Давненько не виделись.

Царица тем временем справилась с волнением, бросила веер на стол и сказала Павлу Петровичу строго:

— Не смей меня звать бабулечкой... Я — тебе вторая мать, мам Лиза. Понял ли, глупыш?

— Так могу я, Ваше императорское величество, Павлушу нынче же забрать к нам

в Ораниенбаум? Мы доехали, расположились там на все лето, ну, что Павлу здесь при вас делать?

— Без Матрёны Скороходовой не отпущу!

Скороходова была «глазами и ушами» императрицы Елизаветы Петровны.

— С нянькой и возьму!

— Возьму! Возьму! — повторил за отцом малыш Павлуша.

Он увидел конфеты в вазе, и они его и отвлекли на время. Елизавета с неудовольствием взирала на князя Петра Федоровича:

— И к чему это ты так вырядился? Поведай! Да и младенца в мундир облачил?! И когда успел? Полчаса не минуло, как он с постели встал!

Павел тем временем уже взгромоздился ей на колени, пока отец его шел к свободному стулу. Петр Федорович пожал плечами:

— Ах, тетушка, мы играем в солдатики с войсками, прибывшими из Гольштинии... И они привезли по моей просьбе прусские мундиры, в том числе и для моего сына! Хотел примерить на Павлушу, и скажу, мундир на него сел как влитой!

— Наслышана уже о потехах ваших, и сие есть сущее безобразие... Баловство и ужас. Полагаю, супругу до смерти испугали своими экзерциями! Каково Катерине-то в вашем вертепе? — пытала она племянника.

А шаловливый цесаревич отвлёкся, схватив серебряную ложку, и занялся пусканием зайчиков на стену от луча солнца из окна, ведущего в сад.

— Мама Лиза, желаю торта! — капризно произнес Павел.

— Будет тебе торт, будет по окончании будущей трапезы! Обед впереди!

Императрица ласково пересадила малыша на пустующий стул рядом, и он тут же занял место Великого князя подле Елизаветы. Наблюдательный Иван Шувалов щёлкнул пальцами, обратившись к слугам:

— Будьте добры добавить стул для светлейшего Великого князя Петра Фёдоровича!

Стул немедленно поставили, племянник императрицы тут же сел на него, чуть дальше от Елизаветы Петровны, правда, чем полагалось. Лакеи моментально сервировали его стол, поставив бокал с водой.

— Всемилостивейшая государыня, Софи здравия не имеет, тошно ей по утрам, — отвечал Петр Федорович. — Впрочем, наши домашние подробности вряд ли кому занятны будут.

— Ах, не зови ее Софи, она давно Екатерина Алексеевна, а не София-Августа Ангальт-Цербстская. И (махнув на всех гостей рукою) здесь все свои! Всякий ведает, что она тяжела! Как, кстати, наречете младенца? По-немецки али по-нашему, по-русски?

— Так неведомо, дочь будет али сын? И вообще... будет ли он, или она, на немцев походить?

— Ты об чем, Петруша? — нахмурилась Елизавета Петровна.

За столом опять повисла неловкая пауза. Михаил Бестужев-Рюмин склонился к уху фельдмаршала Бутурлина и прошептал язвительно:

— С Понятовским, небось, схожа будет, польская кровь сильна, немецкую-то поборет.

Бутурлин воззрился на дипломата в недоумении:

— Это который Понятовский? Станислав Август? Бывший секретарь аглицкого посла Вильямса, коего царица наша высылает из России?

— Он самый... И его бы выслать, и ведь усылали уже, так нет, вернулся, - добавил тихо Бестужев-Рюмин. — Зимою прибыл, вернее, его вернули, поверенным от Саксонии в столицах наших. Об их с Великой княгиней амурах весь Санкт-Петербург шепчется... Так на кого будет схож будущий младенец, токмо поляк этот и ведает.

Он хотел продолжать, но рядом опять громко захрапел заснувший прямо за столом Михаил Голицын. Елизавета Петровна строго посмотрела на своих гостей, взяв вилку, даже постучала по гранённому фужеру перед ней. Все замолкли в смущении, кто-то даже пить воду перестал, а князь Голицын вдруг перестал храпеть и проснулся, приоткрыв глаза. Императрица продолжила:

— Так как назовёте отпрыска, Пётр Фёдорович?

— Екатерина хочет Август, если мальчик.

Все переглянулись, а Бутурлин наивно спросил:

— В честь короля польского Августа III?

Разумовские покатились со смеху, не обращая внимания на гневные взгляды Елизаветы Петровны, но Великий князь не обиделся, нашелся.

— В честь месяца разрешения, видимо, — сыронизировал Пётр Фёдорович.

— А что, роды в августе? — поинтересовался Пётр Иванович Шувалов.

— Нет, к декабрю разрешится...

— Тогда при чём тут август? — заметил князь Никита Трубецкой.

И опять пауза зависла над столом. Пётр Фёдорович, однако, пропустил все колкие намёки на связь своей супружницы с польским посланником Станиславом Понятовским:

— А я бы вообще его назвал на немецкий манер: Карл или (через паузу) Фридрих. Я бы и Павлушу так назвал, но вы же вмешались...

Он обращался к императрице, она фыркнула:

— В честь моего врага?! Вот в этом ты весь. Уж лучше тогда Карл, в честь твоего отца умершего. Да и вообще, имя Карл мне нравится.

Елизавета Петровна покосилась на своих фаворитов, достала платок, утирая мелькнувшую в глазу слезу. «Ах, русские «медведи» — медведи и есть, куда им до европейцев, ни утончённости, ни манер», - подумала она опять. Елизавета взяла в руку фужер с водой, отпила:

— А если девочка будет? (погладив Павла по голове) Сестричка?

— Жена хочет наречь в честь вас: Елизаветой!

Царица чуть не поперхнулась от неожиданности;

— Что за глупости! Я ещё жива, чтобы в мою честь называть! Анной надо наречь, в честь твоей покойной маменьки и моей сестры! Герцогини гольштинской!

Пётр Фёдорович хотел что-то сказать, но царица решила перевести разговор в другое русло:

— Так что за отряд из Гольштинии твоей прибыл из Кронштадта, да ещё в разгар нашего военного похода? И что думает по этому поводу наша Канцелярия тайных и розыскных дел?

Государыня обернулась к Александру Ивановичу, который тотчас задергал щекой. Князь покосился на старшего брата Шувалова. Тот тоже выпил воды и решил ответить царице, при этом лицо его опять исказила судорога, впрочем, очень привычная для него:

— Не дело это Тайной канцелярии, то есть не моего ума забота, но с тех пор, как я приставлен к князю, я воистину ответствую за тишину и покой в их покоях, где бы они ни обретались...

— И к чему было вам, герр Шувалов, селиться с вашей супругою в Меншиковских палатах подле нас? Мне мой Брокдорф[158] сказал, что вы были недовольны нашими экзерциями на местном пруду!

[158] Христиан Август фон Брокдорф (1730-е —1761) — голштинский генеральный обер-камергер, из свиты российского императора Петра III, прибывшего из Голштинии. Брокдорф возглавлял так называемую «голштинскую партию» во дворе великого князя

Александр Иванович Шувалов смутился. Его лицо вновь исказила судорога, он сильно покраснел и выпалил:

— Ах, почто вы опять под влиянием сего гольштинского генерала? Мы его в Россию не пускали не даром, когда вас привезли, так нет... Проник, камергерскими ключами!

— Христиан Август Брокдорф будет со мною до конца дней моих! Он тысячу крат спасал меня от всяких напастей и спасет еще, он — мои очи и уши во дворце... Он... И Штамбке[159] для меня — напоминание о возлюбленной моей Гольштинии!

— А это — мои очи и уши, mon cher— строго произнесла Елизавета Петровна, показывая на Александра Шувалова. — И он коли недоволен, то и я (государыня показала на себя) недовольна гольштинскими прыжками на пруду в Ораниенбауме! Жили бы при мне

в Царском Селе, все было бы под царским приглядом!

— Мы учинили экзерциции вкупе с российскими полками, кои нас охраняют. Ингерманландский и Астраханский полки оборонялись с берега от русских войск и отступили! Уступили вчистую моим гольштинцам!

— Слышали бы вы, князь, что российские солдаты из полков сказывали про это! — вмешался опять Александр Шувалов, глаз его дергался еще сильнее, просто корчи шли по лицу. — Сейчас перескажу точно: «Сии окаянные немцы все преданы королю прусскому, это все предателей приводят в Россию!»

— Молодца! – громко воскликнул гетман Разумовский, они переглянулись с братом Алексеем.

Великий князь поморщился:

— Ах, оставьте, гольштинцы пробыли недолго там и уже в Кронштадте, Александр Иванович! Экзерциции миновали, и я доволен! А что вы все ненавидите отчизну мою, Гольштинию, так же, как и несчастную Пруссию, о том я изрядно наслышан!

Это уже был явный демарш, и все обратили взоры на государыню, казалось, сейчас грянет буря, но вдруг Павлуша, сын Петра Федоровича, отвлек бабушку-императрицу и всех остальных.

— Батюшка, желаю твою шпагу! — внезапно воскликнул цесаревич.

Елизавета Петровна посмотрела на трёхлетнего малыша с нескрываемой любовью. Отец, Пётр Фёдорович, снял с него треуголку, потрепал по голове:

---

[159] Готлиб Георг Генрих фон Штамбке (1706–1761) - голштинский министр, сменивший весной 1757 года покойного Иоганна Пехлина при дворе великого князя Петра Фёдоровича, позже участвовал в тайной переписке Екатерины II с канцлером Бестужевым, был арестован и выслан из России в феврале 1758 года.

— Она тебе не по размеру, Павлуша! (он обратился к царице) Кстати, прошу прощения, ваше императорское величество, за опоздание! Я сам вызвался сыну показать действо фонтанов Царского Села, выехал в осьмом часу из Ораниенбаума, но... опоздал.

— Это хорошо, что любовь к Царскому селу внушаешь сыну!

— Тетушка, первые мои впечатления о России — все здесь, в сих местах. Я хотел о том поведать сыну своему.

Князь явно хотел загладить впечатление от своей гольштинской выходки в Ораниенбауме:

— Изволите знать, что я по вашему повелению прибыл в Россию, но всем сердцем я с моею Гольштинию!

— А старая любовь не ржавеет, — внезапно вырвалось у Алексея Разумовского. Его красивое лицо озарилось внезапно лучезарною улыбкой, и он бросил преданный взор на государыню.

— Vetus amor non sentit rubiginem[160], — добавил, смутясь, Иван Иванович Шувалов.

— По-немецки сие звучит: «Alte Liebe rostet nicht». Не поручусь за точность перевода, —Петр Федорович хмыкнул, поглядывая на Разумовского.

Однако Елизавета холодно посмотрела на бывшего «ночного императора» и своего тайного невенчанного супруга:

— К чему ты сие, Алексей Григорьевич?

Он только махнул рукою неопределенно, а потом взял графин с водою и сам налил себе воды, словив недоуменные взгляды лакеев и гофмаршала Шепелева:

— Да... Эх. А еще молвят: новый друг хуже старого плуга, — продолжал он.

Дмитрий Андреевич Шепелев в углу гостиной продолжал сверлить старшего Разумовского глазами, но тот, не обращая ни на кого внимания, с шумом выпил еще воды и потянулся за маленькой тарталеткой, коими в большом количестве уже украсили стол. Жест этот покоробил князя Петра Фёдоровича, никто за столом не делал ни одной попытки начинать трапезу раньше императрицы. Но бывший возлюбленный в отставке, Алексей Григорьевич Разумовский, будто забыл об этикете. Шувалов сделал знак, и лакей подскочил к столу, чтобы налить ещё воды в пустой фужер, который Разумовский поставил на стол со стуком. Императрица строго посмотрела на бывшего любовника, потом на его брата Кирилла Разумовского:

— А вы почему не в Глухове[161]? Почто покинули опять Малороссию?! Вроде бы и денег мы вам ссудили достаточно?

---

[160] Vetus amor non sentit rubiginem, — С латыни «старая любовь не чувствует ржавчины»

[161] Глухов —столицы Войска Запорожского (Гетманщины) в периоды с 1708 по 1722 год и с 1727 по 1734 год (резиденция гетманов сохранялась здесь вплоть до 1764 года

Гетман зарделся под взглядом царицы, покосился на Алексея Григорьевича:

— Ваше императорское величество, я был бы в Киеве, но в пути случилось непредвиденное! — Что паки? Запорожцы бунтуют ваши? Вы — гетман или нет?

— Гетман Малороссии волею вашей, но атаман минского куреня Шкура, да Ирклеевского куреня атаман Кишенский[162] возмутили казаков иных куреней! Взяли насильно котлы

у черкесов, вылили остатки вина и, ударяя в них поленьями, собрали раду!

— Вот как, сие непорядок, вино на землю лить! Винокурение — главный прибыток местных казаков в Малороссии! — вмешался в беседу фельдмаршал Бутурлин. — Мы у казаков, особливо черкесов, вино покупаем для войск наших! Сие есть диверсия какая-то, вино наземь лить!

— Продолжайте, Кирилл Григорьевич, —махнула рукою государыня.

— Так вот, после того набата набежало казаков - триста человек, подняли крик, ухватили две палицы кошевого и судейского человека со стола! Первую отнесли Шкуре, а вторую — Кишенскому, и Шкура стал кошевым, а Кишенский — судьей!

— Запуталась в регалиях ваших, — поморщилась Елизавета. — Кошевой кто таков?

— Глава воинского и гражданского уряда Запорожской Сечи!

— Приезжал ко мне кошевой…. Данилою Гладким[163] его зовут, правильно? Жил здесь

в Санкт-Петербурге год, за запорожцев просил!

— Так вот Гладкого и хотел сместить самовольно сей Шкура.

— И? Чем закончился этот бунт?

— Собрались атаманы и определили быть по-прежнему старому кошевому и войсковому старшине! Я послал взять под караул бунтовщиков Шкуру, Кишенского и иных зачинщиков и привезти в Глухов. Так что кошевой Гладкий будет главным, хоть и стар он, но на уважении!

— Глаз да глаз нужен, заговоры пресекать надо упреждать! – громко произнесла императрица с явным намеком к окружающим, но что она имела ввиду никто не понял: какие-такие заговоры, какие мятежи в столице России?

— Уняв сей мятеж, возвратился в Санкт-Петербург, — Кирилл Разумовский мрачно воззрился опять на брата, пьющего опять воду из фужера, хотел что-то еще сказать, но вмешался Иван Шувалов:

---

[162] Группа запорожских казаков во главе с атаманом Минского куреня Шкурой и атаманом Ирклеевского куреня Кишенским подняли бунт в 50- х годах XVIII века против кошевого атамана и войсковой старшины.

[163] Данила Стефанов Гладкий впервые был избран кошевым атаманом в 1755 году, после того, как его предшественник был предан суду за покровительство гайдамакам, был кошевым атаманом Запорожской Сечи) в период с 1755 по 1757 год.

— Что воду-то пить понапрасну, ваша светлость? (он обращался прямо к Алексею Разумовскому) Натощак и песня не поется!

Иван Иванович обратился уже к Елизавете Петровне:

— По моему разумению, пора приступить к трапезе, как вы изволите полагать, ваше императорское величество?

Все стало очевидно, что Иван Шувалов искусно переводил тему на предстоящий обед. Гофмаршал моментально понял его, засуетился, бросился к двери, но замер, ожидая, что скажет государыня. А она решила заполнить неловкую паузу, махнула ему:

— Дмитрий Андреевич, подай нам для начала дичь. А покамест мы ждем трапезы, перешедшей в обед, угости нас чаем! Мы перейдем в иную горницу, там и накрой!

— Слушаю, ваше императорское величество.

На своём стуле громко храпел старенький князь Михаил Голицын, и сидевший справа от него по стулу Никита Юрьевич Трубецкой ткнул его рукой в бок. Он и сам был почти шестидесяти лет от роду, глубокие морщины покрывали его лоб, и как бы самому не заснуть! Сей манёвр не укрылся от Елизаветы Петровны, она посмотрела на князя Трубецкого и нахмурила брови:

— Как идут дела в Сенате, князь Трубецкой?

— Вашими молитвами, и с тех пор, как я его глава, у нас все по чину.

Сенатор Петр Шувалов оживился:

— Новый документ готовим по рекрутам[164]…

Бутурлин, сидевший рядом с посапывающим Голицыным, дунул ему в ухо, от чего тот проснулся и посмотрел на всех ошалелыми очами:

— Что паки?

— Собрание Конференции при Высочайшем дворе, почтенный Михайло Голицын, прошу не дремать! Скоро и вас спросят о вашем Адмиралтействе, да и о числе новых кораблей наших в Балтийском море!

— Я... , - несчастный Голицын тер глаза, и хотел уже все доложить, но Бутурлин пресек попытку высказаться главу Адмиралтейства Российской державы.

---

[164] Граф Пётр Иванович Шувалов подготовил важнейший документ, реформировавший рекрутскую систему в России, который назывался «Генеральное учреждение о ежегодном сборе с государства рекрут», проект был подан в Конференцию при высочайшем дворе и утвержден императрицей Елизаветой Петровной 23 декабря 1757 года

— В конце года минувшего наша Военная коллегия подала Сенату и на имя главы, Никите Юрьевичу Трубецкому, ведомость о рекрутах! Изволили ли вы ее читать, князь?

Главный сенатор России князь Трубецкой поджал губы, взял свою красную папку на столе, открыл ее, достал лист и прочел:

— Как же-с, изволил читать ваше послание! По последнему набору рекрут в сборе

(приблизив лист к своему носу, четко выговаривая цифру) - 43088!

— То нижних чинов число? — спросила императрица, зевнула, замахала веером, она уже явно устала и скучала.

Никита Юрьевич опять пробежался по листкам в папке:

— Да-с, именно, но к полкам действительно прибыло (вглядываясь в лист) — 23371 человек.

— А куда остальных дели? – Разумовский спросил почти ехидно.

Трубецкой поморщился:

— Сенат в лице моем прежде всего строго спросил Военную коллегию: куда же делось 19517 человек?

— Ответствовали ли, Александр Борисович? — Елизавета оборотилась к Бутурлину.

Тот покраснел, быстро выпил воды, хотел открыть свою черную папку, но передумал:

— Ищем, ваше императорское величество, почти половина рекрут до частей воинских не доезжает! Кто бегают, кто - немощен! Стараемся мы совладать с сей напастью!

Его перебил князь Трубецкой:

— Несколько ранее Сенат слушал экстракт из протокола Конференции о предложении графа Петра Шувалова производить ежегодный рекрутский набор не со всего государства! Наш сенатор уже заявил вам, ваше императорское величество о рекрутской реформе!

Никита Юрьевич прямо посмотрел на сидящего напротив него за круглым столом Петра Ивановича Шувалова. Он оживился, даже встал:

— Ваше императорское величество, я подготовил генеральное учреждение! Готов и вам оное зачесть!

— Читайте, покамест чай несут, ибо после трапезы будет стол обильный, и уже не смогу воспринять все на должном уровне, — ответствовала государыня, отчаянно подавляя зевоту. Шувалов, волнуясь, раскрыл свою синюю папку и стал читать с листа:

— Учреждение мое об «Ежегодном сборе с государства рекрутов, о командировании для приему оных конвоем, и в отвращении всяких при том не полезностей, о штрафах и наказаниях за вины, кто как в прием буде, так и в не отдаче неистинно поступать будет[165]». Шувалов поднял главу, увидел осоловевшие глаза Елизаветы Петровны и решил упростить свою речь:

— Не буду утруждать ваш слух чтением всего уложения, ибо в нем более двадцати четырех пунктов; я подробно излагал все в собрании Сената, где присутствовал и фельдмаршал Бутурлин (кивнув Александру Борисовичу Бутурлину), но могу доложить вам кратко, что решили брать рекрутов единожды в год только с одной части державы нашей необъятной, разделив ее для того на пять долей.

— О том ведомо ли нашему фельдмаршалу Апраксину? А то он все жалуется на недокомплект в полках? - вмешался Бутурлин.

— Отправлял я ему депешу о решении Сената утвердить сию практику, но хочу жалобу принесть на фельдъегерскую службу! С сим что-то учинить надобно! Я и в Сенате о том докладывать изволил, указав на вредную в военное время медленность нашей почты! — Петр Иванович положил свою папку на стол, с волнением добавил:

— Помилуй бог! Рапорт от командира 1-го мушкетерского полка Обсервационного корпуса, формируемого мной лично, был отправлен двадцать шестого сентября, а получен….

(Шувалов сделал эффектную паузу) четырнадцатого ноября! По дороге от Смоленска до Петербурга письмо сие находилось месяц и двенадцать дней! Так мы и викторию над Пруссией пропустим!

— Как идут дела с корпусом вашим Обсервационным, Петр Иванович? Кем комплектуете? Когда закончите? — спросил Бутурлин строго.

— В действе, Александр Борисович, и прошу меня не торопить! – Петр Шувалов поджал губы, фельдмаршал Бутурлин был ему не указ.

— Что-то долго он формируется, я уже и резервные свои полки скоро выдвину! Спасу Апраксина! Он жалуется на некомплект в армии с начала военного похода!

— Обсервационный корпус[166] неотделим от артиллерии, Александр Борисович! Для э \того и задуман, для охраны оной! Гаубицы мы льем на заводе моем исправно, но не все они еще в строю! Дайте срок, корпус мой еще всех викториями своими удивит! — сухо добавил Шувалов и сел.

Однако ненадолго, ибо вошел гофмаршал Шепелев с объявлением:

— Господа, прошу всех в чайную!

---

[165] Цитата из указа П.И. Шувалова «Генеральное учреждение о ежегодном сборе с государства рекрут» от 1757

[166] Обсервационный корпус начали создавать по инициативе графа П. И. Шувалова в конце 1756 — 1757 годах. Он задумывался как резервное и огневое прикрытие для новейшей секретной артиллерии («шуваловских гаубиц» и единорогов). Обсервационный корпус вступил в Семилетнюю войну (на театр военных действий) лишь в январе 1758 года, а его первое крупное боевое столкновение произошло в августе 1758 года в сражении при Цорндорфе. В составе этого корпуса действительно находился 5-й мушкетерский полк (он формировался в Туле).

В чайной, украшенной в китайском стиле, на столе стоял пузатый самовар, манили ванилью сладости, на которые проголодавшиеся члены заседания накинулись толпой. Больше всех усердствовал Павел Петрович, засовывая печенье сразу по три за щеку.

— Вот, —похвалилась императрица, сев на гобеленовый стул с чашей в руках. — Новый фарфоровый сервиз господина Виноградова[167].

— Ваше Императорское Величество, а что, изволили-таки сотворить русский фарфор на заводе Виноградова? — полюбопытствовал Пётр Шувалов.

Он также стоял с чашкою в руках, рассматривая изящную фарфоровую ручку:

— Поздравляю вас, да и завод надлежит именовать не мануфактурою, а вашим императорским заводом. Ибо коли бы не ваше соизволение, не было бы у нас своей посуды. — Я тратила несметные суммы на саксонский фарфор, но по вступлении Фридриха II в саму Саксонию мне стало просто мерзостно стало брать купленную там посуду в руки. Я расколотила все немецкие чашки, пока слушала известия о вторжения супостата, и вот — чудо! Сын иерея, Дмитрий Виноградов, сотворил то, что мне потребно.

— А что, пруссаки испортили фарфор своим вступлением? Вы изволите, ваше величество, винить во всём Фридриха II! — вмешался в беседу князь Пётр Фёдорович.

— Так, более о сем злодее и проходимце ни слова за трапезой! Ирод, он ирод и есть! — она перекрестилась. — Безбожник, да ещё и мужеложец!

— Содомия процветала даже в античные времена. Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь не почитали мужеложство грехом! А уж Фридрих II известен любовь к мужескому полу …, — продолжил витийствовать князь.

Однако Елизавета Петровна прервала его резко:

— Да полно о нём! Иначе изволю закричать! Полно поминать проходимца! Да и звать его при мне Фридрихом II запрещаю!

Она громко высморкалась, поставив чашку на чайный низкий столик.

— Федором Федоровичем наречем его! И точка!

— Федором Федоровичем? – Иван Иванович Шувалов улыбнулся,

— Федор Федорович! Славно как, - хмыкнул Воронцов.

---

[167] Первый в истории большой парадный столовый сервиз из русского фарфора был создан в 1756 году создателем отечественного порцелина Дмитрием Ивановича Виноградовым на Невской порцелиновой мануфактуре. Этот знаменитый ансамбль получил название «Собственный», так как предназначался лично для императрицы Елизаветы Петровны.

— Не очень-то он проходимец, тётушка, ваш (через паузу) Федор Федорович! — гнул своё Пётр Фёдорович.

— Молчать! — оборвала его Елизавета.

А все переглянулись, по праву близкого родственника императрицы Великий князь всегда говорил, что хотел, и делал, что хотел. Впрочем, только Михаил Воронцов смотрел на него чуть иначе, чем все. С тех пор как его племянница Елизавета Романовна Воронцова[168] стала в восьмилетнем возрасте фрейлиной при дворе и вошла в свиту Екатерины Алексеевны, он знал все подробности из жизни «молодого двора» — так называли немецкую чету: Великого князя и Великую княгиню. Родную дочь младшего брата Романа Илларионовича после смерти его жены воспитывал именно Михаил Илларионович, как и остальных детей: Александра, Екатерину, Марию и Семёна. Они все стали жить в его просторном доме после того, как брат связался с дочерью садовника Петра I, француженкой Елизаветой Брокет[169]. Молодая сожительница родила брату двух сыновей, и тому и вовсе стало не до детей от законного брака. Фрейлине Лизе Воронцовой стукнуло в этом году восемнадцать, и дядя

с отцом активно советовали ей втереться в доверие к князю Петру Фёдоровичу, скучавшему от постоянных измен своей жены. Было известно, что Великий князь не пропускает мимо себя ни одну фрейлину, и шансы покорить его сердце были велики. Лиза была хоть и страшна, но имела внушительную грудь и главное, обладала распутным характером, так что шансы поймать в свои сети Карла Ульриха были велики. Близость племянницы сильно бы приблизило самого Михаила Илларионовича Воронцов, вице-канцлер Коллегии иностранных дел, к князю Петру Фёдоровичу, ярому поклоннику прусского короля Фридриха II. Воронцова давно обвиняли в сношениях с ненавистным Елизавете Петровне «Великим Фрицем» — так звали его горячие почитатели его военного таланта, — но ему как-то удалось отмахнуться от этой славы. Сейчас при дворе он скорее представлял профранцузскую коалицию с братьями Шуваловыми. Впрочем, Елизавета Петровна решила всех отвлечь, взяла в руки другую, пустую чашку свою, протянула её Александру Шувалову:

— Посмотрите лучше на фарфор, ну что за чудо! Не хуже немецкого, правда?

— А у нас всё лучше немецкого, Ваше Императорское Величество! Мой брат хотел вам как раз доложить о нашем новом достижении и в оружейном деле! — ответствовал глава Тайной канцелярии, судорога опять прошла по его лицу.

Пётр Шувалов, глядя преданно на царицу, подошёл ближе:

— Государыня, наш русский артиллерист Данилов вместе с Мартыновым придумал новую гладкоствольную гаубицу: «единорог[170]»!

---

[168] Графиня Елизавета Романовна Воронцова (1739 —1792) — фаворитка императора Петра III, фрейлина, представительница дворянского рода Воронцовых. Она была дочерью генерал-аншефа графа Р. И. Воронцова, у которого помимо Елизаветы было еще четыре ребенка.

[169] От сожительницы Елизаветы Брокет (дочери французского садовника Петра Первого Дениса Брокета) Р.И. Воронцов имел еще 4 детей, которые получили по традиции его усеченную фамилию: Ранцовы.

[170] В 1757 году выдающийся русский артиллерист Михаил Васильевич Данилов совместно с гренадерским капитаном Матвеем Григорьевичем Мартыновым разработал новый тип гладкоствольной гаубицы. Работа велась под общим руководством генерал-фельдцейхмейстера графа Петра Ивановича Шувалова. На стволе «чудо-пушки, на скобах для переноски, отлили изображение единорога — элемента с родового герба графа Шувалова. «Единорога» сочетал в себе свойства пушки и гаубицы, из него можно было стрелять как ядрами, так и бомбами или картечью. Едва пройдя полигонные тесты, новые орудия сразу

— Единорог, единорог… — повторила Елизавета Петровна задумчиво.

Она ещё держала фарфоровую чашку в руках, но видно стало, что фарфоровые чудо ей уже наскучило, и проходящий мимо гофмаршал с чайником на серебряном подносе увидел, как царская белоснежная рука, утопающая в кружевах, поставила чашку рядом со вторым виноградовским «чудом» с выгнутой ручкой. Гофмаршал Шепелев тут же подскочил, налил еще чаю. Елизавета Петровна воззрилась на Петра Ивановича:

— Не с вашего ли герба сие название: «единорог»? Я про герб Шуваловых.

— Истинно так, ваше императорское величество!

— А Иван Иванович был на апробациях сей пушки?

Она вдруг повысила голос и бросила короткий взгляд на Ивана Шувалова, беседовавшего

с Бутурлиным в углу, камергер ее громко хвалил новый университет:

— Да, очень советую вам, Александр Борисович, университет наш новый!

— Он в Санкт-Петербурге? – заинтересовался Александр Бутурлин, они с Шуваловым будто не слышали императрицу.

— Нет, сударь, в Москве открылся, и всё милостью Елисавет Петровны! И не сумлевайтесь, Московский университет уже во всём действии и принимает школяров! Не зря мы с Ломоносовым[171] потрудились!

— А Михайло Ломоносов тоже соучаствовал в открытии сего нового училища? Я мнил, только вы одни. Вот и я мыслю, не послать ли мне своего Петра ещё и туда обучаться, — задумчиво произнёс Александр Борисович Бутурлин.

— Вы про Петра Александровича Бутурлина? Присылайте! Мы и Академию художеств откроем где-то к осени, коли рисовать надумает!

—Иван Иванович, скажите, изволили ли быть на апробациях пушки «единорог»? – еще громче произнесла Елизавета Петровна, и Иван Шувалов наконец-то отвлёкся: громкое замечание царицы про «единорогов», детище Петра Шувалова, завладело его вниманием.

Он вежливо поклонился Бутурлину, прервав разговор, подошёл поближе и застал двоюродного брата за рассказом о новых пушках:

же отправились на фронт Семилетней войны. Уже 30 августа 1757 года «единороги» триумфально показали себя в реальном бою против прусской армии в знаменитом сражении при Гросс-Егерсдорфе

[171] Михайла Васильевич Ломоносов (1711–1765) — первый крупный русского учёного-естествоиспытателя мирового значения, вместе с Иваном Ивановичем Шуваловым – создатель Московского государственного университета, открытие которого состоялось 12 (23) января 1755 года(ныне имени М.В. Ломоносова) .

— Совершенно так, ваше императорское величество, с нашего, шуваловского!

— Говори, Петруша, не томи! — нетерпеливо вмешался Александр Иванович Шувалов, он был горд за младшего родного брата.

Пётр Иванович Шувалов приосанился:

— Стреляет на две с половиной мили, зело хороши на берегу и при осаде неприступных фортеций, при том легче обычной пушки, удобны в перевозке на дальние расстояния. Отправил Фермору морем их и уверен, Мемель, Тильзит, Кёнигсберг будут нашими! Также пробные образцы из первого цеха поехали обозом в Ковно, к фельдмаршалу Степану Фёдоровичу Апраксину! Кроме того, изволили вы сей день слышать про Обсервационный корпус! Так вот хочу этот особый корпус учредить для обслуги, так сказать, моих орудий.

— Неужели вам моей армии мало? И об Апраксине, — заметила Елизавета Петровна, обмахиваясь веером, ей стало жарко. — Он что? Ваше корпус будет ждать? Я приказал ему ускорить марш!

— Обсервационный корпус, ваше императорское величество, уже комплектую, но соберу окончательно, как дождусь Манифеста[172] о начале войны от вас!

— Иван Иванович, изволили ли слышать хулу нашего главного артиллериста? Пора, пора садиться за составление оного указа! – государыня зевнула, прикрыв рот.

— А что касается Апраксина, он, мыслю, уже в Королевстве Литовском, пересёк польскую границу! Так что двинулся вперед! — пожал плечами Пётр Шувалов. — Думаю, уже в Ковно собирает войско!

— А что, есть вести о Степане Фёдоровиче?! — с этим возгласом в чайной появился канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. — Когда пришла депеша об этом? Я с ним в переписке состою непрестанно, но не ведал, что он уже в Великом княжестве Литовском!

В комнате воцарилась тишина, императрица Елизавета Петровна засверкала очами:

— Как вы посмели опоздать, Алексей Петрович? Время уже к полудни!

Она гневно рассматривала помятое лицо канцлера. Красное лицо его, обрюзгшие веки, мутные темные неопределенного цвета глаза выдавали в нём пьянчугу. То, что Алексей Петрович пьёт каждый вечер, играет в карты до утра, знал весь Санкт-Петербург. Распространение сплетен шло от Дмитрия Волкова, бывшего личного секретаря канцлера Бестужева. Он часто по старой памяти заезжал к бывшему хозяину с разными документами для подписи, заехал и в это утро, но не застал канцлера в его доме на Каменном острове[173], а может его просто не при-

---

[172] Манифест императрицы России Елизаветы Петровны «О несправедливых действиях Короля Прусского против союзных с Россией Держав Австрии и Польши» был опубликован 16 августа 1757

[173] В 1746 году Каменный остров в Санкт-Петербурге у наследников бывшего канцлера Головкина выкупает новый вице-канцлер (затем канцлер) Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, развернувший грандиозное строительство: в 1752–1755 годах по проекту великого зодчего Франческо Бартоломео Растрелли возводится роскошный загородный ансамбль в стиле пышного елизаветинского барокко.

няли? Увидев Бестужева-Рюмина, Волков, который, как и все переместился в чайную, заметно побледнел. У него давно не задались отношения с Алексеем Петровичем, тот подозревал его в доносительстве и не ошибся в подозрениях. Все, что происходило в доме канцлера тут же становилось известно Шуваловым и Воронцову, а они уже доносили в нужном свете императрице. Чтобы закрепить отношения со «стукачом», государственные люди когда-то выкупили все долги Дмитрия Волкова, буквально года два назад он сильно задолжал и скитался по лесам, удрав от Бестужева-Рюмина. Вернувшись, он очень скоро сделался главой канцелярии Конференции при Высочайшем дворе по протекции самого графа Петра Ивановича Шувалова. Вот и сейчас Михаил Воронцов, увидев своего главного врага, явно с похмелья, затаил дыхание: он ждал публичной порки канцлера. После очередной кляузы Бестужева-Рюмина, совсем недавно, его почти сослали, велось цело расследование: не получает ли он взяток от самой Франции за протекцию при российском дворе? Ему даже пришлось уехать в Европу на время, но тогда вроде бы всё обошлось. Вошедший же с минуту пытался что-то сказать:

— Я.. Я..

«Великий канцлер» удивительным образом всегда начинал заикаться, когда начинал говорить. Об этой его особенности все знали, и по началу прощали. А вот когда Алексей Петровича нажил себя при дворе Елизаветы Петровны больше врагов, чем друзей, его заикание вызвало всеобщее и дружное отвращение. Все присутствующие понятливо переглянулись, а императрица строго произнесла:

— Будет вам блеять, яко овну, Алексей Петрович! Изъясняйтесь, почто замешкались?!

Это было грубым замечанием, в комнате установилась звенящая тишина и Бестужев-Рюмин, преодолев свой недуг выпалил:

— Ваше Императорское Величество! Я замешкался, ибо дожидался официальной депеши от венского двора, за рукою её величества Марии-Терезии. Осаждена Прага[174]! Смертельно ранен австрийский маршал Максимилиан Броун[175]. Мне это страшное известие лишь два часа пред сим заседанием привёз Штамбке из Военной коллегии!

— Это почто это мой гольштинец Штамбке служит вам, Алексей Петрович? Давно хотел спросить! — князь Пётр Фёдорович поднял гневно бровь, холодно взирая на багровое лицо канцлера. — Чего вы у него выведываете? Не про меня ли?

— Штамбке мы употребляем для перевозки корреспонденцию из Военной и Иностранной коллегий, и да-с, я его прошу частенько! А что? Неужто нельзя касаться вашей свиты, князь? Алексей Петрович смотрел на Великого князя презрительно, не скрывая своего к нему отношения, но тот продолжал возмущаться:

— Это моя свита, я пекусь, чтобы использовали оную только для наших с княгиней писем!

---

[174] 6 мая 1757 прусская армия под командованием короля Фридриха II нанесла тяжелое поражение австрийским войскам принца Карла Лотарингского под Прагой. Это было одно из самых кровопролитных сражений века (обе стороны потеряли суммарно около 27 тысяч человек, погиб знаменитый прусский маршал Шверин, а австрийский маршал Броун был смертельно ранен), осада Праги продолжалась более месяца.

[175] Максимилиан Улисс Браун (Броун, 1705 — 26 июня 1757) — выдающийся австрийский полководец, фельдмаршал, один из главных военачальников Габсбургской монархии в начале Семилетней войны

— Не токмо для пересылки писем в Ораниенбаум нужен он, - выпалили Бестужев-Рюмин, но потом поправился, заметив подозрительный взгляд императрицы. - Да-с, Штамбке часто исполняет поручения мои, касающиеся вашей супруги. И я нимало не таю, что имею честь состоять в переписке с княжной Екатериной Алексеевной с тех пор, как она в России. Пекусь о ней, помогаю ей обжиться в России! Ему нетрудно отвезти весточку

в ваш Ораниенбаум, заехав ко мне, и я ему даю заодно и другие поручения … А чем вы недовольны?

— Не смейте трогать моих гольштинцев! – горячился Великий князь, испепеляя Алексея Петровича взглядом. — Не ведал, совсем не ведал, что вы гоняете Штамбке без моего благоволения. Изволили бы писать мне, канцлер, а не моей супруге, я бы слова не сказал… Я ей ещё задам за сию переписку!

— Ах, оставьте вы семейные разлады ваши за стенами сими! —воскликнула Елизавета. — И вы, Алексей Петрович, могли бы поизящнее измыслить предлог для переписки

с Великой княгиней Екатериной Алексеевной, чай, она уже более десяти лет в России! Изрядно владеет и российским языком, и многим иным! Само может доложить, если что не по ее. И извольте больше Штамбке из Гольштинии не просить ни о чем, коли Великий князь тревожится!

В чайной наступило молчание, и лишь маленький цесаревич Павел, который тоже присоединился к гостям на чайной церемонии, хрустел испечённым хворостом, примеряясь к пышному, украшенному розочкой большому торту. Роза, выложенная на самом верху, лежала на золотой императорской короне, выписанной глазурью, и никто не решался откусить от неё кусок. Сам торт покоился на высокой плоской хрустальной вазе посередине небольшого стола. Заметив Павлушин голодный взгляд императрица легко ударила его своим веером:

— Терпите, Павел Петрович, торт будем после обеда!

Бедный мальчик чуть не расплакался, но отошел в сторону, сел на диванчик, стал ковырять в носу. Вокруг стояли многочисленные, обитые красным гобеленом стулья. Бестужев-Рюмин подошёл к императрице, склонившись в глубоком поклоне, а она, взяв себя в руки, протянула руку канцлеру с недовольным видом. Алексей Петрович поспешно поцеловал ее кисть и вручил письмо из Австрии. Царица тут же передала его Ивану Шувалову.

— Иван, распечатай сие! — она оборотилась к прочим. — Господа, извольте кушать чай без меня! Канцлер Бестужев-Рюмин, несмотря на возмутительное опоздание, принёс важную новость. Я изволю прочесть письмо и возвращусь к вам.

Елизавета Петровна, шурша юбками, покинула столовую и пошла в свой императорский кабинет. На лето вся канцелярия выезжала за ней и жила не в отдельном здании, а в дальнем крыле.

— Разумовский стал совсем несносным. И что он себе изволит? Прежде он таковым не бывал,— сказала она, раскрыв веер, со значением посмотрела на Ивана Шувалова, но тот тактично промолчал по поводу предшественника, бывшего фаворита, Алексея Разумовского.

Он будто не слышал её, а может быть, сделал вид? Личная жизнь императрицы — тайна за семью печатями. Ему подумалось: «Представляю, что говорят о его близости с царицей, как судачат о разнице в возрасте». Впрочем, думать об этом не хотелось вовсе. Он плыл, что называется, по течению, и бурная река дворцовых интриг принесла его самого на царский благословенный берег, освещённый тихим закатом стареющей Елизаветы Петровны. Идти было минут пять-десять, и Иван Шувалов подал руку Елизавете Петровне. Царица уже давно заметно хромала, вот и сейчас ноги опять разболелись, гудели, и она чувствовала себя почти старухой рядом с этим двухметровым красавцем. Письмо Иван Иванович держал в руках, и вскоре они вошли в просторную комнату, где сидели писари. Увидев вошедшую императрицу, они вскочили, замерев у столов прямо с перьями в руках. Навстречу ей пошёл пожилой мужчина, лет шестидесяти, с одутловатым круглым лицом и выражением раболепия, которое делало его вид достаточно курьёзным при одежде с красной лентой через плечо и сиявшей звездой на груди — орденом Александра Невского.

— Ваше императорское величество, чаял, вы в заседаниях Конференции при Высочайшем вашем дворе обретаетесь. Какая нужда понудила вас труд свой принять и сюда пожаловать?

— Мария-Терезия прислала грамоту, надобно бы тотчас отповедь сочинить, так что будем оное письмо при вас слушать, а потом для записи ответную депешу составлять. Уразумели ли, Иван Антонович?

Иван Антонович Черкасов, старинный кабинет-секретарь[176], начавший свою карьеру ещё при Петре I, услужливо склонил голову:

— Всё сделаем, ваше императорское величество! (обернувшись к писарям) — Стул поставьте Елисавет Петровне!

— Не надобно, насиделась я в заседании! — поморщилась Елизавета и, не обращая внимания на схвативших тут же стул двоих писарей, подошла к открытому окну. Оно оказалось открытым, и оттуда веял слабый, но ощутимый ветерок. Прозрачные дымчатые занавески еле заметно колыхались. Елизавета Петровна оглянулась на своего камергера:

— Читайте, ибо время приспело к обеду, и уже есть желаю!

Иван Шувалов встал у бюро из красного дерева, отдал письмо от королевы австрийской подскочившему писарю. Тот быстро достал нож для писем и вскрыл конверт.

— Ну что там, Иван? — императрице не терпелось поскорее всё узнать, она замахала веером.

— Список[177] с письма учиним? — спросил Черкасов.

— Извольте, сделайте милость.

---

[176] Иван Антонович Черкасов (1692—1758) — выдающийся русский государственный деятель, барон и тайный советник, чья должность называлась кабинет-секретарь.

[177] Список - копия

Кабинет-секретарь обернулся к своим писарям, заметил, что те стоят как истуканы со стулом в руках, поморщился:

— Поставьте вы кресло, понеже императрица сесть не изволила, и принимайтесь за записку письма от королевы цесарской! Кто наилучше список снимет, того награжу пожалованием!

Он повернулся к царице.

— Пардону просим, ваше величество, за остановку! — отвесил поклон Черкасов. — Мы все во внимании.

Шувалов пробежал по листку глазами и начал читать вслух:

— Пресветлейшая и могущественнейшая государыня, любезнейшая сестра и союзница! С глубочайшим почтением и искренней привязанностью обращаюсь к Вашему Императорскому Величеству!

Улыбка прошла тенью по лицу русской императрицы, слово «сестра» от Марии-Терезии ласкало слух. Она слушала своего камергера, всё более забывая обо всех и обо всём, пленённая его интонацией, а может, и им самим. Нежность чувствовалась в её взоре, но Шувалов как будто ничего не замечал, читал с выражением, и будто сама королева Австрии, говорила с ней его губами:

— «...Взирая на сие крайнее и бедственное положение, в коем ныне обретается верная союзница Вашего Императорского Величества, уповаем на великодушную помощь и сильное предстательство... Настоятельно просим и требуем, дабы повелено было войскам Вашим незамедлительно учинить диверсию в собственные земли агрессора, дабы тем отвлечь его силы от осажденного города Праги и спасти общую христианскую систему от конечного разорения. Вверяю Вашему Величеству Мои неизменные чувства дружбы и уверяю, что Австрийский Дом пребудет верным соратником России во всех начинаниях, направленных к славе Вашей и благу наших народов. Молю Всевышнего о сохранении драгоценного здравия Вашего на долгие лета.Вашего Императорского Величества любезнейшая сестра, Мария-Терезия. Дано в Вене»

Шувалов закончил, сложил письмо, посмотрел на погрустневшую Елизавету Петровну. Она взмахнула платком, приложила его к лбу, на котором выступили капельки пота от волнения:

—Бог мой, mon ami[178]! Надобно тотчас чинить ответное письмо!

Она оглянулась и увидела, что писари, которые все это время скрипели перьями, застыли.

Черкасов вмешался:

— Сей же час, ваше императорское величество!

[178] mon ami – по-французски «мой друг»

— Хорошо, - ответила Елизавета Петровна, дождалась, когда писцы положат перед собой чистые листы и начала диктовать:

— «*Будучи глубоко тронута невинным сокрушением австрийских земель и видя*

в действиях короля прусского явное намерение опровергнуть все договоры... объявляю, что не престану употреблять все свои силы и оружие к защищению чести своей и

к поданию скорейшего вспоможения своей верной союзнице и сестре, Римской Императрице...»

Когда они закончили, одновременно бросив песок на исписанные листы, Шувалов вдруг заметил задумчиво:

— Мыслю, ваше императорское величество, что не напрасно Апраксин понуждает наше войско идти к Ковно, пора, пора ударить по… Фёдору Фёдоровичу!

Елизавета Петровна пожала плечами:

— А почто он медлил? Пребывал в Риге так долго? Что за самоуправство?

— Ну, коли всех подозревать, — пожал плечами Шувалов.

— Не всякому верь, запирай крепче дверь**,** — отрезала государыня. — Надобно объявить всем мою волю, Иван Иванович ! Будем сочинять с вами Манифест о войне! Так и наречём: «Манифест о несправедливых действиях короля прусского противу союзных

с Россию держав Австрии и Польши». Как сотворим, отправишь его Апраксину. Только не вступай в совет с Бестужевым-Рюминым! Сам справишься, под мою диктовку, вестимо!

Писари воззрились на Черкасова, на императрицу, на стоящего рядом Шувалова. Елизавета Петровна хотела уже выходить, как вдруг, что-то вспомнив, обратилась к Черкасову:

— Иван Антонович, желаю вам благодарствие воздать за устроение Порцелиновой мануфактуры! Отменный виноградовский сервиз, не уступит аглицкому али немецкому! Ныне из его чашек изволили мы пить, и я вас припомнила!

— Рад служить, — поклонился Иван Антонович и вдруг покраснел, закашлялся. Императрица нахмурилась. От нее не укрылось багровое пятно на батистовом платке, который кабинет-секретарь вынул из своего рукава.

— Что сие, Черкасов? Вы одержимы недугом?

— Ваше императорское величество, — замялся Иван Антонович. — Прошу меня простить, но…

Он поспешно подошёл к своему бюро, извлёк папку кофейного цвета, на бюро лежавшую, вынул лист и подал его Елизавете Петровне:

— Вот челобитная моя об отставке по причине болезни! Боюсь, чахотка во мне открылась! Кашель ещё невелик, но дохтура сказывают, что надлежит ехать на воды! Елисавет Петровна взяла прошение, пробежала глазами, но отдала обратно:

— Рано вам меня оставлять, послужите ещё! Да и не время ныне свой пост покидать: война с Пруссией токмо зачалась, корреспонденции скорой премного будет!

— Слёзно прошу рассмотреть мою челобитную. Вас не понуждаю, но надобно бы приискать кого на моё место!

— Приищем, Иван Антонович, не тревожьтесь! — изрёк Шувалов.

Он подал руку царице, она оперлась на нее, вскользь заметив:

— Не люблю я о хворях глаголать! Здравие вам желаю!

Черкасов поклонился, царица повернулась уходить, писари вскочил со своих мест. Когда они с Шуваловым уже шли по коридору в столовую обедать, то неожиданно натолкнулись на Петра Ивановича Шувалова и обер-мундшенка[179] двора Ефима Бахтеева[180]. Изъеденное оспой лицо главного виночерпия царицы казалось озабоченным. Елизавета остановилась, посмотрела строго:

— Что стряслось, Ефим Юрьевич?! Моё излюбленное токайское замешкалось на торговых судах в море, али ещё что приключилось?

Бахтеев засмущался, и Пётр Иванович вмешался:

— Ваше императорское величество! Неслыханный непорядок! Мне вот токмо Бахтеев поведал!

Он оборотился к обер-мундшенку и спросил строго:

— Сами изволите доложить? Аль мне своими словами?

— Ваше императорское величество, — заикаясь, начал Ефим Бахтеев. — Князь Яков Шаховской[181], генерал-кригскомиссар[182], беззаконно занял под лазарет для больных рекрутов Дом императорского пивоварения в Москве! Его прачки полощут бинты

---

[179] Обер-мундшенк — старинный мужской придворный чин и должность, которая в переводе с немецкого языка (Obermundschenk) означает «главный виночерпий»

[180] Обер-мундшенк Ефим Юрьевич Бахтеев (Бехтеев) в 1736 году уже активно служил придворным мундшенком, скончался в 1763.

[181] Князь Яков Петрович Шаховской (1705 — 1777) — видный русский государственный деятель, сенатор, обер-прокурор Святейшего Синода, с 1752 по 1760 – главный генерал-кригскомиссар, руководил снабжением армии во время Семилетней

с больных рядом с хранилищем пива в бочках. И как сие разуметь?

У императрицы от удивления пошли вверх брови:

— А что, мало ему шпиталя[183] в Лефортове?

Вмешался Пётр Шувалов:

— Супруга моя, Мавра Егоровна[184], сказывала вам об оном завладении незаконном?! Не припомните?

— Что-то припоминаю, —Елизавета Петровна задумалась, а потом сверкнула очами.

— Пётр Иванович, ежели господин Шаховской без всякого на то указу занял наши палаты, то отправьте промеморию[185] в нашу Дворцовую канцелярию[186], главе её Якову Маслову[187]. Пусть поставит на место Шаховского, буде он неправ!

— Всё исполню, ваше императорское величество, уж я токмо проучу Шаховского! — воскликнул Пётр Шувалов. — Да и брата Александра присовокуплю к сему делу!

Бахтеев склонился в поклоне, припал к руке царицы:

— Премного благодарствую, ваше императорское величество! Премного благодарствую! А про токайское не кручиньтесь, доставим в срок!

Императрица кивнула и пошла в столовую-гостиную. Обер-мундшенк ретировался, а Шувалов Пётр Иванович двинулся за царицей. Гости стояли вокруг огромного, сервированного обеденного стола с белой полировкой и о чём-то отчаянно спорили. Выше всех звучал голос канцлера Алексея Бестужева-Рюмина:

— Да, понапрасну вы опять уповаете на Францию! Вот и старший брат мой, посланник во Франции (кивнув на Михаила Бестужева, стоявшего рядом), вам подтвердит, что французы боятся, что Фридрих дойдёт не только до Рейна, но и до самого Парижа. Только Помпадур может затмить Людовику XV разум рассказами о подвигах французской армии. Она вертит королём, отдавая дурацкие указы французским войскам!

войны, позже третий в истории России генерал-прокурор

[182] Кригскомиссар —военная должность и чин в русской армии и на флоте XVIII–XIX веков, должностное лицо, которое руководило снабжением войск, вещевым и денежным довольствием, оружием и госпиталями.

[183] Шпиталь- госпиталь в XVIII веке

[184] Графиня Мавра Егоровна Шувалова (урожденная Шепелева) (1708 — 1759) — ближайшая подруга и доверенное лицо императрицы Елизаветы Петровны, статс-дама её двора, сыгравшая ключевую роль в стремительном возвышении влиятельного клана Шуваловых.

[185] Промемо́рия (от латинского pro memoria — «для памяти») — исторический термин, обозначающий памятную записку. В делопроизводстве Российской империи XVIII века - документ официальной переписки между государственными учреждениями одинакового ранга.

[186] Главная дворцовая канцелярия — это центральное государственное учреждение в Российской империи XVIII века, которое ведало управлением императорским двором, дворцовым хозяйством и дворцовыми крестьянами, существовала с 1712 по 1786 год.

[187] Яков Андреевич Маслов (1699 — 16 декабря 1785) — видный российский государственный деятель XVIII века, тайный советник и главный командир Дворцовой канцелярии.

— А как же Ганновер[188], обложенный контрибуциями в июне? — возразил Михаил Воронцов, поджав губы. — Насколько мне ведомо, французский маршал Д'Эстре[189] переправился через Рейн, взял прусскую крепость Везель герцогства Клеве, а потом и Восточную Фрисландию прибрал к рукам[190]! Пройдя через Вестфалию, маршал дошёл до Ганновера! Сломил немецкого герцога Кумберлендского и, несмотря на помощь генерала Шметтау, захватил ганноверские архивы!

— Без цесарцев они не справятся, и взять Берлин могут токмо под знамёнами Австрии! — упрямо пробубнил Бестужев-Рюмин. — Я бы и Англию присовокупил! Их флот, их мощь никто не отменял!

— Вы защищаете англичан, понеже регулярно деньги от них получаете! — вдруг выпалил громко вице-канцлер Михаил Воронцов, краем глаза заметивший вошедшую Елизавету Петровну. — По моим сведениям, до двух тысяч пятисот фунтов стерлингов каждый год получает вы лично из Лондона!

— Клевета, — покраснел канцлер Бестужев-Рюмин, он тоже увидел царицу . — И то скажу, вы вот взятки от Фридриха Второго брали-с!

— Попрошу… — Воронцов аж захлебнулся от возмущения. — Да как вы смеете опять наводить свои наветы на меня?! Супруга моя, Анна Карловна Скавронская[191], — двоюродная сестра императрицы, дочь Аннушка[192] во фрейлинах при дворе! Племянница Лиза Воронцова-в свите Великой Княгини! Мы всецело преданны России, и как иначе?

— Да уж, Алексей Петрович, вы следите за тем, что изволите говорить. Дело по сенатору Воронцову давно мной закрыто, — вставил генерал-прокурор Никита Трубецкой.

— Господа, немедленно прекратите споры, — громко произнесла Елизавета Петровна. Она прошла к столу, села на свой большой с золоченной спинкой стул. Над ее головой

в белом кудрявом парике воссиял двуглавый орел и корона:

---

[188] Ганновер — административный центр и крупнейший город земли Нижняя Саксония в Германии, расположенный на реке Лайне

[189] Луи-Шарль-Сезар Ле Телье, герцог д'Эстре (1695–1771) — известный французский военный деятель и маршал Франции

[190] Описывается французское вторжение в Германию (Ганновер и Вестфалию) в начале Семилетней войны: Французская армия под командованием маршала д'Эстре переправилась через Рейн и без боя заняла стратегическую крепость Везель (в герцогстве Клеве) и Восточную Фрисландию (см. И. В. Архенгольц «История Семилетней войны»)

[191] Графиня Анна Карловна Воронцова (урождённая Скавронская (1722 — 1775) — знаменитая статс-дама и обер-гофмейстерина русского императорского двора, двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны (племянницей Екатерины I)

[192] Графиня А́нна Миха́йловна Стро́ганова (урождённая Воронцо́ва; 1743 — 1769) — фрейлина с 25 апреля 1754, единственная дочь и наследница канцлера графа М. И. Воронцова, графини Скавронской А.К., позже - жена графа А. С. Строганова.

— Я хочу объявить вам о том свою волю. Мы должны не токмо взять Мемель, мы должны овладеть Кёнигсбергом и покорить всю Пруссию, рука об руку с нашим союзником — Австрией прежде всего. А сейчас прошу – садитесь!

Все стали рассаживаться вокруг стола, один Воронцов замешкался.

— А как же Франция, Швеция в конце концов, государыня? — воскликнул он. — Я вчера списывался с нашим дипломатом Никитой Ивановичем Паниным в Стокгольме. Швеция может быть на нашей стороне в брани с Пруссией!

— Ах, вы знаете, Михаил Ларионович, что я не любительница Швеции! После войны со шведами, да и Полтавы в конце концов, со времён батюшки моего Петра Великого,

я ненавижу всё шведское! – капризным тоном сказала Елизавета Петровна.

— Но ноне другие времена, ваше императорское величество, со Швецией заключён мирный трактат! Они могут быть нашими союзниками! – упорствовал уязвленный Воронцов.

— Да к лешему вашу Швецию! — встрял Бестужев-Рюмин. — Наш главный партнёр в сей войне — Австрия! Про Англию уже молчу, мы их потеряли!

— Только про англичан не начинайте, Бестужев! — сверкнула очами императрица.

Обиженный Михаил Илларионович Воронцов замолчал, сел на стул, надулся. Об их бесконечных спорах с канцлером Бестужевым-Рюминым, кто друг России, а кто — враг, судачил весь двор, однако только благодаря его усилиям Версаль в лице Людовика XV шёл на сближение с русской короной. В Санкт-Петербург ехала французская делегация, которую сам Воронцов с нетерпением ждал. Впрочем, ему не нравилось, что этот несносный канцлер опять его дураком выставил. Единственное, в чем прокололся Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, это упомянул Англию. Он знал, что Елизавету Петровну раздражали постоянные указки канцлера в сторону туманного Альбиона. Договор о совместных действиях с Англией так и не был подписан, и английская корона переметнулась на сторону Пруссии, заклятого врага России. Воронцов свято верил и ждал падения своего заклятого врага: канцлера Бестужева-Рюмина, надеясь, что он рано или поздно оступится. Кроме того, все знали, что Алексей Петрович получает взаимопомощь от Георга II через английского посланника сэра Чарльза Вильямса. И лишь царица не обращала внимания на этот очевидный факт. «Надо собрать побольше компромата и передать государыне в руки! Уж задам я жару несносному Бестужеву-Рюмину», — подумалось Михаилу Илларионовичу Воронцову. Ход его мыслей прервала сама Елизавета Петровна. Она строго посмотрела на канцлера:

— Франция и Австрия — наши союзники в войне с несносным иродом. И мы пособим им всенепременно! Королева Мария-Терезия, сестра моя, прислала мне письмо об этом, она молит о помощи! И мы просто должны укрепить союзников в сей войне! Я днесь же изволю заняться с Иваном Ивановичем Шуваловым сочинением Манифеста о начатии наших ратных действий. И Англия, канцлер, увы, не на нашей стороне!

— Но мы сами упустили их флот из рук! Надо было торопиться с заключением трактата

с ними! — продолжал гнуть свою линию канцлер Бестужев-Рюмин.

По счастью фельдмаршал Александр Бутурлин отвлёк императрицу от этих споров. Он вышел вперёд, тут же встал на одно колено:

— Государыня, матушка наша! Всё учиним, как велено. Из Курляндии в Княжество Литовское уже идут наши войска! Провиант, одежда, обувь — всё будет доставлено в срок!

— Желаю, дабы наше войско в числе ста тысяч человек навалилось всей своей силой на Пруссию! — заявила царица, тронутая его речью.

— Ну, столько у нас нет, — заметил Бутурлин. — Это разве что все гарнизоны обобрать вплоть до Сибири! Однако понадеемся на декабрь конца года. Тогда зачнётся рекрутский набор, доберём-с недостачу!

Елизавета обернулась к сенатору Шувалову Петру Ивановича:

— А вы уверены, Петр, Иванович, что не надлежит изо всех пяти частей нашей великой державы набирать рекрутов? Я всё размышляю о ваших затеях в новом проекте указа по сбору солдат для моей армии?

Теперь заволновался Пётр Иванович Шувалов, его задело замечание царицы по поводу его рескрипта по рекрутам:

— Я твёрд в своём предложении, ваше императорское величество. Лучше добрать нужное число в одном месте! Они дружною толпою двинутся в действующую часть, будут земляков поддерживать, нежели изо разных областей тягать такое же количество вовсе чуждых друг другу людей. Понеже набор будет по моим предложениям каждые пять лет, то уж за пять лет каждый округ наберёт силы, народит новых богатырей для нашей армии!

— Может, вы и правы, — опять заскучала Елизавета Петровна.

Она опять оборотилась к канцлеру Бестужеву-Рюмину:

— Мой обер-камергер Иван Шувалов к завтрашнему дню выпустит проект моего манифеста «О несправедливых действиях короля прусского противу союзных с Россиею держав Австрии и Польши», так я его нареку. Вы должны прочесть канцлер, внести свои поправки. Но уже днесь я прошу учинить скорое взятие всей Восточной Пруссии под державу Российскую! И не зовите больше ирода Фридрихом II, он – Федор Федорович! Иначе вызовете мою неудовольствие! Мы договорились со всеми об этом пока вас не было!

—Федор Федорович?! – канцлер скривился.

Императрица неприязненно рассматривал его красное, испитое лицо:

— Да-с, не опоздали бы – все знали бы! И вы уж известите о моей воле вашего любезного фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина!

— Он не токмо мне любезен, — теперь надулся Алексей Петрович, махнул рукой на Петра Ивановича Шувалова. — Пётр Иванович тоже ему благоволит!

— Не из-за дочери ли? Слышала я, что Елена Степановна Апраксина, - начала императрица, но тут вскипел Петр Шувалов, ему неприятны были намеки на свой адюльтер с дочерью главнокомандующего русских войск, тем более это было сущей правдой.

— Ах, не время спорить, чей ставленник Апраксин! – перебил он и покраснел.

Елизавета Петровна решила не обращать внимание на его бестактность:

— Моею волей я утвердила Апраксина на посту главного над войсками! Он и изволит исполнить мою волю — взять Пруссию, наказать ирода! Время приспело, господа!

Елизавета обратилась к Дмитрию Волкову, скромно в самом конце стола:

— Дмитрий! Вам надлежит срочно перебелить[193] мой будущий Манифест, как готов будет и отослать проект канцлеру! Как только мы его досочиним с Шуваловым окончательно! Мы займемся этим у же сегодня, ну еще завтра – день…Успеете послезавтра копию снять?

Волков вскочил, поклонился:

— Успею, ваше императорское величество, готов и ночь напролёт, если велено, трудиться!

Канцлер Бестужев-Рюмин с ненавистью посмотрел на своего бывшего секретаря, прошипел:

— Опять ты здесь…

Но Волков уже сел, по счастью он не слышал слов его. Вошёл гофмаршал Шелепин, трижды стукнул о пол своим парадным золотым жезлом и громко провозгласил:

— Кушанье подано!

И тотчас на стол подали серебряное блюдо с куропатками, кастрюлю с варёными артишоками, гречневую кашу в серебряном казане, соленья в виде капусты и огурцов, красную икру с маслом, и все быстро отвлеклись на трапезу. Лакеи суетились между гостями, сам гофмаршал, красный и потный, руководил доставкой блюд. Уже к вечеру Шувалов отправился опять в Императорский кабинет к Черкасову, открыв дверь, он сразу увидел кабинет-секретаря:

— Перепишите сие набело, Иван Антонович! И всё переписанное в нескольких списках разошлите всем членам Конференции, а наипаче — канцлеру Бестужеву-Рюмину!

— Всенепременно! — поклонился Черкасов.

[193] Перебелить – «переписать набело», точный термин XVIII века для переписывания черновика в чистовик.

Иван Шувалов уже выходил, но услышал вдруг, как страшно кашляет старенький кабинет-секретарь. Он поспешил, прикрыл дверь, ему стало неловко, хотел уже идти почивать, но при подходе в другую часть Екатерининского дворца столкнулся с лакеем:

— Ваше высокопревосходительство! В передней — некий француз. Не разумел ни аза, что он глаголет! Ломится сюда!

Шувалов кивнул, поспешил в выходу. И действительно, в сенях стоял разряженный, напомаженный француз. Шувалов тотчас его узнал, перешёл на французский язык:

— Шевалье Дуглас? Что привело вас, в столь неурочный час? Мы уже не принимаем! Шевалье Дуглас[194] поклонился:

— Господин Шувалов, я хоть и шотландец, но француз до мозга костей, веду тайную работу по сближению наших Дворов! С той поры, как мой секретарь Д'Эон[195] отвез в Версаль подписанный нашими державами трактат о союзе супротив злосчастного Фридриха Второго, я не бывал в России, и приехал тотчас, как это случилось! Но готов и далее радеть, дабы сблизить наши державы!

— А... Помню вашего полу мужчину, полу деву, он всё время шпынял пана Понятовского, коли память мне не изменяет, они даже на шпагах схватились. Он же хороший фехтовальщик, ваш секретарь Д'Эон. Каково ему, кстати в наших столицах, он же вернулся?

—Ну, Санкт- Петербург он не жалует! Климат скверный, болеет…Впрочем, не о нем речь!

— А об чем?

— Я уполномочен приготовить приём французской депутации на отменном уровне. Новый посол Л'Опиталь едет в Россию со своим секретарём, господином де ла Мессельером. Они отписали мне, что обретались в Риге, на смотре российских войск фельдмаршала Апраксина! Очень скоро они явятся в Санкт-Петербург, и я хотел уточнить, где их поставят на постой? Боюсь там, где сейчас ютится французское представительство, не по статусу будет нашему маркизу!

Шувалов задумался, он считался профранцузским человеком при дворе Елизаветы Петровны и хотел встретить делегацию и нового посла по высшему разряду:

— Пустует дом Сергея Григорьевича Строганова[196]. Бог прибрал генерала-поручика и супругу его, а их единственный сын Александр вояжирует по Европам.

— Строганов? Зрел его в Париже, лекции там слушает, мнится мне, не скучает по отечеству. С ним готов изъясниться по поводу дома для нас!

---

[194] Шевалье Маккензи Дуглас (полное имя — Александр-Пьер Маккензи-Дуглас, барон Килдин, 1713 — 1765)) — о шотландский якобит и французский дипломат, сыгравший ключевую роль в возобновлении российско-французских отношений в середине XVIII века

[195] Шевалье Д'Эон (полное имя — Шарль-Луи-Огюст-Андре-Тимоте Д'Эон, 1728–1810) — французский дворянин, юрист, дипломат, выдающийся фехтовальщик и тайный агент короля Людовика XV

[196] Барон Сергей Григорьевич Строганов (1707—1756) - обер-камергера императрицы Елизаветы Петровны

— Либо хоть в Доме Апраксина становитесь, его фамилия живёт обычно в вотчине своей летом, где-то в Дмитровском уезде, под Москвой. Дом пуст, понеже наш славный фельдмаршал обретается на баталиях! Этот дом близёхонько от Летнего дворца, и послу Л'Опиталю будет способно.

— Мы всё обмыслим и положим резолюцию! А будет ли куртаг[197] по случаю прибытия французского посланника?

— Уведаю у Елисавет Петровны, но она зело рада возобновлению союза с Людовиком XV, госпожой Помпадур и принцем Конти, и, мнится, куртаг случится и на отменном уровне, будет дан в честь приезда вашей французской депутации!

— Превосходно! — шевалье Дуглас поклонился и пошёл на выход.

А в далёкой Москве по набережной Яузы ехал к себе домой после работы генерал-майор Василий Иванович Суворов. Московская контора Военной коллегии находилась в Кремле и дорога до родового дома на Покровской улице[198] была хоть и близкой, но утомительной. Настроение у Суворова-старшего было прескверное, думы о сыне, Саше Суворове, не оставляли его. И как он там, в Либаве? Узнав, что генерал Фермор поведёт оттуда авангард прямо к берегам Мемеля, он запережевал. Не устремится ли его непослушный отрок туда же? Зная характер Александра Ивановича, он живо представил, как тот бросает провиантские склады, порученные ему, и просится на фронт, под артиллерийский обстрел прусских пушек! А ведь только удалось засунуть его в аудиторы, вытянув из Новгорода, где Суворов-младший осматривал магазейны и ругался с местными провиантскими чиновниками, так нет же – сбежал! И вот, получив повышение до премьер-майора, Александр Суворов напросился в поход и в итоге отправился туда обер-провиантмейстером в Либаву. Суворов-старший скосил глаза вбок: рядом, на красной, обитой сафьяном лавочке, лежала коробочка и буквально горела красным огнем на чёрном сидении. Василий Иванович вздохнул, взял ее в руки, открыл. Этот подарок - серебряные часы с гравировкой: «Сыну Сашеньке от отца» он купил для младшего Суворова. Старший Суворов хотел отправить их в Курляндию, Суворову – младшему, чтобы он чувствовал себя увереннее на своем поприще. Иметь часы в XVIII веке было очень престижно, «по часам встречали, провожали по уму». Серебряная крышка очень дорогих часов блеснула в свете тусклого уличного фонаря, и Василию Ивановичу захотелось открыть их. Он взял изящную вещицу в руки, нажал на кнопочку вверху, крышка щёлкнула, открылась, и взору генерала открылся циферблат. Стрелки указывали на без десяти минут семь вечера, и пора-пора было уже доехать до родной Покровской, где у самой Яузы стоял их дом. Переезд с Арбата, из дома жены Евдокии Федосеевны Мануковой, после её кончины, был вынужденной мерой. Дом из-за финансовых проблем пришлось продать, переехать в жилище попроще. Все дело было еще в племянниках, детях родного брата Александра Ивановича Суворова, тоже почившего в бозе вместе с супругой. Впрочем, новое пристанище семьи Суворовых вполне вмещало все семь мест: дочерей Аню и Машу, двух племянников и маленькую племянницу, оставшихся сиротами после смерти родителей. Суворов вспомнил о своём беспокойном семействе и закрыл крышку часов, размышляя, как совместить свою службу с частыми поездками

[197] Куртаг (от немецкого Kurtag или французского cour — двор) —устаревшее понятие, обозначающее официальный прием или вечерний увеселительный прием (день собрания избранных) при царском или императорском дворе в России XVIII–XIX веков

[198] Покровская улица, ныне Бакунинская

с докладами к Бутурлину в Военную коллегию, основное здание которой находилось

в Санкт-Петербурге? И, слава богу, что недавно нашлась новая бонна для детей!

— Гей, поберегись, православные! Сворачивай в сторону!— закричал вдруг кучер, и Василий Иванович испуганно выглянул в окно кареты. Они были в районе Солдатского моста через Яузу, при подъезде к Немецкой слободе, и до дома вроде рукой подать, но Суворов-старший вдруг увидел огромное количество телег, запрудивших мост и перекрывших движение. Он вгляделся: на телегах стонали грязные, оборванные солдаты

в форме российской армии. Судя по их бритым лбам, явно рекруты, да ещё и больные рекруты.

— Что за напасть? — вскричал Суворов Василий Иванович. — И как объехать их?

— Никак, ваше высокопревосходительство! — кучер снял шапку, перекрестился на торчащий на другой стороне крест на куполе церквушки. — Ждать надобно!

Неожиданно с ними поравнялась другая карета, кучер её тоже затормозил, а из окна выглянул вальяжный, холёный мужчина преклонных лет. Василий Иванович вгляделся и вдруг узнал князя Шаховского, генерал-кригскомиссара. Суворов-старший, будучи военным прокурором, неоднократно пересекался с обер-прокурором Святейшего Синода, пока Шаховской служил там, да и сейчас Военная контора его находилась в одном здании с Кригс-комиссариатом под началом Якова Шаховского. Они часто пересекались

в присутствии.

— Ба, Василий Иванович! — Шаховской приложил руку к треуголке. Он уже был приписан к армии, хоть и был все время в тылу, потому носил генеральский мундир. — Словно и не расставались вовсе!

— Да, вот кто-то затор нам учинил?! — произнес Суворов-старший, указав на обоз со стонущими рекрутами.

— Точно, я учинил! Наш гошпиталь в Лефортове переполнен и не имеет никакой возможности размещать прибывающих рекрут. Я в наше брошенное здание, сиречь Дворцовый пивоваренный дом, отдал распоряжение разместить их, вместе с нашими прачками и лекарями! Вот они и перемещаются туда, заняв мост чрез Яузу! Написал и Ея Величеству прошение о передаче Пивоваренного дома, передав чрез Ивана Шувалова!

— Чрез Шувалова Ивана Ивановича ? Это надёжно, точно в руки государыне нашей будет подана челобитная, а буде не подана, так будет словесно доложена!

Шаховской высунулся из кареты, прикинул что-то и добавил:

— Коли хотите доехать скорее, поедем окольною дорогой, чрез мой дом! То будет вам кругом, но ране будете всё равно, нежели здесь торчать ещё час!

— Благодарствую, Яков Петрович! — вскричал Суворов-старший. — Пусть ваш кучер с моим потолкует и всё ему изъяснит!

Уже через десять минут две кареты остановились у дома главного кригскомиссара России. Его владелец, вдовец Яков Шаховской, воспитывал троих детей, чем-то был похож на Василия Ивановича Суворова и по возрасту, и по бывшей прокурорской работе, и по желанию сохранить семью после смерти супруги. Поэтому, когда князь предложил выпить модного красного вина из Парижа, Суворов-старший решил не отказываться:

— Ну, обождут меня девки мои к ужину! С охотою отведаю пития в конце дня.

Они прошли в дом, и камердинер Шаховского уже принял их кафтаны и треуголки, когда подошедший дворецкий стал сбивчиво оправдываться:

— Ваше сиятельство, Яков Петрович! Вы уж простите старика, только оплошал я! Пустил, кого не надлежало!

— Это кого ж? — князь посмотрел на слугу весьма строго.

Тот засуетился:

— Так вы изволили приказывать размещать всех, кто попросится, вот я и пустил, а они как зашли гурьбою! И прямо к вам в бильярдную — шасть!

— Там они в мой бильярд затеяли играть? — подивился Яков Шаховской, прислушался.

В дальней гостиной и впрямь стучали шары, слышался смех.

— Господа офицеры сказывали, что депешу привезли вам из Санкт-Петербурга!

— Так что ж ты мне о том сразу не донёс? Мне депеши шлют изрядно, в том ничего особенного нет, — он повернулся к Суворову Василию Ивановичу. — Пойдёмте, мой друг! Вина в бутылках как раз в секретере, где бильярд. Заодно и узнаем, кто меня домогается!

Они пошли скорым шагом в гостиную, и взору Василия Ивановича открылись три стола

с зелёным сукном в достаточно просторной гостиной. За ними играла достаточно значительная группа офицеров, часть из них, правда, сидела в креслах. Заметив завистливый взгляд гостя на столы, покрытые дорогим зеленом сукном, Шаховской улыбнулся, он был доволен произведенным впечатлением:

— Я, конечно, не Роман Воронцов, и у меня тут не игорный дом, но столы-с имею!

Они подошли ближе к офицерам, и один из них, с кием в руках, испачканными мелом, представился:

— Поручик Безобразов! Привёз вам депешу из Санкт-Петербурга!

— От кого? — поинтересовался заинтригованный Шаховской.

— От канцелярии! — смущённо сказал поручик со странной фамилией, помялся. — И ещё...

— От канцелярии? От Якова Маслова[199]? — взволнованно сказал Шаховской, взял письмо из рук поручика Безобразова, вскрыл конверт, явно волнуясь, вчитался и побледнел.

— От Тайной канцелярии письмо, от самого Александра Шувалова.

Поручик Безобразов добавил, кивнув на остальных офицеров:

— Неприятно мне, что столь достойному человеку я привожу сей оскорбительный документ, но устно мне предписано сопроводить сюда, в ваш дом, всех, кого вы разместили в Доме пивоваренном! Да и мы здесь останемся до особых распоряжений.

Василий Иванович Суворов подумал, что ослышался: вот так запросто выселять на улицу князя Шаховского из его собственного дома — это было сильно. Он хотел сказать что-то ободряющее, но князь Шаховской был буквально убит известием.

Он прошептал:

— Боже мой! Это всё происки князя Петра Ивановича Шувалова! Наверняка через свою супругу, Мавру Егоровну[200], они настроили и императрицу против меня! Какой конфуз! Какой скандал!

Василию Ивановичу Суворову хотелось сказать что-то ободряющее Шаховскому, но тут в гостиную ворвалась заплаканная 14-летняя дочь Шаховского, Мария:

— Папенька, папенька, распорядись, чтобы господа офицеры не вламывались в мою спальню и не пугали меня! И что же это? Мы на улице будем жить?

Девочка бросилась на грудь отцу, зарыдала. В гостиной настала зловещая тишина, слышны были только всхлипы Маши Шаховской и шёпот самого Якова Петровича:

— Не плачь, детка! Мы поставим палаточку во дворе и будем там жить!

— Помилуйте, Яков Петрович! Так пусть ваши дети к нам на время разбирательств по вашему дому переберутся! Где пятеро, там и девять человек разместятся, — проникновенно сказал Суворов-старший. Он был просто потрясён произволом. Раздавленный Шаховской не знал, что и сказать, а когда прощался с Василием Ивановичем в прихожей, крепко пожал ему руку:

---

[199] Яков Андреевич Маслов (около 1700 — 16 декабря 1785) — видный российский государственный деятель XVIII века, который занимал должность главного командира Дворцовой канцелярии и управлял императорскими имениями

[200] Графиня Мавра Егоровна Шувалова (урожденная Шепелева; 1708 — 1759) — ближайшая подруга и доверенное лицо императрицы Елизаветы Петровны, статс-дама, сыгравшая ключевую роль в возвышении политического клана Шуваловых в XVIII веке.

— Спасибо вам за поддержку! Вино ещё выпьем, когда ситуация разрешится, и пойду прямо сейчас писать письмо императрице и ещё Шувалову.

— Держитесь! — коротко отвечал Василий Иванович Суворов, отводя взгляд. Дождавшись его отъезда, Шаховской поспешил к себе в кабинет, достал бумагу, перо и застрочил: «*Ваше императорское величество, высочайший мне в наказание указ, чрез письмо графа Александра Ивановича Шувалова объявленный, я со все должным моим рабским повиновением принял, и всё потому в доме моём учинено. Но что я в том невинен, и пако как то моё о помощи больных старание происходило, нашему императорскому величеству, мои ненавистники доносят, в том я оправдываюсь из приложенных при сем экстрактов и всех письменных по тому делу производств...*»

Шум отвлёк Шаховского, а к нему ворвался его камердинер с перекошенным лицом:

— Батюшка, батюшка, погляди-ка в оконце, прибыли телеги с болящими, и им велено разгружаться! Вносят всё в наш дом-с!

Шаховской встал, молча подошёл к окну, выглянул. И впрямь, весь двор был уставлен телегами, меж которых суетились женщины с лоханями. Он оборотился к испуганному слуге:

— Всех поместить в доме, прачкам дать воды и возможность стирать и развешивать перевязки их, и накормить всех, уразумел ли?

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! — сказал камердинер и покинул кабинет генерал-кригскомиссара.

Яков Шаховской сел за стол, вздохнул и продолжил писать письме Елизавете Петровне.

Глава 3. Либава.

Мнение военного совета об осуществлении Мемельской экспедиции от 31 мая 1757 г. Либава : «При Либаве в субботу мая 31-го дня 1757 году содержать военный совет, при котором присутствовали генерал и кавалер Фермор, генерал-лейтенант и кавалер Иван Салтыков[201], генерал-майор Броуна[202] и по довольному рассуждению положено к скорейшему предприятию порученной Мемельской экспедиции учинить следующее:

1. Следующим семи полкам из Митавы под командою генерал-майора Цеге-фон-Мантейфеля, для приближения с полками, прибывшими на галерах в Либаву от местечка Дюрбена[203] июня 2-го числа, выступить и расположится в удобных местах лагерем по ту сторону местечка Грубина[204], где вода и трава, а для лагерей удобные места имеются, а расстоянием от Либавы в полутора милях, о чем к нему, генерал-майору Цеге- фон-Мантейфелю, ордер послать.

2. Понеже в Либаве, яко низком и приморском береге лежащем месте, ни здоровой пресной воды, ни довольной травы для подъемных лошадей, а для лагерей сухого места в близости не имеется, и того ради прибывшие на галерах 4 полка, когда остальные галеры в Либаву прибудут и их больных, как скоро тех полков подъемные лошади из Митавы прибудут вывезти в удобные места при выше- писанных семи полках и соединить всю дивизию, дабы будучи как генералитет, так и полки в одном месте, к дальнейшему походу удобнее приготовиться могли.

3. Трудным больным от всех одиннадцати полков, то ж аптеке, доктору и штаб-лекарю с некоторыми лекарями быть по удобности и довольному жить в местечке Грубине и содержать оных не в палатках, но в домах или добрых крепких сараях, которых поручить в смотрение одного попечительного штаб-офицера, а медикаментами и прочим к их удовольствию достаточно снабдить.

4. Обер-кригскомиссару Николеву[205] с денежною казною и обер-провиантмейстеру со всеми их подчиненными впредь до ордеру быть в Либаве и стараться вкупе с майором Гротенгельмом, чтоб привозной из Риги провиант и овес немедленно с судов в магазины выгружен и из оного потребное число вслед за полками водяным путем, озерами до реки Гейлия, беспрерывно отправляем был, к чему все от Либавы до Паланге по морскому берегу и в озе-

---

[201] Иван Алексеевич Салтыков (1716—1773) — русский военачальник, сын внучатого племянника императрицы Анны Иоанновны. На начало Семилетней войны – генерал-лейтенант, командовал пехотными полками, перевозимыми морем из Ревеля в Ригу весной 1757 года. Участник осады Мемеля, где командовал бригадой из четырёх пехотных полков.

[202] Граф Юрий Юрьевич Броун (Seoirse de Brún; 1698 —1792) — ирландский дворянин, на началу Семилетней войны-генерал-майор, позже: российский генерал-аншеф, рижский генерал-губернатор. Участник всех крупных сражений начального этапа Семилетней войны: в качестве наблюдателя (по договору с Австрией, российские наблюдатели находились при австрийской штаб-квартире с правом голоса в военном совете) —и, в качестве непосредственного участника, — сражения при Гросс-Егерсдорфе, осады Кюстрина, Цондорф.

[203] Местечко Дюрбен (Курляндия)- сейчас город Дурбе (латыш. Durbe) в Южно-Курземском крае Латвии.

[204] Местечко Грубин (или Грубин) в Курляндии - современный город Гробиня (Grobiņa) в Курземе на западе Латвии

[205] Николай Егорович Николев (при первой дивизии) — обер-кригс-комиссар во время Семилетней войны (1756–1763), упоминаемый в документах действующей армии вместе с генералом Я. Б. Штофельном.

рах рыбачьи и обывательские гребные суда забрав, содержать при Либаве под караулом, а для рыбной ловли отдавать по рассмотрению только одним надежным людям с распиской, дабы при надобном случае можно было оными пользоваться, что особливо в комиссию майора Гротенгельма поручить.

Прошёл всего-то месяц, как обер-провиантмейстер Суворов Александр Васильевич оказался в Либаве. В тот самый обычный день в окно комнаты, где обосновался Суворов, отчаянно дул морской ветер. Занавески взлетали и опускались с такой силой, что казалось: ещё минута — и сама комната в гостевом доме мадам Хойер[206] взлетит на воздух или поплывёт по Балтийскому заливу. Курляндский город Либава стал портом давно, и близость моря чувствовалась во всём. Его так и назвали: «город, где рождается ветер». Несмотря на то что гладкая, изразцовая печь в углу, несмотря на самый конец мая, дышала жаром, в комнате стояло от силы +10, и, судя по всему, температура опусклась ночью почти до +5.

— Чёрт бы подрал эту Курляндию, — прошептал Александр под тёплым стёганым одеялом, лежавший на кровати.

Он чиркнул длинной спичкой и зажёг свечу в чугунной подставке, стоявшей на тумбочке рядом с кроватью. Рядом с маленькой коробочкой лежал медальон на цепочке, который он снимал на ночь. Он поцеловал его крышку, надел, поправив хитрое серебряное плетение на своей шее, взглянул на образок Богоматери в углу, зашептал утреннюю, привычную молитву, чуть прикрыв глаза, зашевелил губами большого рта:

— О, Пресвятая Владычице Богородице, Царице Небеси́ и земли́, вы́сшая, ангел и архангел и всея́ твари честнейшая, чистая Дево Мари́я!

Спать совершенно расхотелось. Он опять широко открыл глаза, сверкнул голубыми очами в сторону окна, прислушался. А потом нащупал коробочку на тумбочке, открыл её, достал серебряные часы. Он открыл крышку, на ней виднелась гравировка: «Сыну Сашеньке» от отца». Коробочка с часами в Либаву прибыла нарочным с коротким письмом от отца, Василия Ивановича Суворова: тот поздравлял сына с назначением в этот прибалтийский город. Ночной колпак сидел на Суворове-младшем криво, и выглядел он скорее комично. Густые брови топорщились и совсем сошлись в одну полоску, потому что он нахмурился. Он положил часы обратно, прижал руку к груди, а потом вынул медальон с портретом отца и двух сестёр. Сердце его затрепетало: «Как они там, в Москве?» Суворов практически не спал эту ночь. Соседство с трактиром делало эти комнаты для гостей вовсе непригодными для сна. Там ещё гуляли, хотя предчувствие рассвета уже чувствовалось. Загалдели чайки, летающие на берегу, зачирикали городские воробьи, замычали коровы.

— Надобно бы собрать и молока, — сам себе молвил юноша, взглянул ещё раз на своих родных на медальоне, а потом решительно откинул одеяло.

— Хотя… Скиснет! — сказал он опять сам себе, а потом махнул рукою на свечу, на миг устрашившись собственной тени, которую бросала его рука на стену, прислушался. По коридору зацокали каблуки, явно военных сапог, и в его дверь постучали:

---

[206] Гостевой дом мадам Хойер — сейчас исторический памятник и музей в Лиепае (Латвия), где в 1697 году останавливался российский царь Петр I, Лиепайский музей интерьера XVII–XIX веков

— Спите, Саша? Аль не спите?

Голос за дверью казался пьяным, но до боли знакомым. Александр Суворов встал, быстро всунул ноги в узкие брюки. Потом натянул высокие чёрные сапоги, хрустнувшие в руках. Он глянул на зелёный походный китель, висевший на стуле, красный камзол и решил их не надевать, оставшись в белой, хлопковой рубашке, в которой он и спал. Косо посмотрел на свой парик с косой: господи, как же он его ненавидел! Но также решил не напяливать его на свою голову с небогатой шевелюрой русых волос — не на парад же ночью! И так,

в белой сорочке и колпаке на голове пошёл к двери, предусмотрительно прихватив свечу. На стене висело среднего размера зеркало в деревянной раме, и Суворов увидел своё отражение в отсветах пламени догорающей свечи. Выпуклые глаза с массивными веками в круглых, запавших, как два кратера в пустыне, глазницах, чёрные брови, шедшие единой чертой от достаточно широкой переносицы, нос-«уточкой» и несоразмерно большой рот делали его действительно похожим на грустную лягушку. «Настоящая жаба, ква-ква!» — вспомнил Александр обидную полковую кличку. Из-под колпака выбивались русые волосы, но уже сейчас видны были две большие залысины: Суворов рано начал терять волосы от вечно носимого парика. Он вздохнул, приближаясь к выходу из комнаты.

И зачем нужны эти зеркала? Внешность своя ему никогда не нравилась и любоваться

в очередной раз на себя ему не хотелось. «Надо попросить убрать зеркало. Что я, баба какая, собой любоваться каждый день?» Дверь скрипнула чугунными петлями, и перед взором его предстал немолодой уже военный, в зелёном кафтане с красными отворотами, в парике набекрень. Под кафтаном виднелся точно такой же красный камзол, как у Суворова, и которым юноша пренебрёг, оставив висеть на спинке стула. Сама форма говорила о принадлежности стучащего в дверь к армии Российской империи императрицы Елизаветы Петровны:

— Суворов, чёрт вас дери, вы чего манкируете нашею компанией? Ушли опочивать, не пили с нами шнапсу. Вы-с наш, аль не наш?

Пьяный вояка завращал глазами. Он взмахнул рукой, в которой была чёрная треуголка

с каёмкой.

— Я не пью-с, майор Гротенгельм, вовсе, — соврал Суворов.

— Не пьют токмо хворые. Водка и шнапс ещё никому не вредили! (махнув на голову собеседника) А колпак с головы маменька не велит снимать? Замёрзнет маленький сыночек?!

Суворов покраснел, хотя это вовсе не было заметно в неверном отблеске свечи, которую он держал в руке. Он быстро сдёрнул нелепый белый конус с головы, сунул его в карман брюк:

— Моя матушка преставилась-с… Лет с пятнадцать тому как…

Пьяный майор перекрестился:

— Не ведал, брат, не ведал… Эх, вот и я — сиротинушка. Матушки давно нет, а родитель четыре года как преставился. Славным был ротмистром, звали Магнус Густав фон Гротенгельм, может слышали. Пришлось нам с братом оставить вотчины наши

в Эстляндии и пойти на службу. Токмо брат мой, Фридрих, неведомо, где служит! Потерял его с началом войны!

Он вдруг упал на грудь Суворова и расплакался. Александр от неожиданности чуть не уронил свечу:

— Да будет вам, Георгий! Ну что вы разнюнились…

Гротенгельм замычал недовольно. Суворов решил его отвлечь:

— Надобно бы сходить в местный собор Святыя Анны[207], заказать молебен по усопшим, вот и всё… Благодарствую, что напомнили и мне!

Майор Георгий Гротенгельм отстранился от Саши Суворова, вмиг перестав рыдать:

— Это куда наш светлейший царь Пётр I хаживал молиться во славу нашего отечества? Георгий вдруг протрезвел, застегнул ворот расстёгнутого камзола, вытянулся по стойке «смирно». Его карие глаза засверкали, он тряхнул также лысеющей головой, и парик чуть не слетел с него вслед за треуголкой, которую он вовремя подхватил:

— А ведомо ли вам, Александр… Как вас по батюшке? Надеюсь, он-то в добром здравии?
— Васильевич, — пробормотал Суворов. Ему до смерти надоел этот пьянчуга.

— Так вот, Александр Васильевич, вы изволите почивать на кровати самого царя, отца нашей несравненной Елисавет Петровны! Он во время своего дипломатического вояжа спал (махнув на разобранную кровать Суворова) на сих самых полатях, зрил в сии окна, слушал бриз и чаек, гулял по улочкам Либавы.

— Ведаю, майор! В соседнем Доме бургомистра почивал сам Карл XII[208], и что с того?
— Вы не разумеете, Саша! Вы будете великим! Будете! Сие суть знаки фортуны, вы вдыхаете крупицы воздуха, коим дышал великий Пётр I!

— Да полноте вам! Воздух давно испарился в сторону Балтики, и вообще здесь сыро и гадко, даже летом-с! И шли бы вы почивать! Нам через час два уже вставать! Пойдём исполнять волю Александра Борисовича! Вскроем местные онбары[209]!

— Вы про Бутурлина?

---

[207] Лиепайская лютеранская церковь Святой Анны (Liepājas Sv. Annas baznīca) — это старейший христианский храм в Лиепае (Латвия), первые письменные упоминания о котором относятся к 1508 году на площади Куршу

[208] Карл XII (1682 — 1718) — король Швеции в 1697—1718 годах и выдающийся полководец, чье правление почти полностью прошло в сражениях Великой Северной войны. Взошел на престол в возрасте 15 лет и прославился как «король-солдат» за свой аскетичный образ жизни, личную храбрость и непредсказуемую, агрессивную военную тактику.

[209] анбаръ, онбаръ – старинное название амбаров

— Про него, про генерала-фельдмаршала! Не довезём хлеб и фураж до Либавских магазейнов военных, быть беде! Говорят, генерал Фермор будет здесь со дня на день! Соберёт отряд на Мемель и айда туда с полками!

— А я не разумею, как мы всё погрузим на корабли, их не так много… Часть и вовсе не доплыла, где-то застряла в штормовых волнах у Ревеля. Так что…

— Ничего-с, доплывут! Идите почивать, идите, Георгий!

— Слушаюсь, премьер-майор Суворов! — майор явно издевался, ерничал: не младшему по званию приказывать ему, майору. — Токмо приказы отдавать буду-с я, а не вы!

Майор вдруг надел себе на голову чёрную треугольную шляпу, развернулся на 180 градусов, причём чуть не упал, и строевым шагом пошёл по коридору. Однако все же не рассчитал, врезавшись в небольшой комод, стоявший наискосок от двери в комнату Суворова.

— Давайте я вам посвечу! — вздохнул Александр, сделал шаг в темноту и, подняв свечу повыше, осветив всё пространство.

Комната майора находилась по соседству, и войти в неё быстро он мог бы, но Гротенгельм долго рылся в кармане, доставая ключ, а потом, открыв всё-таки дверь, оглянулся на смотрящего на него юношу и погрозил ему пальцем:

— Только не говорите, mon cher[210], что вы не по протекции Бутурлина здесь, в Либаве. Знаем-с, наслышаны-с, что в денщиках трудился ваш родитель вкупе с Александром Борисовичем у отца нашей царицы, Петра нашего Великого. Небось, и в премьер-майоры скакнули скоро по этой же причине? А?

— Что?! — Суворов двинулся к обидевшему его майору.

Но тот вдруг махнул на него рукой и быстро сказал:

— Да оставьте, Шура… Оставьте! Правда уши дерёт? Я сижу тут без всякого повышения

с прошлого года, и что? Всё так же майор-с! Эх!

В коридор из другой комнаты по соседству выглянул разбуженный шумом денщик[211] майора, он был в исподнем:

— Господи, ваше благородие, вы что? Не ложились ещё?

— Цыц, Стёпка! Не твоего ума дело. Со Швеции тебя таскаю, а ты всё не научен!

— Так не будить вас через час? — спросил Стёпка, кряжистый мужик из крепостных.

---

[210] mon cher – по-французски «мой друг»

[211] Денщиками назывались солдаты (или казенные слуги), которые прикреплялись к офицерам, генералам и адмиралам в качестве личных слуг и порученцев. Эта должность была официально закреплена в русской армии и на флоте императором Петром I в Воинском уставе 1716 года.

— Нет, дурень!

Майор Гротенгельм вошёл в свою комнату, хлопнув дверью. Пламя свечи качнулось

в руках Суворова и внезапно затухло, погрузив его в полную темноту. Спорить с пьяным не хотелось, хотя за обидные слова и на дуэль надо бы вызвать! Он вернулся

к себе. Молча повернулся и Степан, прикрыв свою дверь. Лунный свет заполнил всю комнату Суворова. Белела смятая подушка на кровати, изразцовая печь в углу. Александр двинулся к окну, поставил на массивный подоконник подсвечник с огарком, посмотрел через стекло.

Куршская площадь[212] блестела уложенными рядком друг к другу булыжниками, в конце улицы виднелся храм, тот самый, знаменитый посещением Петра I, названый в честь Святой Анны. «Надо бы заказать панихиду по матери», — подумалось Александру. Он вдруг вспомнил о младших сёстрах: Марии и Анне. Как они там? Как кузены и кузины? Беспокойное семейство! С вечно занятым отцом и дядей Василием Ивановичем Суворовым, служившим долго обер-прокурором, а потом перешедшим в Военную коллегию? Он нахмурился. Его больно кольнули слова о протекции отца, произнесённые напившимся до свинячьего состояния майором. Как и Прозоровский в Риге, так и Гротенгельм в Либаве попали ему в самое сердце. Он вздохнул: не провиантом он хотел заниматься, не хлебом, кашами и пивом для солдат, а настоящим делом! Однако судьба решила иначе, и он попал сюда, наполнять либавские склады провиантом, спасать от голода корпус Фермора, брошенного сюда для взятия Мемеля. Вот эта задача, так задача! Казалось, опыт его, как обер-провиантмейстера, наработанный ещё в новгородских армейских магазинах, пригодится ему и здесь, в Курляндии. А может, всё же удастся познакомиться с самим Виллиамом Виллиамовичем Фермором? Этим легендарным военным, учеником самого Миниха? В детстве он жадно слушал рассказы о военных походах. Люди, участвовавшие в Шведской войне, казались ему небожителями. Однако, столкнувшись с майором Георгием Гротенгельмом, запойным пьяницей и участником прошлых военных походов, Суворов сильно разочаровался в образе военного. Может быть, хоть Фермор окажется тем, кем представлял его Саша Суворов? По слухам, он должен был прибыть в Либаву в конце мая. А пока Суворов с майором кормили два полка, прибывших в куршский город раньше командира дивизии: Нижегородский и Муромский. С ними он вошёл в Либаву, с ними здесь и остался. Весь город уже пропах солдатским потом, ремнями, сапогами, чищенными до блеска местным фирменным гуталином. Мысли закружились в голове у Александра. Он вдруг почувствовал усталость. Всё же надо, надо бы выспаться перед завтрашней ревизией городского хлеба! Юноша зевнул, подошёл к кровати, быстро стянул узкие белые брюки, достал колпак из кармана, надел, но потом, вспомнив обидные слова майора Георгия Гротенгельма, стащил его с головы. Едва лицо его достигло подушки, глаза закрылись, и он мгновенно уснул.

[212] Старый рынок (Alter Markt / Куршская площадь, Kuršu laukums) — располагался в Старой Либаве возле лютеранской церкви Святой Анны. Здесь крестьяне торговали с телег-возов, размещались небольшие лавки

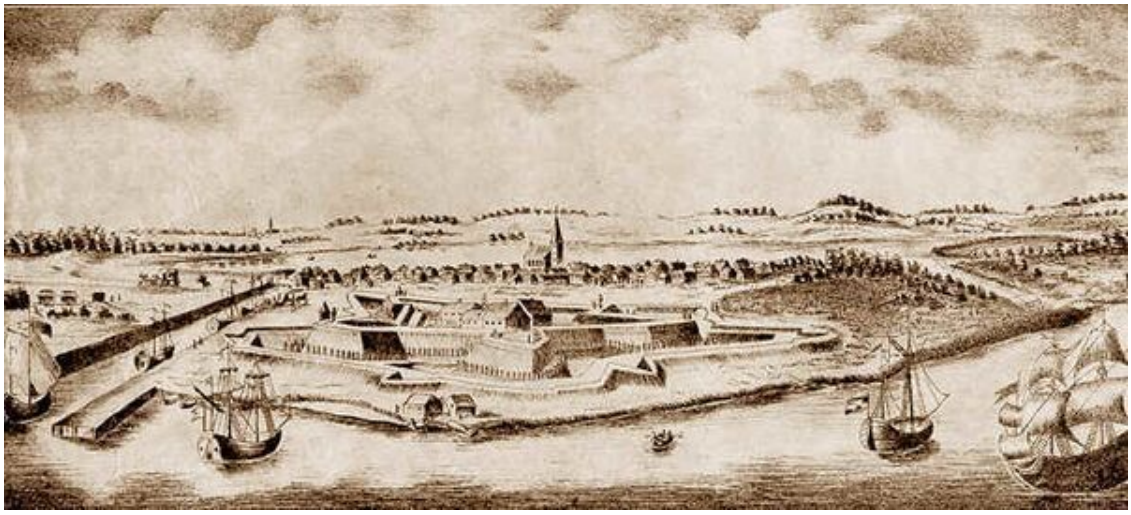

рис. Либава, анонимный европейский мастер XVIII века

Проснувшись второй раз в это утро, часа через два, Суворов почувствовал себя бодро и очень скоро был в седле. Он скакал на своем коне вдоль Торгового канала [213], разделяющего город Либава пополам. Амбары с хлебом находились рядом с портом, и теоретически он мог бы и пешком дойти, но утренние скачки давно стали для него удовольствием и своеобразной физзарядкой. Скакать на лошади учил его денщик отца. Со времён своей мушкетёрской юности в Семеновском Лейб-гвардии полку, когда он впервые сел на коня на каком-то смотре, он обожал, засунув ноги в стремена, скакать по плацу в столичной слободе Семенцы [214]. Вот и сейчас Александр Суворов наслаждался разминкой. Пропойцу Георгия Гротенгельма он решил не будить, ему самому надо было разобраться, где организовать постоянный продуктовый «магазейн» для всё пребывающих частей армии Российской империи. Либава, по сути, стала перевалочным пунктом на этом балтийском побережье. А полки всё прибывали, с целью взойти на русские корабли и отправиться туда, к прусским границам. Никто не смог бы препятствовать этому глобальному передвижению войск Елизаветы Петровны. Тем более русская царица отдала приказ камергеру императорского двора, курляндскому дворянину Эрнсту Иоганну фон Бутлеру [215], строго следить за соблюдением интересов России в этом регионе, пока царский двор искал правителя для этого региона. Но уже сейчас Суворов знал, что именно он будет заниматься погрузкой провианта на российские с

уда из порта Либава в сторону порта Мемель. Да и кому ещё? Гротенгельм не просыхал, и надежды на него было мало. Перед отправкой в военный поход в Курляндию генерал-фельд-

[213] Торговый канал в Либаве (Лиепае) — искусственный водный путь длиной около 3 километров, который соединяет Лиепайское озеро с Балтийским морем и делит город на Старую и Новую Лиепаю. Канал начали прорывать в 1697 году (во времена правления герцога Якова), чтобы связать внутреннее озеро с морем и развивать судоходство и торговлю.

[214] Семёновская слобода (исторический район Семенцы) в Санкт-Петербурге — исторический жилой и военный район, где квартировал Лейб-гвардии Семёновский полк.

[215] Эрнст Иоагнн (Иванович) фон Бутлер (1690 —1771) — курляндский дворянин, российский дипломат и военный деятель, генерал-майор и действительный камергер, с 1737 по 1757 год состоял на российской службе и занимал стратегически важный пост резидента (дипломатического представителя) России в Курляндии.

маршал Александр Бутурлин пояснил ему, что главным для него будет генерал-обер-провиантмейстер Семён Фёдорович Волконский, и именно у него надо было уточнить и количество провиантских магазейнов, за которые должно отвечать, и солдатские нормы провиант. А если здесь будет зимовка? Об этом говорили вскользь и как-то неохотно, повторяя, как ежедневную молитву, что: «цель военного похода — Кёнигсберг», столица Восточной Пруссии! Ну, и для чего городить военные склады в большом количестве в Курляндии, если вся военная армада Российской империи движется в сторону Пруссии? Этого Суворов никак не мог

уразуметь, а спросить было некого. Армия двинулась в Ковно, и где она будет через месяц, или через два, и тем более к зиме — не сказал бы ему никто. Вопросов у обер-провиантмейстера было больше, чем ответов! Да и ответы зависели больше от бога войны Марса! От его благосклонности к армии «русской Елисавет-с», так называли её в Курляндии. С этими мыслями Александр Суворов почти доскакал до узкой набережной Либавы и увидел там необычную картину. Ещё вчера она зияла пустотой, а сейчас её заставили подводами, каретами. Она просто кишела людьми, шла срочная погрузка на корабли русской эскадры. И, казалось бы, этот балтийский берег никогда не видел столько кораблей! Здесь стояли и Кронштадтская, и Ревельская эскадры со своими линейными и бомбардирскими кораблями, на горизонте показался галерный флот.

Суворов спешился, привязал своего коня к забору ближайшего трактира и решительно пошёл к русским кораблям. Он вдруг вспомнил апрельский указ Елизаветы Петровны, который ему читал адъютант генерал-майора Цеге-фон-Мантейфеля:

«Повелеваем оной Коллегии сколь скоро можно нарядить и отправить в Либаву два прама и два бомбардирские галиота, не ожидая всего прочего флота, а препровождая токмо оные потребным числом кораблей по своему рассмотрению, которые и имеют там остаться, крейсируя в тамошних местах во ожидании всего флота, и снабдя оные полным числом всего снаряда и провианта, которые прамы и галиоты независимо от всего флота имеют находиться в полной команде у нашего генерал-фельдмаршала Апраксина, а о командовании на оные галиоты от нашей гвардии из бомбардир-офицеров и прочих чинов указ наш дан будет впредь».

Все подтверждалось: «Святой Павел», 80-пушечный линейный корабль, флагман адмирала Захара Мишукова

[216]

, готовился к отправке. Сам Захар Данилович, в белом пышном парике, в зелёном бархатном камзоле, ушитом галунами, с восьмиконечной адмиральской вышитой серебром звездой на груди и с чёрной треуголкой на голове, стоял рядом с другим генералом. Семидесятитрёхлетнего главу Балтийского флота Суворов не раз видел у отца в Военной коллегии в Москве и отлично знал, как он выглядит, а вот стоящий у стапелей второй человек, лет пятидесяти пяти, казался ему незнакомым. Однако адмирал назвал имя стоящего рядом генерала и Суворов догадался – это Фермор, глава авангарда российских войск:

— Виллиам Виллиамович, сиё сущее наказание, но наши корабли попали в великую бурю, в итоге два корвета возвратились в Ревель, и я сдал морской отряд капитану Вальронду

[217]

---

[216] Захар Данилович Мишуков (1684–1762) — известный российский флотоводец, адмирал и командующий Балтийским флотом, в Семилетнюю войну адмирал Мишуков руководил крупными морскими операциями против Пруссии.

[217] Капитан 3-го ранга Александр Янович (Иванович) Вальронд (1710 — 1757) - представитель известной династии русских военных моряков британского происхождения, в кампанию 1757 года в чине капитана 3-го ранга командовал 32-пушечным парусным фрегатом «Вахмейстер»

. Он уже пошел в море на своём фрегате «Вахмейстер», за ним еще шесть бомбардирских судов!

— В самом деле? А как же определенный на этот корабль - капитан 2-го ранга Ляпунов [218]? Он же командовал фрегатом «Вахмейстер»?

— Попал в шторм, развернулся и пошел с чуть не утопленной эскадрой обратно, чинить мачты. Уповаю, что он позже настигнет наши главные силы и с моря учинит удар по Мемелю. А почто так мало полков в вашей дивизии, Виллиам Виллиамович?

— Ах, Захар Данилович, я был болен, изволил лечиться и сдал генералу Броуну свой авангард из почти одиннадцати полков, распорядившись
о переправке их сюда из Риги. В итоге я
излечился, готов предводительствовать! И что? Вместо великого отряда я обрел здесь несколько сот офицеров, еще меньше нижнего состава, и сие, черт-те что, я вам скажу! И пока насчитал всего около 22 000 человек, и все хотят есть!

— Я только что видал генерал-лейтенанта Ивана Салтыкова, он грузился на корабль вместе со своими тремя полками… А кто еще идет?

— Еще две бригады… генерал-майора Цеге-фон-Мантейфеля и бригадира фон Трейдена [219]! Велико уповаю на помощь казаков Краснощёкова [220]…

Услышав фамилию «Цеге-фон-Мантейфеля», Суворов обратился в слух. Неужели генерал-майор, с которым он шёл из самого Пскова, здесь? Может и подпоручик Леша Кармалин

из Кексгольмского пехотного полка здесь? Сердце его заколотилось, надо было срочно все выяснить! Он прислушался опять к разговору генерала и адмирала.

— Тогда вы должны не мешкая выступить с остатками моей Кронштадтской эскадры к Мемелю. Ваше войско посажено на корабль «Москва» [221], и я думаю, вы скоро будете держать караул у берегов мемельской цитадели! Пушек на бортах довольно, так что я уповаю на викторию, Виллиам Виллиамович!

---

[218] Никифор Иванович Ляпунов — капитан 2-го ранга периода Семилетней войны (1756–1763). Фрегат «Вахмейстер» в составе особого отряда кораблей капитана 2-го ранга В. И. Ляпунова снялся с якоря в Кронштадте и взял курс на запад, однако попал в шторм, в августе 1757 года был назначен командиром 66-пушечного линейного корабля «Наталия», входившего в состав Балтийского флота и принимавшего участие в блокаде прусских берегов.

[219] Иван Яковлевич фон Трейден (1700 — 1781) — русский военный деятель, в чине бригадира принял активное участие в Семилетней войне. На начальном этапе бригадир фон Трейден командовал 3-й бригадой в составе десантного корпуса генерал-аншефа В. В. Фермора. После взятия Мемеля в июне 1757 года он стал первым русским обер-комендантом Мемеля, позже комендант Кёнигсберга (1758—1759 годы)

[220] Фёдор Иванович Краснощёков (1710–1764) — выдающийся донской казачий военачальник, который прославился в Семилетней войне в качестве походного казачьего атамана

[221] 66-пушечный парусный линейный корабль «Москва» Балтийского флота Российской империи в кампанию 1757 года (начальный этап Семилетней войны) входил в состав Ревельской эскадры.

— Сие было собственное повеление нашего командующего, фельдмаршала Апраксина, Захар Данилович! — сухо заметил Фермор. — Мы, невзирая на сумятицу с переправкой нашего авангарда просто обязаны учинить атаку на сей самый восточный город Пруссии и с моря, и на суше.

— А он сам-то где? Я про Степана Фёдоровича. С главными войсками в Ковно?

Суворов увидел, как сверкнули глаза у Фермора. Он раздражённо поправил треуголку с плюмажем на парике, сказал, повышая голос. Вопрос и впрямь был неуместным:

— Сие мне неизвестно, он токмо что был в округе Митавы, оттуда двинул в Ковно. И где он ныне, не ведаю! С ним движется и его обоз! Обоз изрядный, одних лошадей штук

пятьсот! Там же наши главные полки!

— А глаголют, что лошадей в армии недостает, — адмирал смотрел удивленно.

— Вестимо, недостает. В Либаве пока семь полков, им всем за оскудением гужевого транспорта пришлось бросать по пути даже госпитальные телеги. Среди рекрутов - больных множество! И чёрт бы драл сию прибалтийскую гнилую погоду! Мне уже донесли все бригадиры!

— Лошадей для больных рекрутов могли бы так сказать «жаловать с царского плеча»! — голос адмирала звучал с иронией.

— Могли бы, но где их взять? Токмо у казаков по две лошади на довольствие, с ними

в армию и приходят, так и они жалуются, что фуражу нет! Да и самих лошадей в нужном количестве! Телег – нехватка! Даже кораблей ваших недостаточное количество!

Адмирал Мишуков поджал губы:

— Я учиню всё, ваше высокопревосходительство, для исполнения ордера господина Апраксина касательно вашей отправки в Мемель. Одиннадцать полков, стало быть, одиннадцать.

—Ах, да, я Молдавский полк забыл-с! Двенадцать!

— Прикажете двадцать посадить, посажу и двадцать на борт! И столько лошадей погружу, сколько изволите!

— Наша третья дивизия должна отправиться в урочный час! Корабли «Ревель», «Варахаил»

222

должны оставить Либаву. Отплывать станем частями! И да поможет нам Бог!

---

[222] В 1757 году парусные линейные корабли Балтийского флота «Ревель» и «Варахаил» приняли активное участие в кампаниях Семилетней войны, действуя в составе Ревельской эскадры под командованием контр-адмирала В. Ф. Люиса.

— Все четырнадцать кораблей, три фрегата и два бомбардирских судна в вашем распоряжении, ваше высокопревосходительство! Вся моя Кронштадтская эскадра готова к баталии! В полном составе двинется на Мемель!

— Провианта довольно ли, адмирал?

— На кораблях, Виллиам Виллаимович, съестных припасов аж на четыре месяца. И никакой Руммель
[223]
в Мемеле с горстью прусского гарнизона в несколько сотен человек вам не страшен. Мы возьмем их в два часа с моря!

— Ну, тогда я покоен…

Услышав про провиант, Суворов двинулся к адмиралу и генерал-аншефу. Ему хотелось понять, будут ли магазейны Либавы участвовать в отгрузке провианта на корабли, в какой пропорции, что оставлять на берегу и какие нормы пайка солдата в морском вояже? Кроме того, ему очень хотелось найти перед отплытием скромного выпускника их полковой школы – Лешу Кармалина, «Корму»! Об это знал,
наверное, только командир их бригады -
Цеге-фон-Мантейфель, а вот где он, знал - генерал-аншеф Фермор. И Суворов решился,

набрал воздуха в легкие и шагнул прямо на набережную:

— Ваше высокопревосходительство, премьер-майор Суворов! Дозвольте обратиться?

Фермор и Мишуков должны были уже двинуться к кораблям, неожиданный возглас молодого офицера со сдвинутыми бровями, придававшими ему крайне строгий вид, сверкающими голубыми глазами остановил их. Они недоуменно воззрились на премьер-майора, разглядывая большеротого офицеришку. Фермор прищурился:

— Это какой такой Суворов? Не Василия ли Ивановича сын? Какими судьбами в Либаве? — Сын военного прокурора?— адмирал Мишуков посмотрел на премьер-майора

с интересом.

Суворов кивнул, и опять имя отца, как ключиком, открывало сердца больших командиров. В этом было и проклятие «сынка прокурора», но и способ быстро достучаться.

— Так точно, я, Александр Васильевич Суворов, ныне обер-провиантмейстер в Либаве, занимаюсь отгрузкой провианта на корабли, идущих в Мемель! Прошу прощения, ваше высокопревосходительство, за дерзкий вопрос!

Суворов Александр сделал ещё шаг к адмиралу и генерал-аншефу:

---

[223] Подполковник Кристоф Эрнст фон Руммель (нем. Christoph Ernst von Rummel) вошел в военную историю как прусский комендант Мемельской крепости, руководивший её обороной во время знаменитой осады Мемеля российскими войсками в июне 1757 года в ходе Семилетней войн

— Хотел спросить, потребно ли тем, кто в походе, нормы мяса умножить? Или как и было оставить, по фунту на день?

Фермор хотел уже отвечать, но Суворов продолжал:

— Слышал, что денежное жалованье с началом военной кампании на одного солдата возросло?

Фермор посмотрел на премьер-майор удивленно:

— С чего сие? Годовое жалованье нижнего состава пехоты, как было, так и есть — 10 рублей 98 копеек в год, сие — 91 копейка в месяц. Нижний чин в гарнизонах получают и того менее, ну, до 6,5 рублей в год!

— Слышал о
сумме в
1 рубль 40 копеек в месяц! Обман?

— Это ближе к жалованью младших унтер-офицеров! Солдат сроду такого не имел! Да и откуда более фунта на человека в день возьмёте, премьер-майор? — прищурился Фермор, рассматривая сухощавого обер-провиантмейстера либавского магазейна. — Чай, не на родине! За золото мясцо-то здесь покупаем!

Фермор вынул батистовый платок, высморкался:

— Мы, юноша, солдатам жалованье из казны государственной платим, и денег для армии у Елисавет Петровны, царицы нашей, мы более на наши воинские нужды-с не просили!

— Понятственно, ваше высокопревосходительство!

Фермор опять пристально посмотрел на Суворова, спросил:

— Вы-с к какому полку приписаны, Суворов?

— Ныне числюсь в Куринском полку, премьер-майором! Помогаю майору Гротенгельму снабжение наладить в Либаве.

Генерал-аншеф
рассматривал с интересом форму Суворова, пришитые галуны по краю треуголки, расшитый серебряной нитью камзол, выдавали в нем дворянина:

— Мы с вашим отцом, Василием Ивановичем Суворовым давно знакомы-с. Не раз он ко мне в Комиссию по строениям с проверкой заезжал-с...

Тема проверок отца-бывшего военного прокурора была скользкой, и Суворов решил отправить течение разговора в другое русло:

— Да-с, двигался маршем вместе со всей армией российской из Псковской провинции, и покинул их в Риге(он замялся) Извините меня, ваше высокопревосходительство, за вопросы по провианту!

— Все вопросы по провианту, нормам, задайте Семену Федоровичу Волконскому, нашему генерал-лейтенанту, генерал-провиантмейстеру! Он точно вам все подскажет, что покупаем, что изымаем, что оставляем! Или вот... хоть подполковника Маслова [224]

спросите. Он — главный обер-провиантмейстер в нашей первой дивизии!

Фермор махнул на подошедшего офицера. Плотный Маслов, с круглым лоснящимся лицом, на котором криво сидели треуголка и парик, подошел к стоящим на набережной:

— Ваше высокопревосходительство, подполковник Михаил Маслов, прибыл на погрузку — Ох, все же от сыновей больших военачальников - никуда не деться! Просто не куршская набережная, а набережная Невы-с, — пошутил Мишуков.

Подошедший Маслов воззрился на адмирала удивленно, и тот пояснил:

— Виллиам Виллиамович знаком вот с отцом Саши Суворова (он махнул на премьер-майора), а я вот помню вас с братом, как вы малышами с вашим родителем, Яковом Андреевичем Масловым, главой нашей Дворцовой канцелярии, по Невскому проспекту расхаживали!

Подполковник Маслов зарделся, криво улыбнулся:

— Ваше высокопревосходительство, простите, не признал сначала!

Адмирал повернулся к Фермору, стоявшего рядом с вежливой улыбкой:

— Мишу и Андрюшу Масловых на корабликах катал по реке Мойке! Да по Неве хаживали!

(повернувшись к вспотевшему Михаилу Маслову) Как ваш брат?

Маслов помялся, но произнес:

— Андрюша, брат мой, сейчас в Ковно-с со всеми марширует!

— Он — в подполковниках, как и вы?

— Нет, он — премьер-майор всего лишь, хоть мы и почти ровесники! Ему 27, мне 28! Суворов аж губу прикусил. Маслов казался старше, может, из-за того, что был плотнее Александра Суворова, и вот - уже подполковник!

---

[224] Михаил Яковлевич Маслов (1700—1780) — видный русский государственный и военный деятель XVIII века, который в период Семилетней войны исполнял обязанности обер-провиантмейстера (интендантский чин капитанского или майорского ранга, отвечавший за продовольственное обеспечение войск, организацию и сбор хлебных запасов). Начал как подполковник, позже получил чин генерал-майора, с января 1766 года по 1773 год занимал пост Воронежского губернатора, сын Якова Маслова, главы Дворцовой канцелярии.

— Честь имею кланяться, откланиваюсь и иду к своим, — адмирал Мишуков поднял руку к своему головному убору и пошёл прочь, к кораблям, зафрахтованным в либавском порту.

— И я рад был встретить вас, ваше высокопревосходительство, - откозырял Маслов, а Суворов щелкнул каблуками.

Фермор хотел было двинуться за адмиралом, но подполковник Маслов задержал его:

— Ваше высокопревосходительство, задержу….

— Что хотел, Михаил Яковлевич?

И тут Маслова прорвало, он просто засыпал генерал-аншефа вопросами:

— Сколько провианта грузим? На три-четыре дня или на все семь с запасом?

Суворов пристально рассматривал обер-провиантмейстера дивизии - Михаила Маслова. Сразу было видно, что питается подполковник очень недурственно. От него просто пахло едой!

— Михаил, ты с армией из самого сердца Белоруссии идёшь, уже, наверное, две дюжины проходных магазейнов поставил по дороге, а всё в толк не возьмёшь, что «загад не бывает богат»! Ну, откуда я могу, Миша, сказать точно, за один день мы врага опрокинем

в Мемеле али за два?

— Ваше высокопревосходительство, я потому спрашиваю, что сделал ревизию

в Либавском магазейне. У майора Гротенгельма завоз муки только завтра, да и то груз идёт из самого Санкт-Петербурга, морем!

— А вы про какой-то хлеб из Санкт-Петербурга толкуете, Миша! И что, только морем можем довезти? А штормы? — нахмурился генерал-аншеф.

— Ничего, Виллиам Виллиамович, не довезем морем, генерал-майор Даниил Исаакович Дебоскет
[225]
лично дороги построит в Курляндии-с!

— Ну про это я знаю, обозами наш провиант едет регулярно из России под личным присмотром чуть не канцлера Бестужева! И знаю, что Бестужев-Рюмин ещё до войны по всей Курляндии проходных магазейнов наделал тьму! Но мы скоро входим в Пруссию, а там ни дорог, ни добрых купцов с едой бесплатно, да и осень впереди, я уж не говорю о зиме. А коль дожди ныне зарядят? Лето в Прибалтике плохенькое! Вы про это подумали?

[225] Даниил Исаакович Дебоскет (де Боскет, de Bosquet) (1703 — 1761) — российский военный инженер французского происхождения, на начало Семилетней войны – генерал-майор, генерал-аншеф с 1766.

Суворов заволновался: обвинения в отсутствии провианта в местной лавочке касались и его:

— Ваше высокопревосходительство, посмею вмешаться! Мы с Гротенгельмом регулярно пополняем амбары местным зерном, мукою, хлебом, фуражом для лошадей, только одна проблема: Мемель — город прусский, а Либава в Курляндии, по рескрипту не велено хлеб вывозить за границу, посему у майора и недостача! Он может только русский хлеб

на корабли грузить!

— Ах, вот оно что! И кто распорядился? — воскликнул Маслов, обращая свой взор на Суворова.

— Императорский указ! Еще в начале год подписан царицей нашей – Елисавет Петровной, - Александр Васильевич пожал плечами.

Михаил Яковлевич сверкнул глазами, уже не этому щуплому офицеру учить его, Маслова:

— А вы кто?

— Премьер-майор Суворов Александр Васильевич, ваше высокоблагородие! Прибыл

в Либаву на помощь майору Гротенгельму и теперь лично занимаюсь изъятием провианта из куршских сёл в наш либавский магазейн!

— И каких дальше везти? – Маслов сплюнул зло. — По куршским дорогам обозы завязнут, никакой инженерный талант самого Дебоскета не спасёт! Нужно море!

Подул холодный ветер с Балтики, Фермор поежился, задумавшись:

— Вы уж мне, строителю-то со стажем, не говорите ерунды! Я вот Дебоскету недавно Гавриилу Резанова
226

дал в помощь, знаком с ним еще в Комиссии по строениям. Резанов строил Ладожский канал, человек – опытный в строительстве! Так и он все подтвердил: балтийские дороги – из рук вон плохи, песок, глина, не чета земле нашей, российской. Так что морской путь самый правильный и Мемель нам нужен- кровь из носа!

Суворов заволновался еще больше, хотел вмешаться в разговор генерал-аншефа

с подполковником, похвалиться, что ещё учась в Семёновском лейб-гвардии полку при оценке знаний по фортификации получил оценку «прилежен»
227

---

[226] Гавриил Андреевич Резанов (Рязанов) — на начало Семилетней войны- генерал-майор, позже генерал- русской армии. В 1953 году находился в должности начальника Ладожского канала, в 1758 стал обер-комендантом Кёнигсберга, главным начальником при Балтийском порте.

[227] В полковой школе лейб-гвардии Семеновского полка (как и в других гвардейских полковых школах XVIII — начала XIX века) общепринятой цифровой системы баллов в современном понимании не существовало. Вместо цифр в ведомости об

, может, и для него при строительстве военных дорог место найдётся? Всё лучше, чем провиантом заниматься! Он даже сделал шаг к Фермору, чтобы задать вопрос, а не нужны ли тому же генералу Резанову грамотные помощники? Но в этот самый момент конь заржал за спиной премьер-майора. Он оглянулся. На кауром коне гарцевал немолодой всадник

в генеральской форме с усталым лицом:

— Ваше высокопревосходительство! Виллиам Вилламович, дозвольте донести!

— Что вам, Салтыков? — Фермор строго посмотрел на всадника.

Услышав фамилию, сидевшего на коне, Суворов понял, что это и есть Иван Алексеевич Салтыков, генерал, который шел в арьергарде Фермора на Мемель. Салтыков спешился:

— Изволили вы приказать, дабы полки наши по разным галерам рассаживать? Прибыл я со своими тремя полками к назначенному кораблю, а мне сказали, что есть ваше повеление: всю бригаду генерал-лейтенанта Салтыкова по трём галерам распределить. Истинно ли так?

— Да, Иван Алексеевич, истинно так! А что? — генерал-аншеф глядел на подчинённого строго. Фермор хотел что-то добавить, но тут вдруг вновь раздался глас адмирала Мишукова. Он воротился на набережную и бросился прямо к группе офицеров:

— Ваше высокопревосходительство, Виллиам Виллиамович! На меня тут насел генерал-майор Карл Нотгельфер
228
! Просит перво-наперво пушки разместить, да и его артиллеристов на кораблях...

Он не успел договорить, как к ним подошел размашистой походкой мужчина

с крючковатым носом, с черными, колючими глазками, в зеленом кителе, с треуголкой на голове. Он вмешался в разговор, перебив Мишукова, и сказал с сильным акцентом:

— Я требую размещения моих людей и всего осадного парка артиллерии в первую очередь! Надобно пушки расставить так, чтобы мы ударили по Мемелю первыми! На абордаж и в штыковую люди Салтыкова после меня пойдут!

— Да что вы себе позволяете, генерал, как вас там, Нот... Гельфер?! — от возмущения Салтыков начал заикаться.

— Почитайте распоряжение самого Петра Шувалова, он бы слово в слово повторил, что я говорю!

Читали

успехах вносились развернутые текстовые формулировки, оценивавшие не только знания, но и характер учащегося. Использовались градации прилежания: «Понятен и прилежен» (высокая оценка способностей и старания),«Остр» / «Даровит» (высокие природные способности),«Учит с успехом, но ленив» ,«Туп, но старателен», «Надежды мало» / «Непонятлив».

[228] Карл Нотгельфер (Нотгелфер) — российский военачальник артиллерии XVIII века. Его имя неразрывно связано с эпохой правления императрицы Елизаветы Петровны и событиями Семилетней войны, накануне ее получил чин генерал-майора от артиллерии, впоследствии, в 1759 году был пожалован в генерал-поручики.

«Наставление о порядке размещения и погрузки полков и артиллерии на транспортныя суда

»
229

?

Так вот процитирую

:

«

Категорически запрещается грузить пехоту отдельно от артиллерии, которая должна оную поддерживать. Каждый батальон или полк размещают на суда вместе со своими штатными орудиями

». Понятно?

— Так это вам, генерал, не гарнизонной артиллерией в Санкт-Петербурге командовать! — вскричал Салтыков. — Это боевая пехота, а ваши пушки….

— Генерал-лейтенант Салтыков, отставить действие! Се моё распоряжение! – громко и властно скомандовал Фермор.

Адмирал Мишуков пожал плечами, прибавил чуть смущенно:

— Дело в том, Иван Алексеевич, что вместимость судна ограничена, а я и так потерял два корабля из-за бури, не желаю потерять остальные. Либавский залив, а за ним Куриш-гаф
230

волнуются нещадно, ветры дуют такие, что мачта ложится почти на волны, не хочу рисковать и вашими полками в том числе... Так что разберитесь, будьте так добры, на три части... Если утонет кто, то не все разом!

— Но пушки прошу пропустить вперёд! — артиллерист Нотгельфер упрямо гнул свою линию.

Иван Салтыков развёл руками:

— Подчиняюсь большинству, ваше высокопревосходительство!

— Тогда грузитесь быстрее, Карл! — нетерпеливо махнул рукой Фермор на Нотгельфера. — Пока волны небольшие! Очень надеюсь на вашу артиллерию! А потом уже Салтыков.

Иван Салтыков развернулся и пошел к своему коню, отдав честь генерал. По набережной, вдоль набегающей волны пошли Фермор и Мишуков, вприпрыжку за ними — подполковник Маслов, а премьер-майоре Суворове они забыли моментально. А он долго смотрел им вслед. Двое еще что-то продолжали обсуждать, размахивая руками, обер-провиантмейстер Михаил Маслов молча вышагивал за ними.

---

[229] Служебная инструкция генерал-фельдцейхмейстера Петра Шувалова «Наставление о порядке размѣщенія и погрузки полковъ и артиллеріи на транспортныя суда», изданная в рамках подготовки к кампании 1757 года и операции у Мемеля предписывала: порядок совместного размещения (распределения) и подготовки к быстрой высадке (десантированию), учитывая специфику погрузки облегченных и «секретных» орудий, разделение и маркировку боеприпасов

[230] Либавский залив, Куриш-гаф (или Куршский залив) — это крупная мелководная пресноводная лагуна Балтийского моря, отделенная от него узкой песчаной Куршской косой.

Внезапный храп множества коней отвлёк Александра Васильевича, он оглянулся и охнул. И так запруженная подводами набережная, с которых шла погрузка провианта, фуража и бочек с пивом и брагой для русского корпуса на русские корабли, просто затрещала по швам. В самом её начале показалась вереница ещё нескольких подвод. Намечался настоящий и глобальный затор, который будто пробкой заткнул устье Торгового канала Либавы. Суворов слышал недовольные возгласы возниц, окрики офицеров, стук копыт о мощенную булыжником набережную. У забора, где стояла его лошадь, спешилось несколько всадников. По их одинаковым парикам с косицей сзади, чёрным треуголкам, зелёным кителям стало сразу понятно, что это — свои. Александр пригляделся и вдруг увидел знакомое лицо. Неужели это — сам генерал

Иоаганн Цеге-фон-Мантейфель? Увидев ладную фигуру бригадира, его породистое лицо, парик на макушке, который он сдвинул явно из-за жары, из-под которого выбивались тронутые сединой кудри, Суворов невольно заулыбался и крикнул:

— Ваше высокопревосходительство! Не чаял вас лицезреть в Либаве, уповал на встречу!

Генерал-майор Цеге-фон-Мантейфель нахмурился, оглянувшись на окликнувшего его, пригляделся:

— Ба, премьер-майор Суворов! Вы меня зрите здесь, али я вас?

Он говорил с явной иронией, а Суворов, обрадованный внезапной встречей, подбежал

к нему сам:

— Ваше высокопревосходительство, уж месяц здесь прозябаю! А вы со всей бригадой здесь, герр Цеге-Мантейфель? Я токмо интересуюсь Кексгольмским полком вашим!

— Какой я вам герр? — генерал-майор воззрился на премьер-майора. — Вы тут онемечились совсем, Александр?

— Ваше высокопревосходительство, не обижайтесь! – Суворов перевел тему.- Так вы тоже на Мемель нацелились?

Цеге продолжил:

— Да-с, от самого Апраксина получил повеление содействовать генерал-аншефу Фермору! И все свои три полка: Азовский, Кексгольмский да Углицкий завтра двину туда…

Суворов заволновался, он отчаянно завидовал подпоручику Кексгольмского пехотного полка, Алексею Кармалину:

— Не соблаговолите ли и меня к себе определить, дабы Мемель брать? Готов на всякое место в бригаде, лишь бы в деле быть!

Казалось, будто само провидение послало в Либаву Иоганна Цеге-Мантейфеля.

— Токмо простите, ваше высокопревосходительство, за дерзость мою, за излишнюю вольность, за просьбу неумеренную!— тут же извинился Суворов.

— А что вам в Либаве в обер-провиантмейстерах не служится? — строго спросил его генерал-майор.

В это время к ним приблизился пожилой офицер и прервал беседу:

— Полковник Лебель, ваше высокопревосходительство, командир Кексгольмского полка! Скажите, ещё сутки надобно грузиться на корабли, а солдаты от голодухи уж готовы и ремни грызть! Иван Иванович, дозвольте мне в местный трактир отлучиться да солдат туда свезти: дюже они изнурены, отдых им потребен!

Генерал-майор Цеге-фон-Мантейфель оборотился к подошедшему:

— Я-то дозволяю! А коли напьетесь?

Суворов покосился на Цеге, неужели майор Гак проболтался о его пьянстве в Риге генерал-майору? Но Цеге-фон-Мантейфель продолжил:

— Может вам в провиантский магазейн за пайком-с? Да
и Суворова с собою прихватите: он тут – обер-провиантмейстер, почти свой, всякий уголок укажет, особенно, где амбары с пищею. Помнишь его по походу из Псковской провинции? Встречался ли? Может, в Риге

в трактире зрел-с?

Полковник Лебель коротко взглянул на Александра Суворова и кивнул, однако видно было, что он его почти не помнил, лишь про себя окрестил «губошлёпом». А генерал-майор уже обращался к премьер-майору:

— Если ещё не довелось вам познакомиться, Александр, то знай: Лебель — командир Кексгольмского полка моего, имя полное- Вильгельм Фёдорович Лебель! Коли кого ищешь — это к нему!

Суворов расставил ноги, поднял руку к треуголке и отрапортовал:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие! Премьер-майор Александр Васильевич Суворов, прибыл в Либаву по повелению нашей Главной провиантской комиссии в качестве обер-провиантмейстера — снабжать наш мемельский десант! Отряжен генерал-майором Цеге фон Мантейфелем прямо из Риги сюда к майору Гротенгельму!

— А Георгий Гротенгельм здесь? – улыбнулся генерал-майор.- Отличная всеть!

Лебель отдал честь Александру, правда, несколько удивлённый столь громогласным приветствием:

— Приветствую вас, премьер-майор! (добавив) Так кого вы искали, Суворов?

— Подпоручика вашего полка — Алексея Кармалина, своего бывшего сослуживца по Семёновскому Лейб-гвардии полку! — чеканил каждое слово Александр Васильевич.

— Есть таковой! – удивился Лебель. - Хоть и юн, но исправен! Гоняю его с мелкими поручениями, вот и сейчас отправлен мной за бумагою для списка полка: кто болен, кто здоров из солдат!

Затем Лебель оборотился к генерал-майору Иоганну Цеге-фон-Мантейфелю:

— Отчего же вы меня, ваше высокопревосходительство, не отрядили магазейнами заведовать в Либаву? Я бы с сим делом отлично справился, служил бы здесь, вкушал бы

в трактире сосисочки местные, да пивом запивал, оно тут славное!

Суворова слегка покоробило сие язвительное замечание командира полка. Вот, стало быть, как почитают его должность — сосиски есть, да пивом запивать!

— Лебель, изволите оставить сии разговоры, — недовольно процедил генерал-майор, — вы нам на фронтах нужны, а не в трактире, и впереди у нас Мемель!

Суворов вздохнул и вдруг выпалил дерзко, обращаясь к полковнику Лебелю:

— Готов хоть сейчас вам
место уступить! За должность не держусь: желаю со всеми на корабль взойти, да Мемельскую крепость брать!

— Успеете вы, торопыжка, пороху понюхать, — отрезал генерал-майор. — А сейчас займитесь-ка лучше провиантом для наших солдат! И, правда, оголодали они в походе!

Лебель продолжал смотреть на молодого премьер-майора с явным интересом:

— Только ныне смекнул, кто в Либаве-с провиантом ведает!
Вы-то мне, любезный, и надобны. Срочно решите дело с разгрузкой обоза нашего! Тянется за нами из самой России, надоел хуже горькой редьки.

—Часть, как я разумею, на корабли грузим — те, что к Мемелю пойдут; часть здесь оставим для солдат, кои ещё из Курляндии прибудут, - отвечал Суворов,

— Не ровен час, и дивизия Броуна тут объявится! Так что народу будет много, не успеете! – скептически протянул полковник Лебель.

— Полно пугать юношу, Вильгельм Фёдорович! Вчера донесение пришло: дивизия Броуна идёт на соединение с дивизией Лопухина, а фельдмаршал Апраксин уже пребывает на главной квартире в Ковно. Не будет их в Либаве! — оборвал полковника генерал-майор, он махнул рукой на Суворова. — Вон у него глаза словно плошки стали! Какие ещё полки тут появятся? Как только Мемель возьмём, весь провиант оттуда и
вывезем — тот, что пруссаки нам оставят, когда побегут оттуда. А потом… Впереди у нас Кёнигсберг!

—

Если Кёнигсберг - так из Мемеля возить провиант-с будет сподручнее! Хоть морем летом, хоть по Мемельская
231
косе
зимой, если песок пройдем-с
.

— А что не пойдём-с с нашими обозами? – задумался Цеге.

— Зимой-с сообщение между деревнями куршскими почти нет-с, песчаные дюны поглотили дорогу полностью, местные обыватели двигаются по мёрзлому льду Мемельского залива!

— Вот как! — воскликнул генерал-майор.

[231] В XVIII веке Куршская коса в официальных и географических источниках чаще всего называлась немецким термином Kurische Nehrung (Куршская неринга), а также по-латыни в документах — Neria curoniensis. Неринга (лит. Nerija) — древнее балтское/литовское название, означающее «узкая длинная песчаная коса», Мемельская коса (или Neria versus Memlam — «Нерия напротив Мемеля»), прусский Штранд (или просто Штранд, от нем. Strand — берег, пляж).

рис. Карта Мемеля,
XVIII
век

Суворов что-то хотел сказать, но тут на набережной на сером коне в яблоках появился генерал-провиантмейстер Семён Фёдорович Волконский, собственной персоной. Однако, когда тот подъехал ближе к ним , Суворов решил не обращать на себя особого внимания, Волконский же «ел» глазами генерала Цеге-фон-Мантейфеля:

— Генерал Мантейфель! Да я и чина вашего не пощажу! Ещё и разжаловать прикажу за сей затор, что вы тремя полками своими учинил! Сам Фермор ныне в Мемель отбывает, и погрузку надлежало заблаговременно устроить, а не

в отчаянии восклицать: «лошадей нету!»

Генерал Цеге-фон-Мантейфель надулся:

— Да и нет их, ваше высокопревосходительство! И подвезти остатки поклажи нашей,

в куршских полях потерянные, никак не сможем быстро! Разве что у казаков осведомиться: они, как водится, кажный по две-три лошади имеют!

Защищая командира, вмешался полковник Лебель

— Так они с двумя-тремя гужевыми своими в службу и вступают, по крайней мере донцы!

Только они лошадей не дадут, да и с какой стати им свою скотину отдавать, коли она их собственная? Личная, так сказать!

— Мало ли что личная! Осведомитесь же немедленно, ради всего святого, отдадут или нет! — рявкнул Волконский, не слезая с коня.

Разгневанный генерал-провиантмейстер уже было повернулся, чтобы дальше скакать, как вдруг вмешался Суворов:

— Ваше высокопревосходительство, премьер-майор…, — он поспешно поправился: — То есть обер-провиантмейстер – Александр Суворов! Позвольте доложить?

Волконский нахмурился и осадил коня шпорами; жеребец заржал и встал на дыбы: его пугали крики на набережной, и Семён Фёдорович едва с ним справлялся:

— Батюшки святы, от Суворовых нигде не укрыться! В Военной коллегии — Суворов, здесь, на набережной, опять Суворов. И суров ли Суворов? Впрочем, истинно рад, что вы в наших рядах, Александр Васильевич, и здесь в Либаве! А как ваш батюшка?

Генерал Иоганн Цеге-фон-Мантейфель расхохотался над каламбуром, обстановка потеплела, а Суворов, не желая вновь выслушивать расспросы о Суворовом-старшем, поспешно молвил, переводя тему:

— Лишь хотел осведомиться, ваше высокопревосходительство, о мере распределения продуктов в походе. Не претерпели ли нормы перемены против тех, что установлены в мирное время по местам расположения полков в России?

Волконский вновь крутанулся на коне, оставшись в седле и строго поглядел на премьер-майора:

— А с чего бы им меняться? Всё по-прежнему: полфунта каши, фунт солёного мяса на человека в день! О хлебе и говорить не стану: по 2–3 фунта на человека, не более, все как и раньше. В чём же суть вопроса, Суворов, изъясните?

— Думал в военном походе увеличение положено…

— Не было никакого высочайшего указа об увеличении норм — коли будет ордер, вам сразу скажу! Как идет реквизиция
[232]
хлеба и мяса в Курляндии? – строго спросил генерал-провиантмейстер. — Что ж, местные помещики да крестьяне? Сильно ли ропщут против того, чтобы русских солдат прокормить?

— Тяжело, ваше высокопревосходительство. Одно дело — дома у крестьян провиант от местных дворян получать, и совсем иное — здесь!

— Суворов, а вот и не отвечайте на сей вопрос, я вам дозволяю! — вдруг вмешался Цеге-фон-Мантейфель.

Волконский метнул на него сердитый взор:

— Вы знакомы-с? Вот уж воистину тесен свет!

— Да, Александр Васильевич Суворов шёл с нашей бригадой из Псковской провинции. Отменно себя зарекомендовал: солдаты сыты были. И фурьера моего гонял, и провиантмейстеров трёх полков не щадил, дабы кашу с мясом вовремя подавали. А что здесь творится в Либаве — не ведаю, но твёрдо знаю, что не его дело военные экзекуции тут проводить. Тут надобен вооружённый отряд, а не премьер-майор без мушкета!

— Так пусть запасётся мушкетом, да и гранаты у гранадеров испросить может! — Волконский прикрикнул на коня: — Да стой же ты, окаянный!

Когда конь перестал дергаться под ним, добавил, обращаясь к премьер-майору:

— Вы, Суворов, не отвлекайтесь пока от наполнения вверенных вам солдатских магазейнов. А как вы их станете наполнять — знать не хочу! Главное — казённые суммы блюсти да солдатские нормы не нарушать!

---

[232] Реквизиция(экзекуция) зерна - если помещики или крестьяне добровольно не продавали хлеб государству по установленным ценам для нужд армии, Сенат мог объявить принудительное изъятие продукции. Нередко для этого в деревни отправляли военные команды («военные экзекуции»)

— Так казённые суммы на магазейны вновь урезали, мне вчерась сам майор Гротенгельм сказывал! Как же быть? На меньшие деньги солдатам

больше провианта давать? В долг что ли? — осторожно спросил Суворов.

У Волконского, Семёна Фёдоровича, глаза забегали, он явно смутился, но быстро взял себя в руки. и прикрикнул на Александра Васильевич:

— Не вступайте не в своё дело, премьер-майор! Сократили суммы — значит в походе издержали более, нежели положено. Умейте обходиться тем, что дано!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.